

ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ЧЕЛОВЕК СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЫ
Четыре биографии разной длины
Фрэнк Харди — «ЛИШНИЕ РУКИ» АВСТРАЛИИ
Рассказ Юрия Сальникова — НОЧЬ НА ДЕБАРКАДЕРЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 36 (1785)

3 СЕНТЯБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

АЗОВСКАЯ ПУТИНА

Фото Я. Рюмкина

Рыбаки стремятся быть независимыми от капризов природы, стараются не связывать с ними свои планы, обязательства. Однако порой приходится считаться со стихией.

Сейчас погода стоит хорошая, промысловая. Но поздней осенью обязательно заштормит.

Ведь как случилось этой весной. Таганрогский залив был еще забит льдом, а на Приазовье потеплело. Рыбаки поставили почти пять тысяч сетей и за два-три дня выбрали 40 процентов квартального плана улова. И вдруг метеорологи сообщили, что с севера надвигается непогода. Под угрозу были поставлены не только эти пять тысяч сетей, но и корабли. Весь флот Ждановского рыбоконсервного комбината вышел в море, и в течение одних суток были, как говорят рыбаки, выломаны, то есть убраны, все сети и доставлены на берег. Но на выполнении плана эти каверзы погоды не отразились. Как только море поутихло, на лов вышел весь рыбацкий флот, который на Азовье в шутку называют тюлькиным флотом, в отличие от большого. Каждый день на Ждановский рыбоконсервный комбинат доставлялось по 50 тонн частиковых рыб: судака, леща, чехони. План первого полугодия был перевыполнен: 130,7 процента.

С 1 сентября снова начался лов частиковых рыб. До этого главное был бычок. Тот самый бычок, который, будучи законсервирован и приправлен томатным соусом, так пришелся по вкусу нашим потребителям. Сотни рыбачьих судов в Азовском море заняты добычей бычка.

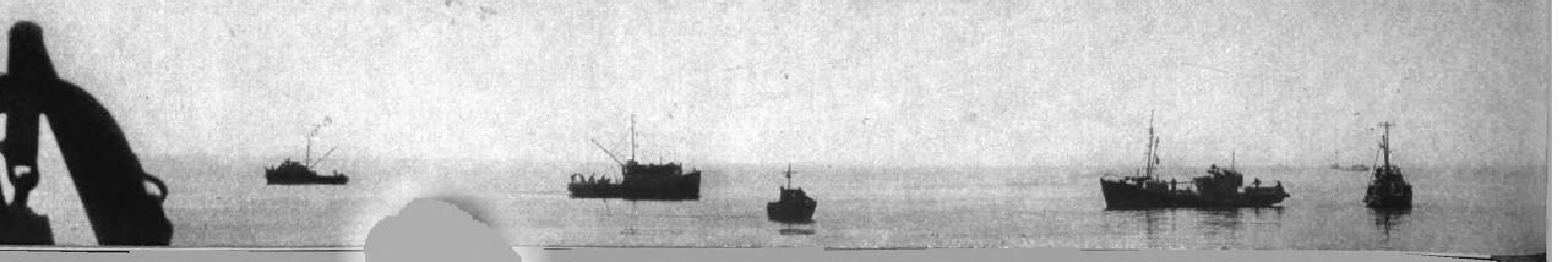
А. ВИННИК

На снимках:

А. Литвиненко, капитан - бригадир, П. Гальченко, Ф. Дремов, Ф. Цывиль — рыбаки из экипажа сейнера № 157. Им первым на Ждановском комбинате присвоено звание бригады коммунистического труда.

«Да, улов отличный!» — может сказать капитан-бригадир Павел Прокопьевич Фенин (слева) из колхоза «Украина».

Н. Пархоменко, бригадир рыбаков колхоза имени Кирова. В его улове — неплохие судаки.

Эти снимки сделаны на Московском трубном заводе и в одной из воинских частей Московского военного округа.

Фото А. Устинова и А. Ляпина.

МЫ ЗА МИР, НО ЕСЛИ НАМ ГРОЗЯТ...

...советские люди отвечают:

„Мы сильны. Мы сможем дать отпор любому агрессору. Мы поддерживаем мероприятия нашего правительства, направленные на укрепление оборонной мощи Родины".

Обербургомистр Большого Берлина Фридрих Эберт благодарит командиров боевых рабочих групп, принявших активное участие в охране границ столицы республики.

Фото Центральбильд. (Снимок принят по фототелеграфу.)

Демократический Берлин

СПОКОЙСТВИЕ, УВЕРЕННОСТЬ

С огромным вниманием народы земного шара следят за событиями в Берлине. Миролюбивая общественность всех стран одобряет постановление правительства ГДР от 13 августа, наносящее сокрушительный удар по политике шпионажа и провокаций, орудием которой является Западный Берлин. Горячо приветствуют новые шаги своего правительства берлинцы.

Мы связались по телефону с магистратом Большого Берлина. К аппарату подошел постоянный заместитель обербургомистра ВОЛЬДЕМАР ШМИДТ.

— Товарищ Шмидт, расскажите, пожалуйста, какое настроение в Демократическом Берлине.

— Отличное. Все идет своим чередом. Пожалуй, лучше всего об отношении трудящихся к решению нашего правительства говорит тот факт, что за последние две недели на предприятиях Берлина значительно повысилась производительность. Наши рабочие и служащие отвечают на заботу об их безопасности новыми трудовыми успехами.

— В западногерманской и западноберлинской прессе проливаются крокодиловы слезы по поводу судьбы тех жителей Демократического Берлина, которые работали в Западном Берлине, а теперь якобы попали в трудное положение. Что бы вы могли сказать по этому поводу?

— Абсолютное большинство «гренцгенгеров», как мы называем таких людей, уже устроено на работу на предприятиях Демократического Берлина. Многие сообщили, что они очень довольны своей новой работой. О каких-либо жалобах мне не приходилось слышать.

— Какова ситуация на границе с Западным Берлином?

— Там сохраняется известная напряженность. Вызвано это тем, что хулиганы из Западного Берлина пытаются провоцировать конфликты с нашей народной полицией. Особенно буйно брандтовские бандиты ведут себя в тех районах, где вдоль границы расставлены американские танки.

— Что бы вы хотели передать читателям «Огонька», товарищ Шмидт?

— Передайте читателям вашего журнала, всем нашим советским друзьям самый сердечный привет от берлинцев. Мы всегда чувствуем братскую поддержку народа и правительства вашей великой страны. Люди доброй воли на немецкой земле ждут подписания мирного договора. Спасибо Советскому Союзу за его благородные усилия в этом важном деле!

Две части одного города на запад и на восток от Бранденбургских ворот. Вчерашний и завтрашний день Германии разделяет здесь давно неезженная трамвайная колея, протянувшаяся между Бранденбургскими воротами и рейхстагом. По ней проходит граница между Демократическим и Западным Берлином, граница двух миров, двух эпох.

Десять с лишним лет, используя во зло терпение правительства Германской Демократической Республики, призраки прошлого пытались отравить реваншистским и милитаристским смрадом новый, светлый мир будущего, родившийся вместе с народной властью на востоке Германии. Они не скрывали, что, пользуясь свободой передвижения в городе, подготавливают почву для вторжения через Бранденбургские ворота на восток.

13 августа пришел конец

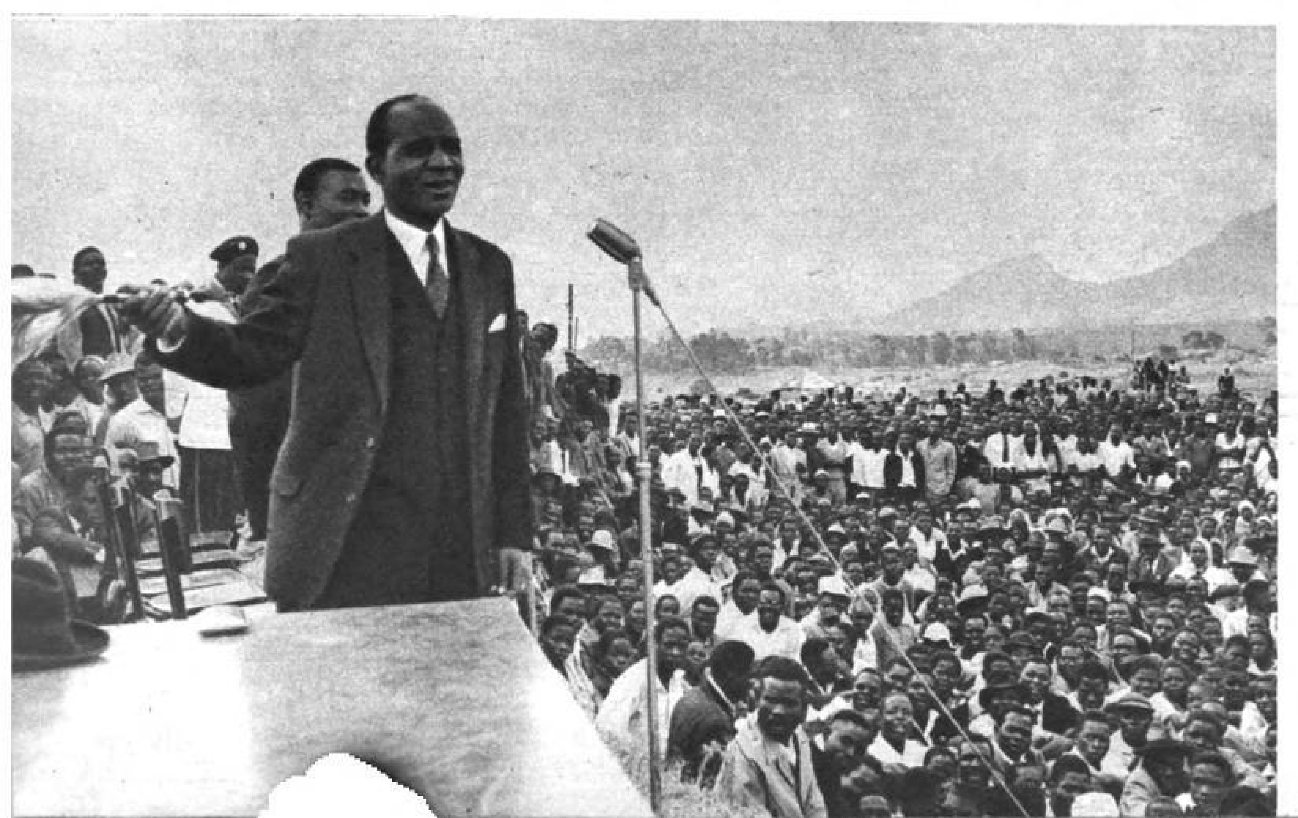
НАРОДЫ БОРЮТСЯ,

Ветер свободы веет над землями, где колонизаторы с давних пор считали себя хозяевами. Они приходят в ярость, видя, как один за другим поднимаются на борьбу за независимость народы, судьбами которых они еще недавно распоряжались, как хотели. Но что могут сделать империалисты? Построить еще несколько тюрем? Сбросить еще несколько бомб на мирные деревни? Начать еще одну колониальную войну? Они делают все это, но, однако, история все чаще и чаще регистрирует поражения империалистов.

«Лично я не собираюсь разыгрывать роль колониальной марионетки, которыми так гордится британский империализм. Я буду трудиться во имя освобождения моей страны»,— эти слова принадлежат Чедди Джагану, руководителю Народно-прогрессивной партии Британской Гвианы. Они были произнесены после того, как в 1953 году английские хозяева Гвианы, перепугавшись прихода к власти Народно-прогрессивной партии, разогнали правительство, возглавлявшееся Ч. Джаганом, и ввели чрезвычайное положение в стране. Недавно на новых выборах в Британской Гвиане население снова отдало свои голоса Народно-прогрессивной партии. Это победа народных сил на пути к независимости.

←

С выборами английским колонизаторам не везет. В африканской колонии Англии Ньясаленде потерпела поражение Объединенная федеративная партия, во главе которой стоит расист и приверженец колониальной системы Рой Веленский. Выборы в Ньясаленде были первыми всеобщими выборами в истории этой страны. Африканцы поддержали партию, которая выступает за выход Ньясаленда из Федерации Родезии и Ньясаленда, созданной колонизаторами. На снимке: лидер этой партии Х. Банда на митинге после победы на выборах.

НАРОД

Западный Берлин

Вилли тянется в струнку...

Мы не знаем, какому чину в американской армии соответствует ранг правящего бургомистра Западного Берлина. Если судить по снимку, сделанному репортером Юнайтед Пресс Интернейшнл,— это нечто среднее между сержантом и капралом.

Объектив фотоаппарата запечатлел весьма примечательную картинку. Человек в форме, указующий большим перстом через плечо в сторону Бранденбургских ворот — генерал-лейтенант Брюс Кларк, командующий вооруженными силами США в Европе. Человек в штатском, стоящий перед ним навытяжку,— Вилли Брандт, западноберлинский «отец города».

Неспроста Брандт тянет руки по швам. Провокации, которые не прекращаются на секторальной границе между Демократическим и Западным Берлином, бандитские выходки подрывных элементов, подстрекаемых кликушами из западноберлинского магистрата, происходят под прямым покровительством американской военщины. Пушки американских танков нацелены на Восточный Берлин, а на тротуарах собралась толпа хулиганствующих молодчиков, свидетельствует корреспондент английской буржуазной газеты «Дейли мейл» Форрест. Хулиганы в Западном Берлине, подчеркивает английский журналист, усиливают напряженность в этом городе.

А на одной из западноберлинских окраин, в специальном учебном городке американских вооруженных сил, воспроизводящем берлинский квартал, солдаты США обучаются ведению уличных боев...

Режим «фронтового города», города шпионов и провокаторов, в который превращен Западный Берлин, держится на оккупационном статуте, на американских штыках. За спиной американских оккупантов Брандт и его единомышленники надеются укрыться от решительного требования, раздающегося на всех континентах: подписать мирный договор с Германией и урегулировать на этой основе вопрос о Западном Берлине.

Вилли Брандт готов сам сесть за руль американского танка, лишь бы помешать заключению мирного договора. Только поможет ли это?..

этим преступным надеждам, делам и планам. Народ Германской Демократической Республики плотно закрыл для террористов, саботажников и шпионов двери своего дома. Охраняют эти двери зоркие, бдительные часовые. Познакомимся с одним из них. Его судьба — судьба целого поколения.

Старшина народной полиции Гейнц Зигель до второй мировой войны жил, как многие немцы. Школа учила принимать все на веру, церковь — повиноваться. Нацистская пропаганда вдалбливала, что пуще отца и бога надо почитать фюрера. Гейнц верил и повиновался до 1945 года, когда двадцатилетним юношей попал в плен. Там, в лагере для военнопленных, в далекой России, наступило прозрение. Вблизи и совершенно иначе увидел он русских, со многими подружился. Стал понимать, что подлинные враги немецких рабочих и крестьян — фашистские главари, немецкие короли угля, стали, химии, пушек.

Гейнц вернулся из России в родительский дом в небольшом городке Наумбург и начал работать кондуктором трамвая. Вступил в Социалистическую единую партию Германии, в профсоюз, в Общество германо-советской дружбы. По вечерам продолжал учиться...

В 1953 году по заданию организации СЕПГ Гейнц Зигель проводил беседу с западноберлинскими рабочими. Неожиданно нагрянула полиция.

— Коммунистический агитатор! — закричал полицейский, увидев паспорт гражданина Германской Демократической Республики.

Гейнца втолкнули в машину и отвезли в полицию. С полудня и до глубокой ночи били.... Снова втолкнули в машину и повезли. После получасовой тряски в открывшуюся дверь Гейнц увидел черный забор. А рядом у виска — дуло пистолета...

— Вставай! — скомандовал полицейский. — Выходи!

Быстро понеслись в голове мысли. Вспомнился излюбленный метод гитлеровских убийц — выстрел в затылок. Вспомнилось и то, о чем говорили друзья, — о засилье бывших гитлеровцев в западноберлинской полиции.

— Пошел! — нетерпеливо крикнул полицейский.

Гейнц встал и шагнул вперед. Подумал, что все будет быстро, даже выстрела не услышит. Но его и не было. Зато отчетливо услышал Гейнц вой мотора и увидел удаляющиеся красные огоньки автомобиля. Отдышался, пошел на восток. Лишь к рассвету, проплутав по улицам западноберлинских кварталов, увидел Бранденбургские ворота.

Вернувшись домой, Гейнц Зигель подал заявление о вступлении в народную полицию.

«Чтобы отдать все свои силы, а если понадобится, и жизнь делу охраны социалистического отечества», — написал он в заявлении.

Сегодня Гейнц Зигель охраняет границу великого социалистического содружества, границу мира. Надежно охраняет!

Б. ГУРНОВ

Берлин, по телефону.

Африка поднялась на борьбу. Она борется за свое освобождение всеми средствами. Вот снимок, который сделан на одной из дорог Анголы. Патриоты, сражающиеся за освобождение своей страны, вырыли на пути португальских войск яму-ловушку. Солдаты колониальных войск вооружены несравненно лучше ангольских патриотов — оружием, которым Португалию снабдил агрессивный блок НАТО. Трупы и сожженные деревни отмечают путь колонизаторов. Но борьба продолжается. Анголезцы уверены, что придет день, когда Ангола будет праздновать свою независимость. ↓

→ Когда говорят о Кении, в памяти встают сообщения о зверствах английских колонизаторов, учиненных ими в этой африканской стране во имя сохранения там колониального ига. Разгул колонизаторского террора начался в Кении в 1952 году. Тогда же, девять лет назад, английские власти арестовали и бросили в тюрьму лидера народа Кении Джомо Кениату. Они надеялись обезглавить освободительное движение, спрятав за решетку его руководителя. Девять лет в Кении и во всем мире не прекращалась борьба за освобождение Кениаты. И империалистов заставили сдаться! Недавно Джомо Кениата был освобожден. Народ с восторгом встретил вождя освободительного движения.

← Тунис — независимая страна. Его независимость молода: народ завоевал ее всего лишь в 1956 году. На земле Туниса, как гнойник на здоровом теле, оставалась французская военная база в Бизерте. «Очистите нашу землю!» — заявили тунисцы французской военщине. Но деголлевская Франция ответила на это пулями и бомбами. На этом снимке: похороны жертв французских колонизаторов в Бизерте. Тунис навсегда запомнит это и не простит захватчикам. Еще сильнее стало стремление тунисцев возвратить своей стране землю, занятую чужеземцами.

Ы ПОБЕДЯТ

Фото В. Хухлаева (ТАСС).

40 ЛЕТ ТРУДА И БОРЬБЫ

Кабардино-Балкарию можно назвать краем контрастов. Чего только нет в этой небольшой республике! Есть степи засушливые и знойные. Есть горы, которые даже в самое жаркое время не снимают снежных шапок, горы суровые и неприступные.

Кабардино-Балкарии исполнилось 40 лет. Сначала была она автономной областью, а в 1936 году стала автономной республикой. Что изменилось за это время? Легче сказать, что не переменилось. Производство электроэнергии выросло в сотни раз. Такие заводы появились, о которых раньше и не мечтали,— Тырны-Аузский вольфрамово-молибденовый комбинат, машиностроительный и станкостроительный в Нальчике. Шумит теперь пшеница на бывших бесплодных землях.

Нелегко все это далось, не с неба упали электростанции и заводы. Много труда стоило построить их, много жизней — защитить от врага. А враг нагрянул сюда сильный и коварный. Пришлось уйти в горы и оттуда наносить ему разящие удары. До сих пор живет легенда о бойцах-альпинистах, не покорившихся фашистам, до сих пор звучит их песня:

Вспомни, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага.
Вспомни гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней.

Много лет прошло с той поры. Ничто не напоминает в Кабардино-Балкарии о времени фашистского нашествия. Шагнула далеко вперед республика, люди возмужали и выросли. Те, кому была оставлена записка «на скалистом гребне для грядущих дней», строят заводы и выращивают высокие урожаи пшеницы и фруктов. Они добывают для своей республики новую славу и складывают новые песни.

Сорок лет для человека — пора расцвета творческих сил, а для страны — пора детства. Так считали раньше. Теперь иное, и сорокалетняя республика тому доказательство. Она в расцвете творческих сил, у нее большое будущее.

На снимке: Нальчик. Монумент «Навеки с Россией», установленный в честь 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России.

ПЕВЕЦ БОЛЬШИХ ПРОСТОРОВ

Таджикистан — страна великих снежных хребтов, страна плодородных глубоких долин. В одной из таких долин, в кишлаке Каратаг, полвека назад родился выдающийся поэт Мирзо Турсун-заде. Незадолго до его рождения землетрясение разрушило до основания старый кишлак. Но не успел мальчик подрасти, чтобы идти в школу, как новое, но на этот раз благодетельное для людей землетрясение всколыхнуло не только горы, но самые основы жизни народа. Это пришла в горы Октябрьская революция.

Мирзо Турсун-заде.

Мальчик начал свой трудный, удивительный и замечательный путь. Он прошел его с честью. Как восходил он на высоты родной страны, так теперь взошел он на высоты жизни, стал прославленным поэтом, знаменитым борцом за мир и дружбу народов, лауреатом Ленинской премии.

Он воспел рост своего народа, с которым трудился, не жалея сил, чтобы нищий, старый Таджикистан исчез с лица земли, чтобы слава о нем, неузнаваемо преображенном трудами социалистических мастеров нового, широко прошла за рубеж. Индия, Афганистан, Пакистан, Иран — соседи — увидели славного сына таджикского народа, услышали звучные, образные, сердечные стихи о людях, строящих социализм, о людях, борющихся за мир, за дружбу народов.

В стихах Мирзо Турсун-заде жила освежающая поэзия, такая же убедительная, как прохлада Большого Гиссарского канала, могучая, как горы Памира, сердечная, как встреча старых друзей.

Его стихи широко и далеко известны. Он, выйдя на большой простор мира, писал и об Индии и о маленьком Хасане-арбакеше. О великой Москве писал он, о многих встречах на длинных дорогах, по которым странствуют солдаты армии мира, чтобы бороться за счастье человечества, не считаясь с расстоянием.

Мирзо Турсун-заде — прекрасный знаток многих вещей и языков, опытный, закаленный путешественник, великолепный рассказчик, вдохновенный оратор, настоящий друг и товарищ. Его голос звучал во многих городах Азии, Европы, Африки. Он звучал и в залах мировых конференций, и в юрте кочевника, и во дворце раджи, и в бамбуковой хижине или глиняной сакле, среди крестьян, мечтающих свергнуть иго угнетения.

О самом поэте можно писать стихи и рассказы: столько с ним было драматических и бытовых приключений. Он неустанно работал и работает над темами Востока, народы которого его дружески помнят и любят. Советские читатели хорошо знают стихи Мирзо Турсун-заде от «Индийской баллады», получившей Сталинскую премию, до «Хасана-арбакеша» и «Голоса Азии», удостоенных Ленинской премии. Большой и хорошей дружбой связаны советские поэты с Мирзо Турсун-заде. Он секретарь правления Союза писателей СССР. Он руководитель Союза писателей Таджикистана, председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, поэт и академик.

Глубже самых сердечных приветствий
Нашей песенной дружбы итог:
Сколько прожито, видено вместе,
Сколько пройдено вместе дорог!
Я хочу, чтоб в грядущие годы,
Откликаясь на времени зов,
Новым грозам, горам и народам
Ты читал свои строки, Мирзо!
Чтобы снова дорога кружила,
К тишине и покою глуха,
До конца чтобы с нами дружила
Восходящая сила стиха!

Николай ТИХОНОВ

СТОЛИЦА УНИВЕРСИАДЫ

Болгарский спортсмен Димитр Хлебаров зажигает огонь Универсиады.
Фото специального корреспондента ТАСС В. Савостьянова.

На 10 дней солнечная столица Болгарии стала столицей Всемирных студенческих игр. Жители города гостеприимно встречали посланцев пяти континентов. Украсили Софию от окраин до самого центра, приготовили замечательные сооружения, аплодисменты и сердечность и готовы отдать все свое радушие, на которое они способны.

Чистые и зеленые улицы Софии в эти дни особенно привлекательны. И это не могут не заметить все юные спортсмены, приехавшие из 34 стран мира. Но особой популярностью и особым покровительством у жителей болгарской столицы пользуются советские атлеты. Надо было видеть, как встречали их в день открытия Универсиады болгарские зрители на стадионе прославленного революционера Василя Левского!

— Если сравнить Универсиаду с олимпийскими баталиями, то они по своему духу близки к самым крупным мировым состязаниям,— так заявил мне во время состязаний гимнастов один из руководителей японской делегации, М. Кавадзи. И он добавил: — Вся наша группа да, я думаю, и другие делегации — предолимпийские. Ведь Универсиада — это Олимпийские игры в миниатюре.

И действительно, достаточно побывать на соревнованиях гимнастов и пловцов, баскетболистов и фехтовальщиков, чтобы понять — перед нами будущие олимпийцы.

Одним из первых на Универсиаду приехал почетный гость из Франции. Это был убеленный сединами, но прямой и крепкий старик Жан Петижан, соратник основателя современного олимпийского движения Пьера Кубертэна. Он был инициатором проведения Всемирных студенческих игр. Первые состязания студентов состоялись 37 лет тому назад. Проходили они в Варшаве. Юноши и девушки соревновались только по трем видам спорта. После второй мировой войны был создан прогрессивный Международный союз студентов — МСС. И вот в Париже в 1957 году состоялись единые Всемирные студенческие игры с участием как прогрессивных, так и других молодежных организаций. Именно тогда игры молодежи стали близки по размаху олимпиадам.

Б. БАЗУНОВ

София (по телефону).

ПИСЬМО ИЗ ВЬЕТНАМА

«Дорогая русская мама! Вчера вы посетили нашу школу. Мы были так рады! Я уже семь лет не видела своей мамы, не слышала ее ласкового голоса. А вчера вы разговаривали со мной так тепло, как моя мама.

Я навсегда запомню вчерашний день и расскажу о нем своей маме, когда вернусь в Южный Вьетнам.

Уже семь лет я живу в Северном Вьетнаме. Дядя Хо очень заботится о нас. Мы учимся, хорошо живем, но становится так тяжело, когда вспоминаешь о маме.

Можно, я буду называть Вас своей мамой?

Целую миллион раз.

Нгуен Тхи Диен, ученица 6-го класса. Хайфон».

Валентина Алексеевна Колосова, которой адресовано это письмо, еще и еще раз перечитывает его. Невозможно забыть волнующие встречи в Демократической Республике Вьетнам во время третьего национального конгресса женщин, в котором участвовала советская делегация во главе с В. А. Колосовой.

...Под легким бамбуковым навесом собрались школьницы. Затаив дыхание, слушают девочки невысокую русую женщину. Валентина Алексеевна рассказывает вьетнамским школьницам о том, как живут и учатся дети ее страны — Советского Союза, большого друга вьетнамского народа

Эти вьетнамские девочки не видели своих родителей по нескольку лет. Отцы и матери многих детей и сейчас томятся в тюрьмах и концентрационных лагерях в Южном Вьетнаме.

2 сентября вьетнамский народ отмечает 16-ю годовщину рождения Демократической Республики Вьетнам. Залечив раны после тяжелой войны, народ Северного Вьетнама успешно осуществил трехлетний план и теперь выполняет свою первую пятилетку.

А на Юге, по ту сторону 17-й параллели, царит режим террора и репрессий. Крестьян сгоняют с их полей, чтобы строить военные базы для американцев. США вооружают южновьетнамскую армию. В Южном Вьетнаме находятся более трех тысяч американских военных советников.

Жители Юга ясно видят, что единственный путь национального освобождения — это путь борьбы за единый, независимый Вьетнам.

«Советские люди,— сказал Н. С. Хрущев на митинге советско-вьетнамской дружбы,— глубоко уверены, что справедливая борьба вьетнамцев за объединение своей родины закончится полной победой».

На обороте снимка, присланного В. А. Колосовой, написано: «На память о вьетнамской земле.

Ваша дочь Нгуен Тхи Диен».

Мардуский химкомбинат. Склад суперфосфата.

Фото С. Розенфельда.

Бригада электромонтажников Владимира Люткевича из электромонтажного поезда монтирует оборудование на тяговой подстанции, строящейся в районе Дебальцева.

Фото Б. Аксельрада.

ПИЩА ПОЛЕЙ

Разнообразную, «вкусную» пищу готовит полям Мардуский химический комбинат, разместившийся в предместье Таллина.

Самое дешевое, а потому, если так можно сказать, дежурное блюдо — фосфоритная мука.

Сотнями миллионов тонн исчисляются запасы фосфоритных руд в Эстонии, по качеству они признаны лучшими в Советском Союзе. Эти руды, переработанные на комбинате в фосфоритную муку,— прекрасное удобрение для кислых болотистых почв. Если же муку смешать с компостами и навозом, то ее можно с успехом использовать и на других почвах.

Скоро на Мардуском комбинате вступит в строй флотационная фабрика, и тогда производство дешевой фосфоритной муки — а ведь это не только пища полей, но и ценная добавка к кормам животных — увеличится на 60 процентов.

Готовясь к XXII съезду Коммунистической партии, коллектив комбината освоил новую технологию получения суперфосфата. Благодаря ей выпуск ценного удобрения увеличится на 20—30 процентов.

М. АНГАРСКАЯ.

ТАЛЛИН

ДОНБАСС

НА СМЕНУ ПАРУ

На железных дорогах пар отживает свой век. В третьем году семилетки должно быть электрифицировано более двух тысяч километров железнодорожных линий.

Донбасс в этом деле не отстает от других краев и областей. Сейчас пар сменяется электричеством на участках Иловайское — Марцево, Красный Лиман — Шпичкино, Святогорская — Никитовка, Никитовка — Дебальцево.

Соревнуясь за достойную встречу XXII съезда, электрификаторы работают с большим подъемом.

ТРУДОВЫЕ УСПЕХИ—ТЕБЕ, ПАРТИЯ!

СВЕРДЛОВСК

За рубежами семилетия

Темп работы в бригаде зубореза на Уралмашзаводе Константина Маслия — поистине сказочный. В августе бригада перешагнула рубежи семилетки и теперь дает продукцию в счет... 1966 года. Обязательство, взятое в честь XXII съезда партии, выполнено досрочно.

— Каковы наши планы на будущее? — говорит Константин Яковлевич. — Работать еще лучше, чтобы приблизить торжество коммунизма.

Константин Маслий и его товарищи по бригаде Евлампий Родионов, Аркадий Фомичев, Григорий Мурашов до конца 1965 года решили выполнить два семилетних задания.

На снимке: Константин Маслий.

Фото И. Шубина.

АСТРАХАНЬ

Камышовая целина

Испокон веков с первыми заморозками просторы Волжской дельты окутывались огромными облаками дыма. Более 300 тысяч гектаров камыша в Астраханской области сжигалось на корню.

А ведь камыш, не требуя никакого ухода, только в дельте Волги может давать ежегодно урожай стеблей весом свыше 2 миллионов тонн.

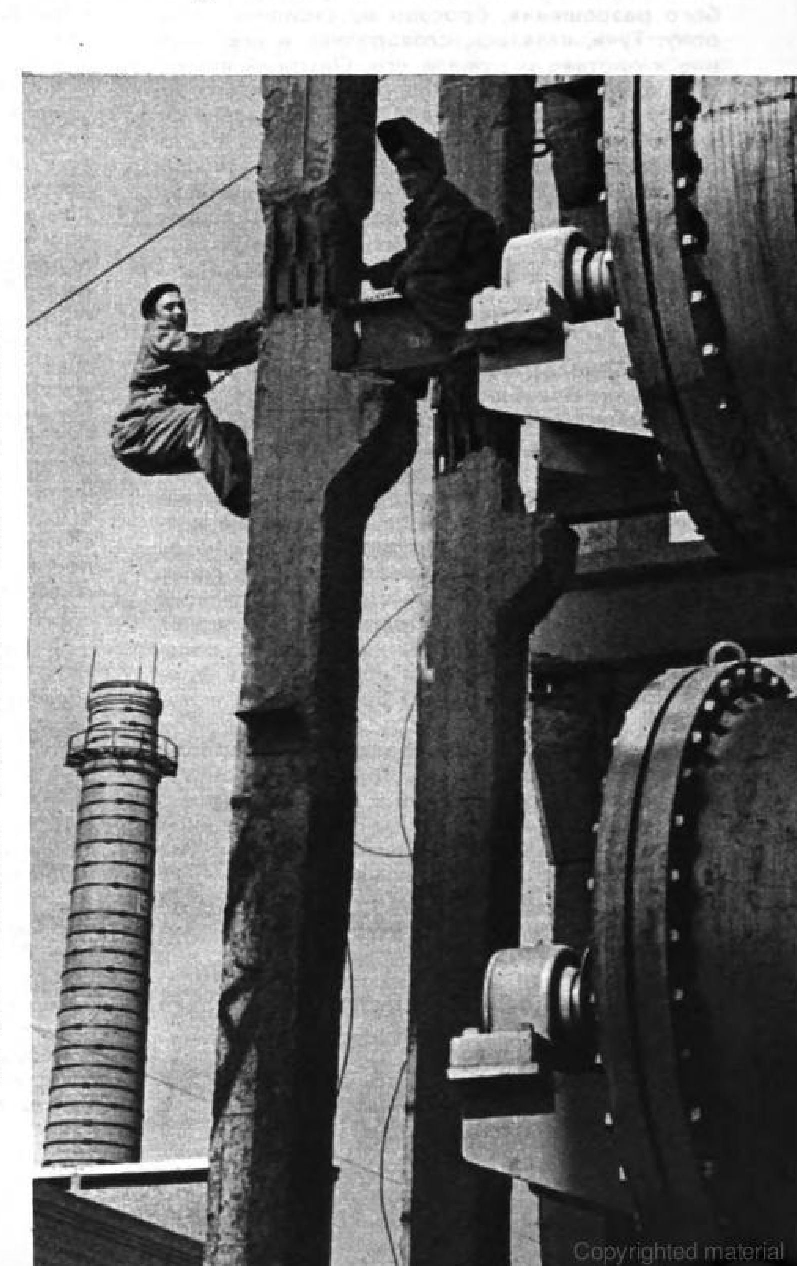
До нынешнего года лишь ничтожная часть камышовых богатств использовалась на отопление и в сельскохозяйственном строительстве.

И вот по инициативе Н. С. Хрущева в Астраханской области началось строительство камышитовых заводов и самого мощного в мире целлюлозно-картонного комбината.

К XXII съезду Коммунистической партии первая очередь комбината вступит в строй, и страна получит сотни тысяч ценных сортов целлюлозы, картона и кормовых дрожжей.

На снимке: монтаж варочного цеха Астраханского целлюлозно-картонного комбината. Сварщик Владимир Попов, монтажник Иван Молочный.

Фото Л. Бородулина.

„ВОСТОК-2" ЛЕТИТ К

А. РОМАНОВ

С момента, как мне стало известно, что я полечу на космодром, буду присутствовать при старте космического корабля «Восток-2» и его приземлении, я, как всегда в интересных случаях своей журналистской практики, вел репортерский дневник. Старался записывать по ходу дела все события, свидетелем которых был лично.

4 августа

13.15. Звонок.

— Да. Сегодня? Хорошо. Обязательно, обязательно. Нет, что вы, приеду на полчаса раньше, на час, если хотите.

В конце разговора сообщают:

— Если что-нибудь изменится, вам позвонят.

И после паузы:

— Где вы будете остальные часы дня, куда позвонить? — Голос деловой, строгий.

Бегу домой. Собираю вещи — в основном блокноты разных размеров.

19.35. Сижу в самолете. По трапу поднимаются известные ученые, занимающиеся проблемами космонавтики. Моим соседом по креслу оказался инженер Петр Ермолаевич, как он назвал себя. Его нельзя было упрекнуть в замкнутости, но на мои «космические» вопросы не находил времени ответить. Он сидел, уткнувшись в какие-то непонятные для меня схемы. Водил по ним карандашом, писал столбики цифр, подсчитывал. По всему видно было, ему сейчас не до меня.

Начали мы полет в тот час, когда над Москвой бушевала небывалая гроза. Тяжелые раскаты ее следовали один за другим. Темное, свинцовое небо, казалось, легло на землю всей своей тяжестью. Самолет, вылетевший с особого разрешения, бросало из стороны в сторону. Тучи, казалось, сговорились и все плотнее и плотнее окружали его. Опытный командир корабля, с удивительно идущей к его характеру фамилией Ледов, хладнокровно и умело нашел в небе узкий коридорчик и проскочил сквозь него. С летчиком за эти дни мы облетали немало километров в разных условиях. Это настоящий ас. Летает в любую погоду, садится в любом месте.

5 августа

2.45. Самолет легко коснулся земли. Мы в пункте назначения. Говорят, что вчера вечером прошел дождь, но следов его нет. От земли тянет жаром, как от железной печки.

Едва успел стряхнуть дорожную пыль, как Петр Ермолаевич, мой спутник по самолету, сказал, что есть возможность поехать на космодром. По правде говоря, хотелось часок отдохнуть... но цель поездки — космодром. Нельзя отказываться от столь заманчивого предложения. Надо набраться впечатлений, осмыслить все увиденное, как говорят, овладеть темой. Выполнив ряд обязательных формальностей, я сел к Петру Ермолаевичу в машину.

«Победа» мчится на предельной скорости. Свою торопливость Петр Ермолаевич объясняет тем, что должен быть в штабе по проведению запуска корабля точно в назначенное время. Он оказался крупным специалистом, членом Государственной комиссии.

— Есть ко мне вопросы? — откинувшись на спинку сиденья, спросил он. — Теперь я свободен. Итак, первый вопрос?

— Имя космонавта?

— Герман Степанович Титов. Это бывший «Космонавт-2».

— Каков вес корабля?

— 4 731 килограмм. Это, конечно, без последней ступени ракеты-носителя.

Задаю один вопрос за другим, понемногу входя в курс тех событий, свидетелем которых стану.

У Петра Ермолаевича широкое умное лицо, чуть утомленные глаза, свободная, непринужденная манера говорить. И самое главное, что я подметил, умение объяснять просто самые сложные технические вопросы.

Наша машина несется по асфальтированной дороге среди бескрайней равнины. Мелькают поселки и города, железнодорожные станции, мачты высоковольтных линий, уходящие за горизонт. Дорога опустилась в долину, а когда машина миновала ее, впереди внезапно выросло высокое ажурное сооружение.

Через несколько минут мы въехали на бетонную площадку. Первое, что бросилось в глаза,— серебристо-матовое сигарообразное тело многоступенчатой ракеты, просвечивающее через переплетения металлических конструкций. Огромные специальные приспособления бережно и вместе с тем крепко поддерживают ее, словно боясь, что она может умчаться в небо без разрешения ее творцов.

Петр Ермолаевич объяснил, что место, где мы стоим, — стартовая площадка.

— Какое название получил космический корабль?

— «Восток-2».

К Петру Ермолаевичу подходят люди, здороваются с ним и поглядывают на меня, на лацкан моего пиджака, где укреплен значок «Пресса».

17.40. Я записываю эти строки, примостясь в зрительном зале небольшого клуба. Кое-какие впечатления уже есть. Но они не первого плана. Интересных и нужных для репортажа фактов пока еще нет. Не состоялось еще ни одной встречи. А до старта, по моим данным, осталось не так уж много — 15—16 часов. Когда сумею найти что-нибудь, просто не знаю. Тем, кто может рассказать что-то интересное, пока не до меня.

Но вот в зал вошел пожилой человек, несколько грузноватый, в мягкой песочного цвета куртке и видавшей виды легкой матерчатой шляпе, которые хороши лишь в тот момент, когда их покупаешь. Он неторопливо прошел через зал и сел за длинный стол, покрытый зеленым сукном. Сел и задумался, подперев свою большую, чуть седеющую голову маленькой аккуратной рукой. Он сразу привлек мое внимание. Высокий лоб, небольшой нос, глубоко сидящие карие глаза. К нему подошел молодой, курчавый, загорелый, словно цыган, паренек и что-то сказал. Человек поднял голову и улыбнулся. Разговаривая, он держал голову чуть-чуть набок, как бы стараясь лучше услышать и понять собеседника. Позднее я сообразил: этот человек все время прислушивался к командам, которые передавались по радио рабочим, занятым подготовкой космического корабля к полету.

Я подошел к нему:

— Не можете ли мне помочь? Я представитель ТАСС. Приехал написать репортаж, мне хочется рассказать читателям все самое интересное о подготовке к полету и самом старте корабля.

— Из ТАССа? — переспросил он и утешил: — Вам предстоит скоро большая работа.

Почувствовав в собеседнике осведомленного человека, спрашиваю, когда этот час настанет и как бы мне не прозевать его.

— Время полета решит Государственная комиссия,— сказал он мягко.— Не прозеваете.

— Вы уже успели познакомиться с Главным Конструктором? — сказал, подходя к нам, Петр Ермолаевич.

— Я не представился ему, — улыбнулся мой собеседник. — Виноват. — И назвал свои имя и отчество.— У меня свободная минута, и если хотите, пойдемте на воздух, я вам кое-что покажу.

Однако выполнить это намерение ему не удалось. Едва он стал мне показывать свое детище «Восток-2», как подошла группа людей, и наш разговор оборвался.

— Нет ли где-нибудь здесь космонавта Германа Титова? — спрашиваю у проходившего мимо рабочего.

— Последние дни космонавт часто бывает здесь, — ответил он.

— Каков Титов из себя?

— Небольшого роста, в форме военного летчика.

Осмотрел все вокруг. Большинство людей в синих комбинезонах. Военных летчиков не видно. Что же делать?

Тут от головной части ракеты спустился лифт. Из него вышел небольшого роста паренек в голубой тенниске и легких серых брюках. Похожий на здешних рабочих, он не привлек бы моего внимания. Но я услышал разговор:

— Петя, это космонавт Герман Титов.

— Точно, пойдем поближе.

Подхожу поближе и я. Едва приметный ветерок ласкает русые волнистые волосы Германа Титова. Глаза у него большие, голубовато-серые, опушенные длинными черными ресницами. Они полны той живинки, которая отличает людей смекалистых, энергичных, волевых. Пожалуй, ему не дашь 26 лет. Он выглядит моложе. От всего облика веет здоровьем, жизнерадостностью.

И вдруг сзади слышу голос:

— Скоро должен сюда приехать Герман Титов.

— Как приехать? Ведь вот же он, — показываю я на паренька в голубой рубашке.

— Да что вы, это не он.— И внимательно посмотрев, твердо добавил: — Нет, не он.

Большего огорчения я не испытывал, кажется, за все мои часы, проведенные на космодроме. Снова посмотрел на паренька в голубой рубашке. Какое хорошее, открытое лицо! Ну что же, стал успокаивать я себя, и он также мог бы лететь в космос, если бы был летчиком. Тысячи юношей мечтают стать космонавтами.

☆ ☆ ☆

19.50. Огорченный тем, что принял за Титова какого-то рабочего паренька и потеряв окончательно надежду на встречу с будущим героем, я сел на ступеньку каменной лестницы и начал записывать в свой блокнот все, что было на душе. Откуда-то сбоку неожиданно появился Петр Ермолаевич. Пот градом катился по его широкому лицу, и он вытирал его цветным платком.

— Ну что, товарищ корреспондент? Полный блокнот, наверное, материалов насобирали?

— Наберешь тут у вас, — угрюмо ответил я, не желая рассказывать о недавно происшедшем казусе.

— Не огорчайтесь, впереди еще более полусуток. И, кроме того, чем ближе к старту, тем на площадке будет спокойнее.

— А не наоборот?

— Именно спокойнее. Когда подготовка к старту закончится, люди освободятся, и для вас откроется широкое поле деятельности.

Я облегченно вздохнул.

— А сейчас никуда не уходите, — посоветовал мне Петр Ермолаевич. — Через несколько минут сюда приедет космонавт. Стартовая команда хочет встретиться с Германом Степановичем, пожелать ему успехов в полете.

И не успели мы договорить, как по радио раздалась команда. Со всех сторон стали сбегаться молодые парни в синих комбинезонах. Откуда-то тихо, так, что я не заметил, подъехала машина. Из нее вышел военный летчик, лица которого я не успел рассмотреть. Люди окружили его так плотно, что не подойти.

ЗВЕЗДАМ

Космический рейс позади...
Фото В. Севастьянова (ТАСС).

Из дневника специального корреспондента ТАСС

«Можешь лететь спокойно!», «Желаем тебе успеха, Герман!», «Счастливого пути!» — говорили они космонавту, перебивая друг друга.— «Возвращайся скорее на Землю!»

Что отвечал Герман Титов, я не расслышал. Голос его мне показался глухим и несильным. Запомнил: он говорил о своей радости, что ему доверили вести такой чудесный корабль в космос. Последнюю фразу я слышал явственно и записал ее полностью: «По возвращении на Землю я обязательно приеду к вам и расскажу о полете».

В плотном живом клубке людей Герман Титов дошел до машины и уехал. Так мне и не удалось увидеть его лица.

20.45. День на исходе. Куда теперь? Ехать в город? А не забудут ли меня завтра в суматохе? Может быть, остаться здесь? В клубе я заприметил диванчик.

И снова появляется мой Петр Ермолаевич.

— Быстро, едемте.

Не спрашиваю, куда. Мчимся в сторону от космодрома.

Позади на фоне багрово-красного заката — космический корабль. Он стоит, словно всматриваясь в небесные просторы, словно изучая путь, по которому ему предстоит завтра унести в космос простого сибирского парня.

Машина резко затормозила возле небольшого дачного домика. Молодые деревца, клумбы цветов. Входим и попадаем в коридор. Справа две маленькие комнаты. В одной на стуле — знакомая мне голубая рубашка. Вошли в третью, скромно обставленную комнату, что оказалась прямо перед нами.

— Знакомьтесь, — обратился Петр Ермолаевич к молодому пареньку, в одних трусах сидящему возле стола с цветами.

— Герман Титов...

Язык мой, кажется, отнялся. Всего можно было ожидать, но чтобы так внезапно, с глазу на глаз!.. Не знаю, что и говорить. Неловкая пауза. Выручил сидевший на диване средних лет человек, как потом я узнал, личный врач космонавта, наблюдающий за здоровьем Германа Титова во время подготовки к полету.

— Садитесь, отдыхайте.

Сел и молчу. И не могу оторвать глаз от космонавта. Он как будто похож на того паренька, что я видел, и как будто не тот — совсем другой. Может, рубашка эта не его?

— Какие у вас чудесные цветы, — собравшись с духом, говорю я.

— Это мне час назад товарищи подарили. Из стартовой команды, — стал рассказывать Герман Титов, перебирая чудесные гвоздики.— Чуть слезу не пустил. Бывает же так, в горле комок и сказать им в ответ ничего не могу. Хорошие ребята.

Ну, думаю, разговор начался, — значит, дальше пойдет лучше.

Герман Титов родился и вырос в Алтайском крае, где мне пришлось работать в 1939—1943 годах. Хорошо знаю этот богатейший край. Наша беседа стала простой и задушевной. Вспоминали о его родных местах, любимых с детства.

— В позапрошлом году я был дома, — заметил Герман Степанович. — Бродил с отцом по родным местам. Сады там какие! Недавно мне с родины банку смородины привезли. Из отцовского сада. Он, как ушел на пенсию, садоводством занялся. Совхозным садоводом стал. До чего хорошая смородина! А как пахнет!

Герман Степанович с удовольствием вспоминает детство, юность, припоминает эпизоды из своей жизни, себя то с гармошкой, то со слесарным инструментом, рассказы деда — участника гражданской войны и одного из создателей коммуны «Майское утро». Но чаще всего говорит об отце, энтузиасте просвещения, человеке незаурядного таланта, педагоге и художнике, поэте и садоводе, композиторе и физике.

Герман многое унаследовал от отца. Правда, космонавт утверждает, что не пишет стихов и музыки, но любит их и понимает.

Но душу свою Герман Степанович давно отдал технике авиации, и, может, окончательно в те дни, когда дядя, брат матери, летчик Александр Носов, рассказывал своему племяннику о быстрокрылых самолетах.

Облик у Германа незаурядный. Большие серо-голубые глаза. Прямой, чуть с горбинкой нос. Плотные губы и напористый подбородок. Лицо подвижное. Весь — сочетание собранности, внутренней силы и энергии.

В комнате стало душновато. Открыто окно, вентилятор шумит, словно винт маленького самолета. Герман Титов подходит ближе к нему: тут прохладнее. Тренированное смуглое тело, атлетически сложенное. Прекрасная натура для скульптора. И очень красивые руки — пальцы длинные, как у музыканта. Он взял книжечку, которую ему принесли. На обложке надпись: «Бортовой журнал космического корабля «Восток-2».

Герман Степанович повернул первую страницу и стал внимательно читать. Потом взял карандаш, привязанный к журналу, проверил, крепко ли он держится, и объяснил:

— У Юры произошла неприятность. Карандаш в невесомости отвязался и улетел. Еле его потом нашли.

Пилот снова углубился в чтение. Мелким, но четким почерком Герман Титов делает нужные пометки в бортовом журнале...

— Буду пролетать над американским континентом, — смеется космонавт, — там сейчас гостит Юрий Гагарин, обязательно крикну: «Привет, Юрий!»

Кстати, в этом доме, где мы сидим, жил и «Колумб космоса» Юрий Гагарин, а Герман был тогда лишь известен под именем «Космонавт-2». Сейчас в другой комнате так же готовится к полету «Космонавт-3».

На минуту Герман Степанович выходит из комнаты, и мы остаемся одни с врачом. Расспрашиваю, какие наблюдения ведутся за космонавтом, каковы показатели его здоровья. Врач отвечает нам, что Герман Титов живет по специальному научно разработанному режиму. Сон, физическая подготовка, питание — все строго по распорядку. Питание все более и более приближается к космическому. Пища особым образом витаминизируется.

— Как он спит?

— Прекрасно.

Спрашиваю врача, каким образом следят за состоянием организма пациента во время сна. Оказывается, специальные датчики регулярно сообщают его пульс, частоту дыхания.

— Кого это волнует мой сон? — подслушав конец нашего разговора, спрашивает вошедший в комнату Герман Титов. — Хотите, через десять минут усну? Сон — это прекрасное дело.

Герман Степанович снова углубляется в бортовой журнал, продолжая записывать в него весь необходимый распорядок космонавта во время полета, в соответствии с заданной программой.

Врач намекает, что Герману Степановичу пора приступить к выполнению главной процедуры — сну. Мы прощаемся с космонавтом, жмем его руку. Моя рука утонула в его длинных пальцах, несколько жестковатых, как у человека, много работающего на турнике, кольцах и брусьях.

— До свидания.

— До встречи на Земле, — говорю я.— И тогда я попрошу рассказать мне все о себе, о полете как можно подробнее. А сейчас только один вопрос. Это ваша голубая тенниска?

— Да, моя. А что?

— И вы в ней поднимались на вершину космического корабля?

— Да, поднимался. Но в чем дело? — уже несколько нетерпеливо спросил меня Герман Степанович.

А когда я рассказал ему все, что я претерпел из-за этой тенниски, он долго и весело смеялся.

22.16. На улице ночь. Небо темное, звезды яркие-яркие. Каждая из них, кажется, старается мерцать ярче других, словно идет соревнование — кто красивее. Я сидел у раскрытого окна, вдыхая ночную прохладу, и обдумывал первую часть газетного репортажа. Начал его так: «Стоит жара, наша машина мчится по асфальтированной глади дороги среди бескрайней равнины...»

Короткий тревожный сон: все боялся проспать. В 3 часа ночи поездка на космодром.

6 августа

2.55. Рассвет еще не занялся над городом, когда за ветровым стеклом мелькнули последние строения и машина вырвалась на степной простор.

Председатель Государственной комиссии, пригласивший меня к себе в машину, оказался на редкость общительным, обаятельным человеком. На пути к космодрому он дал мне много полезных советов о том, что рассказать читателю о старте, где лучше быть во время подготовки к полету и в момент подъема корабля. По приезде на космодром он отдал

необходимые распоряжения, чтобы меня в нужный момент пустили туда, где я мог бы все видеть, все слышать. И самое главное — он предоставил мне возможность присутствовать на последнем перед стартом заседании Государственной комиссии.

5.20. В помещении, где я познакомился с Главным Конструктором, входят и рассаживаются за длинным столом Председатель Государственной комиссии, Главный Конструктор, Теоретик Космонавтики, инженеры, личный состав стартовой команды.

Внимательно слушаю выступающих, но, к сожалению, ничего не могу понять. Сообщения настолько профессиональны, что я откладываю записную книжку в сторону. Только последняя и самая важная фраза докладов для меня ясна: к полету все готово.

...Наступает рассвет, все бледнее становятся звезды.

Звезды! И я вспоминаю один эпизод.

Дороги военных лет свели меня в начале 1944 года с Героем Советского Союза А. В. Ляпидевским — человеком, который носит на груди Золотую Звезду Героя Советского Союза № 1. Он получил ее за мужество и отвагу, проявленные при спасении экипажа «Челюскин» в 1934 году.

За окном тянулась темная громада леса, лишь кое-где мелькали кусочки ясного морозного неба, удивительно красивого от мерцающих на нем бесчисленных звезд.

Подойдя к окну, Ляпидевский, залюбовавшись природой, неожиданно бросил:

— Вот бы к звездам махануть!

— А не слишком ли далеко?

— Нет. Обидно, погиб Валерий Павлович Чкалов. Он бы обязательно осуществил свою мечту — облетел вокруг земного шарика. А потом... Война идет. Сейчас некогда думать о звездах, — продолжал Анатолий Васильевич. — И все-таки мне кажется, — почти уверенно добавил он, — что в оставшиеся до конца века пятьдесят лет наши конструкторы-ученые могут сделать такое, что весь мир ахнет. Я в это верю!

6.20. По радио уже объявлена трехчасовая готовность перед полетом. Все меньше людей на стартовой площадке, и только на металлических фермах возле ракеты кое-где еще видны люди.

Меня познакомили с Теоретиком Космонавтики. Он немногословен, но охотно отвечает на мои вопросы.

— Каково научное значение предстоящего полета «Восток-2»?

— Дополнить, проверить те научные данные, которые получены в результате полета корабля «Восток» с космонавтом Юрием Гагариным. Нам хочется выяснить, какое влияние оказывают состояние невесомости и другие факторы на организм человека. Длительный полет даст точный ответ на этот вопрос.

— Я правильно понял вас, полет ожидается продолжительнее первого?

— Да, в несколько раз. Речь идет не вообще о влиянии невесомости на организм космонавта, нам нужно установить главное — окажет ли оно пагубное воздействие на работоспособность пилота. Прошу учесть, что в отличие от полета Юрия Гагарина космонавт Герман Титов по заданной ему программе в нужное время возьмет управление кораблем в свои руки. Это очень важно, — подчеркнул ученый. — Управление кораблем с Земли — хорошее дело, но космонавт должен быть готов всегда стать хозяином своего положения.

8.00. Стартовая площадка почти пуста. Все, кто обслуживает непосредственно запуск корабля-спутника «Восток-2», на своих местах. Остальные разъехались на специальные площадки, откуда они будут наблюдать за его подъемом.

Петр Ермолаевич сообщает, что мне разрешено задержаться здесь до объявления получасовой готовности.

— С минуты на минуту приедет Герман Степанович Титов, — продолжает Петр Ермолаевич.—После того, как космонавт поднимется в кабину корабля, вы поедете на наблюдательную площадку. Машина будет ждать вас.

Через некоторое время подошел автобус.

Из автобуса вышел человек в оранжевом скафандре и металлическом шлеме, на котором издалека видно «СССР». Он показался мне похожим чем-то на водолаза.

— Это Титов. Под комбинезоном у него помещены специальные датчики, — пояснил стоящий рядом уже знакомый нам врач. — В течение полета они регулярно будут сообщать на Землю о состоянии организма космонавта.

— А зачем на ботинках матерчатые тапочки?

— Перед входом в кабину он их снимет. Ни одна лишняя пылинка, не предусмотренная программой, — шутит врач, — не должна попасть в кабину.

Герман Титов попрощался с будущими космонавтами, пришедшими пожелать своему товарищу успешного полета. Он идет мимо нас. Скафандр явно не приспособлен для земных прогулок. Титов попадает в крепкие объятия своих друзей. Его целуют Председатель Государственной комиссии, Главный Конструктор, Теоретик Космонавтики, инженеры, врач. Слышатся слова сердечного напутствия...

...Космонавт Герман Степанович Титов поднимается на площадку перед лифтом. По всему видно, у него замечательное настроение. Шлем идет к нему. Он подчеркивает его широкий лоб, прямой нос, слегка выдвинутый вперед подбородок. Он похож сейчас на былинного богатыря.

Герман Степанович Титов обращается к собравшимся на космодроме, ко всему советскому народу. Он говорит, что выполнит с честью задание, порученное ему партией и правительством.

— Новый космический полет, который мне предстоит совершить, — разносятся над степью слова космонавта, — я посвящаю XXII съезду нашей родной Коммунистической партии.

Твердо, с большой внутренней силой говорит Герман Титов:

— Я глубоко уверен в успехе полета.

...Герман Титов поднимается на лифте и входит в кабину.

8.30. Объявлена получасовая готовность. Мое время истекло. Через несколько минут и я на площадке, примерно в 1 200—1 500 метрах от места, где стоит готовый к полету «Восток-2». Мне казалось, что это будет какое-то укрытие. Ничего подобного. Это летняя веранда, выкрашенная в зеленый цвет, покрытая легкой крышей, спасающей нас от жары. Но мы не отрезаны от того, что происходит там, на командном пункте космодрома, и даже в самом корабле. Мы слышим разговор между техническим руководителем и Германом Титовым.

...Объявляется десятиминутная готовность.

— Как ваше самочувствие, Герман Степанович? — слышим мы по радио голос Председателя Государственной комиссии.

— Самочувствие прекрасное, прекрасное, — повторяет космонавт. — Спасибо за внимание.

...Объявляется пятиминутная готовность.

Мне почему-то думается, что раздастся оглушительной силы взрыв, корабль вздрогнет, и мы его увидим лишь где-то в синеве неба, мелькнувшим маленькой серебристой точкой.

Еще несколько минут. Волнуюсь, и не один я. Седовласый ученый нервно теребит себя за ухо. Спортивный комиссар ходит быстрыми шагами вдоль веранды. Будущие космонавты подались вперед...

В наступившей тишине — спокойная, совершенно спокойная команда:

— Подъем!

— Есть подъем!

9.00. На часах — 9 утра по московскому времени. Но что это? Где оглушительный взрыв, которого я ожидал? Его нет. До нас доносится лишь нарастающий, могучий рокот двигателей. И ракета, движимая чудодейственной силой, равной 20 миллионам лошадиных сил, приподнялась над Землей и словно замерла.

Она медленно, очень медленно поднимается, словно накапливая силы для последующего гигантского броска во Вселенную. Секунда — и она все быстрее и быстрее поднимается в небо. Огненный шар, бушующий в хвосте корабля, — вот та сила, которая все ускоряет и ускоряет его полет в космос.

В этот момент, кажется, два солнца светятся над Землей. Но одно становится все меньше и меньше. На сравнительно небольшой высоте космический корабль отклоняется в сторону и идет по курсу на орбиту.

Радио передает первые слова Германа Титова, обращенные к Земле из космоса:

— Иду над Землей, над самой нашей Родиной.

Его густой, сильный, отдающий металлом голос так хорошо слышен, как будто он здесь, недалеко от нас.

* * *

10.25. Машина мчит нас в «святая святых» — на командный пункт космодрома. Отсюда ведется управление полетом, осуществляется двухсторонняя радио-телефонная связь с космонавтом. Когда мы пришли, тут царило необычайное оживление. Герман Степанович сообщил, что корабль «Восток-2» вышел на орбиту и начал свой первый виток вокруг Земли.

По возвращении на Землю космонавт, смеясь, рассказывал о том, как он узнал о своем полете.

— Прежде всего я услышал голос диктора Левитана. Передавалось сообщение ТАСС о том, что в космос запущен космический корабль и что управляет им советский гражданин Титов. — Космонавт улыбнулся и добавил: — Затем я выключил приемник, так как знал подробности своего собственного взлета на корабле. Я с удовольствием слушал замечательные вальсы Штрауса. В эфире звучали и родные и чужие нам голоса. Было радостно, когда сквозь барабанный грохот зарубежного джаза прорывалась задушевная русская песня «Подмосковные вечера», а затем зазвучал бодрый «Марш энтузиастов».

На втором витке вокруг земного шара, — продолжал рассказывать Герман Степанович,— я доложил по радио Никите Сергеевичу Хрущеву, что полет протекает успешно. Ответная радиотелеграмма Никиты Сергеевича растрогала меня до слез. В сложных условиях полета это отеческое напутствие мне очень помогло. Я почувствовал себя более уверенным, более сильным. Приветствие Никиты Сергеевича — это поддержка всего народа, партии и правительства. Я не был одинок в просторах Вселенной, я был вместе с миллионами советских людей.

11.15. Кругом щиты, сплошь усеянные лампочками, которые то загораются, то гаснут. Люди, сидящие здесь, знают не только, как работают приборы управления, но и сердце космонавта, какое у него дыхание.

Проходят минуты, и на голубом экране телевизора появляется улыбающееся дорогое лицо нашего соотечественника. Никто не может сдержать своих чувств, все аплодируют, крепко пожимают руки друг другу, обнимаются.

Выходим из «святая святых». Здесь остаются дежурные операторы, поддерживающие необходимую связь с космическим кораблем.

13.00. В комнате, куда я пришел, бросился в глаза лист белого ватмана, разграфленный на мелкие клеточки. Подхожу поближе. На нем нанесены исходные данные о состоянии организма космонавта до полета. Врачи по мере поступающих сведений из космоса заносят новые сообщения на этот лист... Частота пульса — 88 ударов в минуту... Частота дыхания — 15—18 в минуту... Данные электрокардиограммы не отличаются от исходных, сделанных на Земле.

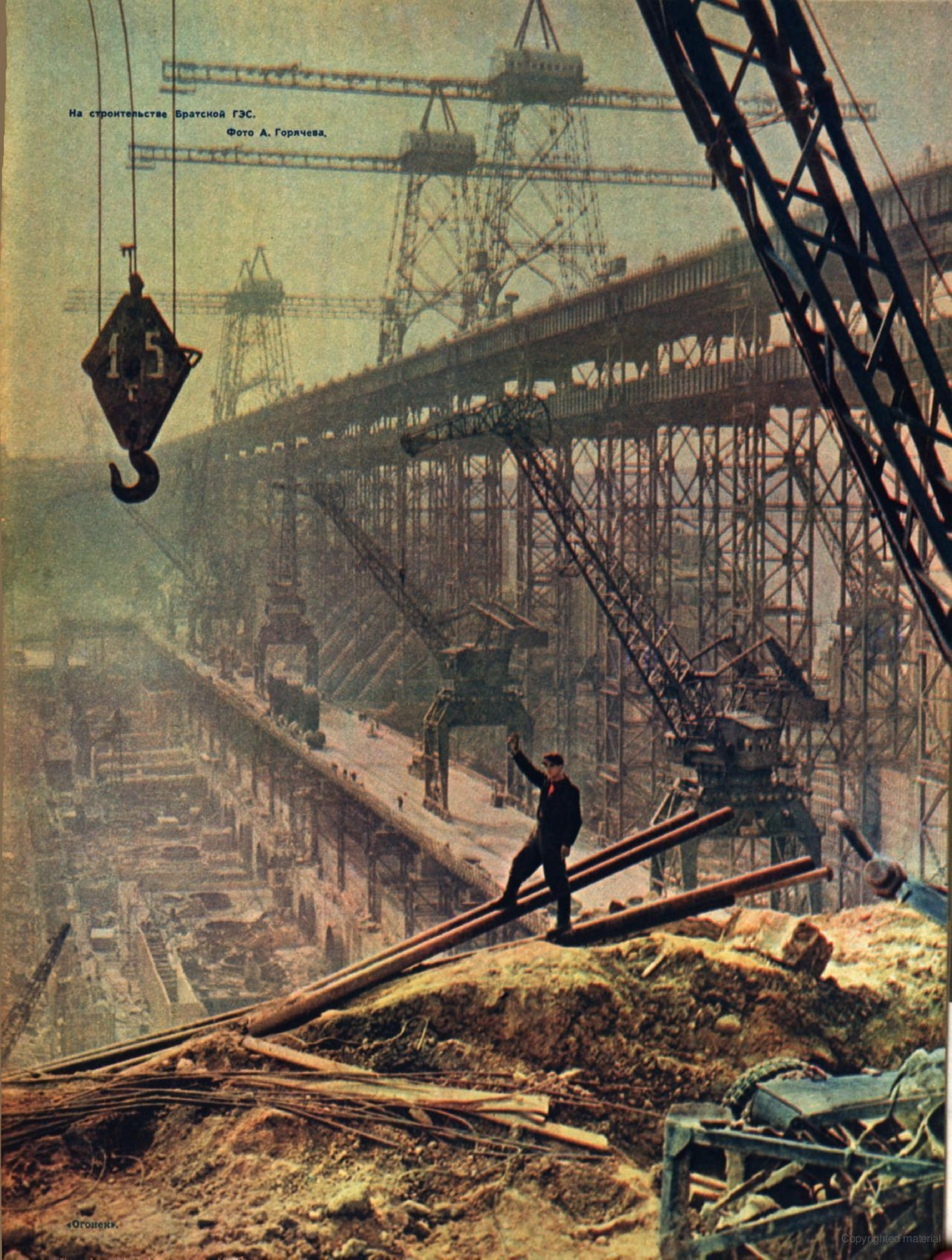
Вбегает молодой паренек, сообщает, что Герман Степанович только что передал: «Пообедал, самочувствие прекрасное».

Председатель Государственной комиссии улыбнулся и предложил всем оставшимся на Земле последовать примеру космонавта. Остались дежурные, задержались Главный Конструктор и несколько ближайших его сотрудников.

В это время стали поступать первые сообщения из-за рубежа.

— Иностранные ученые, — улыбается Главный Конструктор, — утверждают, что раз космонавт совершил три витка, то он совершит и больше.

Окончание следует.

На строительстве Братской ГЭС.

Фото А. Горячева.

Константин Семенович Детков, сталевар Металлургического комбината имени Ленина в Нижнем Тагиле отметил двойной юбилей: 50-летие со дня рождения и 25 лет работы в мартеновском цехе. Мартеновцы горячо поздравили своего товарища.

Фото М. Начинкина.

НОЧЬ НА ДЕБАРКАДЕРЕ

Юрий САЛЬНИКОВ

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Антонина шла по лесу, спотыкаясь, глядела в землю и не видела ничего под ногами.

Пароход должен был появиться из-за поворота. И, выйдя из леса к морю, Антонина зашагала еще быстрее, прямо по песку, закрывая лицо от шквального ветра и придерживая на голове платок, готовый сорваться и улететь.

На открытом берегу особенно неистово бушевала непогода. Казалось, никогда прежде не было такой яростной бури в эти обычно тихие августовские дни. Свирепые тучи наползали отовсюду и двигались непонятно куда, словно перемешались и запутались, неся на землю пронзительный холод и непривычную для этого часа раннюю мглу. Даже светлый дебаркадер на воде чернел издали еле различимой горбатой тушей.

Последние метры до него Антонина уже не шла, а бежала, подгоняемая хлесткими порывами. И, с разбега ступив на дощатый трап, ухватившись рукой за поручни, обернулась назад: «Успела!» Теперь пусть появится пароход!

Но его не было. Пустынная, неуютная, вся в белых гребешках лежала чуть не до самого горизонта зеленоватая безбрежность моря. Безбрежность до горизонта! Так казалось в мутной пелене ненастного сумрака, а на самом деле Антонина знала, что до противоположного берега всего шесть километров и что в хорошую погоду с косогора отчетливо видны дома на той стороне...

Молодое сибирское море! Оно создано руками людей всего-навсего три года тому назад и, должно быть, по молодости своей выглядит так сурово — непривычный речной разлив. Впрочем, все здесь было непривычно: и берег, возникший там, где недавно росла сплошная тайга, и дорога, пробитая от леспромхоза к новому морю, и даже пристань, открытая на безлюдном берегу только в нынешнюю навигацию, когда пригнали новенький дебаркадер и срубили у кромки бора несколько бревенчатых изб.

С той поры оглашается необжитый край басовитыми гудками. И хотя нет еще ни электричества, ни телеграфа на этой пристани, и затерянным игрушечным челноком, едва приметным на границе лесного массива и водной пустыни, кажется желтый дебаркадер, уже не чувствуют себя оторванными от неблизкого города жители таежных деревень и леспромхозовского участка, потому что связывает их теперь с миром большая вода.

По шаткому трапу Антонина вступила под навес дебаркадера, где сидели люди, ожидавшие пароход. При ее появлении они замолчали, а она, перешагивая через корзины и ведра, загромоздившие весь проход, невольно втянула голову в плечи.

До этой минуты, целиком захваченная единственной мыслью «Успеть! Добежать!», она не думала, что может встретить на пристани знакомых, а сейчас вдруг сделалось страшно: что если действительно сидит здесь кто-нибудь из своих, леспромхозовских? Хотелось совсем неприметно затеряться среди чужих...

Зябко поеживаясь и поплотнее запахивая жакетку, Антонина осторожно осмотрелась и вздохнула облегченно: знакомых не было.

Негромкие разговоры, утихшие с ее приходом, постепенно начали возобновляться. Слева раздался мужской голос:

— А в прошлом годе август горячий был...

Справа поучающе заговорила женщина:

— Нет, милая, огурцы солят — не по огурцам соль кладут, а по воде. На ведро стакан.

И, должно быть, заканчивая какой-то длинный рассказ, сказала худая остроносая старушка:

— Вот так и получилось у них: писал он, писал, а она не откликнулась...

— Гляньте-ко, не видать там баржи-то нашей? — поинтересовалась толстая тетка.

— Не видать, — сразу откликнулся из-за угла чей-то бас и добавил: — Полыхает за лесом здорово.

Живо поддакнул тенорок:

— Да, затянуло...

Антонине с ее места был виден только краешек неба за морем на западе, где могли бы еще розоветь последние отблески заката, но и там сейчас чернел сплошной полог грозовой тучи, опустившей в зеленую воду сизую ленту дождя. И со всех сторон на море надвинулись синие тучи, озаряемые по горизонту безмолвными вспышками далеких молний.

Неожиданно сверкнула близкая белая молния, сильно ударил над головой гром, но сразу оборвался, и сделалось необыкновенно тихо. Отчетливо донесся с берега мальчишеский зов:

— Те-тя Ду-у-уся!

Худая остроносая старушка с опаской взглянула на небо:

— Никак польет сейчас?

И действительно, по дебаркадеру и по воде зашлепали первые крупные капли. Причмокивая, они зачастили, зачастили...

— Ну вот! — словно только этого и хотел, отметил рыжебородый и встал к стенке, укрываясь от дождя.

Забеспокоились сидевшие вокруг Антонины, перемещаясь глубже под крышу. Встала и Антонина. По мосткам с берега вбежал мокрый вихрастый парнишка, он фыркал, мотал головой и смеялся:

— Законно шпарит!

— Простудишься, будет законно! — проворчала щупленькая, похожая на девочку, невзрачная женщина, видимо, та самая тетя Дуся, которую он звал с берега.

Ветер вдруг переменил направление, струи дождя ударили по дебаркадеру с другой стороны. Люди начали опять передвигаться, но сидеть стало уже нельзя: сыро и холод пробирал до костей.

— Братцы, да ведь ожидалка есть! — надоумил кто-то. — Пошли!

Все засуетились, хватая вещи, как на посадку.

Когда Антонина вошла в ожидалку — крохотную комнатушку с одним оконцем, — все скамейки, расставленные по стенкам, были уже заняты. Несколько человек спасалось здесь от ветра давно, но в полутьме Антонина никого не разглядела; только при свете блеснувшей короткой молнии показалось, будто сидит в глубине комнаты Лукьяныч. Антонина невольно подалась назад, но кто-то услужливо да не вовремя поддержал ее, наводя рукой на край скамейки: «Садись», — и она села.

— Тут хоть теплее, — послышался рядом голос вихрастого парнишки. Он явно вызывал на разговор, но Антонина не ответила: а вдруг и вправду здесь большеглазый старик Лукьяныч?

...Она его почти не знала. Он приехал в поселок весной и редко отходил от барака, в котором живут Черноусовы. Крепкий, кряжистый, греясь по-стариковски на завалинке, он внимательно наблюдал за всем, что делается вокруг. От матери Антонина узнала, что все Черноусовы-младшие — широкоплечие, бравые молодцы, краса и гордость леспромхоза — его внуки. И оттого ли, что ложилась на старика, как на родоначальника большой лесорубной семьи, почетная слава, или оттого, что и сам он, проживший серьезную трудовую жизнь, вызывал к себе добрые чувства, все в поселке его полюбили.

Возвращаясь с работы, проходя мимо, Антонина всегда неизменно здоровалась с Лукьянычем, а он кивал ей в ответ...

— Закрывай, закрывай! — закричал над ухом парнишка. В открывшуюся дверь вместе с усиленным рокотом дождя с палубы хлынул поток мокрого воздуха, даже залетели холодные брызги. Дверь захлопнулась, дождь зарокотал опять приглушенно.

— Спасибо, пристанище есть, — певуче протянул невидимый тенорок. — А доведись в такую непогодь под небесами...

— Со мной было, — подхватил бас снизу, словно человек сидел на полу. — Еще когда реку не перекрыли, на старом русле, за малой Гарью. Вышел я, значит, с ружьишком. Дело к ночи, костерок разложил, жду посудину. А тут закрутило — не хуже. Костерок мой враз залило, посудины нет, до утра куковал, а потом весь день версты мерил.

— Куда же ты их мерил? — насмешливо спросил рыжебородый с трубкой во рту. Только огонька не было видно. — Куда мерил? — повторил он. — От малой Гари до жилухи в любой конец два часа ходу.

— Да заплутал я маленько...

— Ах, заплутал, — тоже насмешливо кольнул тенорок. — Тогда ясно. А так... Конечно, раньше в тутошних местах было... Не то что человек не ступал, ворона не залетывала! И вся радость — мошка тебя кусала. А теперь обтопталось место, мошки меньше и одних сельсоветов семнадцать!

— Сдвиг! — согласился рыжебородый.

Опять ярко вспыхнула молния, четко осветив квадрат окна. Гуще забарабанил по крыше дождь.

Антонина подумала, что у них в лесу, в поселке, грозы проходят иначе — отдаленней и тише, чем на реке, словно бушуют в вышине над соснами, а сосны, оберегая землю, предупреждающе гудят и гудят... Наверное, и сейчас мать лежит в постели, и прислушивается к их шуму, и, не зная, что запоздал пароход, мысленно уже плывет на нем, провожая в город невезучую дочь...

Эх, если бы не погиб на лесосплаве Алеша! А потом слишком долго тянулись годы тоскливого одиночества, когда с завистью смотришь на каждую счастливую семью и думаешь, что к тебе не придет былое, а иного не хочешь сама и отвергаешь назойливых ухажеров, избегая пустых знакомств!

Но вот почудилось: встретился человек, с которым и радостно и легко, и снова ты, помолодевшая, любишь такой любовью, на какую способно сердце, полное нерастраченных чувств... Как же теперь не ехать за ним, за Степаном, не искать его и не возвращать назад, если он может все нелепо разрушить?

Он уходил уже не раз. Но всегда возвращался, просил прощения, и она прощала. Сердилась за это на Антонину мать, ссорилась подруга Ольга, сокрушенно качали головами соседки, а она прощала. Она простила ему даже встречу с пышноволосой женщиной и приняла его последний раз без единого упрека...

А он сегодня утром жестко сказал:

— Теперь все! Больше не жди!
— Как же так, Степа?
— А вот так. Ухожу совсем!
— Нет, нет, подожди, Степа!
Она бросилась за ним из барака на улицу, но он шел, не оглядываясь, и она догнала его, потянула назад за рукав, с мольбой заглядывая в глаза, и тогда он рванулся грубо:
— Ну, чего тебе еще надо, чего? Надоела ты мне! Слышишь? Надоела! Опротивела!
Он хлестал ее, как бичом, злыми словами, а она стояла, застыв от ужаса, от стыда и отчаяния, и ветер, разгулявшийся еще с прошлой ночи, тоже хлестал ее по лицу, а из окон бараков смотрели хозяйки, и в тихом заветрии на завалинке сидел все видевший и все слышавший старый Лукьяныч...
— Мама... Пить!
В темноте в углу завозилась, зашептала женщина:
— На, сынок, на...
Громко булькая, должно быть, прямо из бутылки, отпил несколько глотков мальчик и, тяжело сопя, начал снова укладываться.
— Больной, что ли? — участливо спросил женский голос.
— Приболел, — вздохнула мать.
— Хуже нет в дороге...
Снаружи, с палубы, донесся тяжелый топот. В белесом окне мелькнуло черное пятно, и, широко распахнув дверь, ввалился в ожидалку человек, опять наполнив ее холодным ветром и сыростью.
— Закрывай, закрывай! — закричал парнишка.
Вошедший, шурша брезентом, замер у порога, и по тому, как долго прикрывал дверь, все поняли, что он нетрезв. Наконец, повернувшись лицом от двери и не двигаясь с места, он гаркнул:
— Кто здесь есть?
Его голос показался Антонине знакомым.
— А тебе кого надо? — спокойно спросил бородатый.
— Тебя надо! — дерзко ответил вошедший.
Рыжебородый шоркнул спичкой. Слабый огонек выхватил из тьмы прежде всего его собственное лицо. Антонина увидела, что рыжебородый совсем еще не старый, только очень заросший: снизу борода, сверху — из-под зеленой фуражки — обильные кудри, посередине — лохматые, слившиеся на переносице, тоже рыжие брови.
Спичка вспыхнула ярче, осветила фигуру человека у порога, и Антонина узнала сразу: в мокром дождевике, в соломенной шляпе, с которой стекала вода, стоял, пошатываясь, Гошка Зубков, лесоруб со второго участка, озорной парень с игривыми черными усиками, отчаянный бузотер и гроза окрестных девок.
— Ишь ты, герой! — проговорил рыжебородый незлобиво, с любопытством разглядывая парня. — Меня ему надо! Под носом, видать, взошло, а в голове не посеяно.
Окружающие засмеялись.
— Ладно, — отмахнулся Гошка. — Засвети-ка еще!
— Хватит с тебя!
Парень ругнулся, пошарил по карманам и сам зажег спичку. Он поднял ее над головой, как факел, всматриваясь в лица сидящих.
— Эко вас тут понатолкано! — весело заметил он. — Даже крали на подбор! — Девушки у окна захихикали. — А ты что смотришь, папаша? — неуклюже повернулся Зубков, загородив Антонину спиной, и тут спичка у него погасла, он стал зажигать другую. И когда она тоже разгорелась, Антонина увидела, что в глубине комнатки действительно сидит Лукьяныч. Она сразу спряталась подальше, за Гошкину спину, только Лукьяныч, конечно, и не заметил ее: он в упор смотрел на стоящего перед ним парня.
— А что? — подбоченился Зубков. — Не нравлюсь старшему поколению? Выпил? А ты спроси, почему. А я отвечу: администрация виновата! Тут понимать надо. Несправедливость у человека восторг к работе уничтожает! Вот я и решил покрыть волнение минусом из своего бюджета. И ты, папаша, на меня не смотри старинным взглядом. Потому я хоть с администрацией воюю, а жизнью с тобой ни в жисть не поменяюсь. Жизнь у нас не какнибудь, потому человек человека не эксплуатирует, а совсем наоборот...
— Хватит болтать, — проговорил рыжебородый.
— То есть как болтать? Я с папашей разговариваю.
— А ты помолчи. Пришел — садись.
— Да что ты мне указываешь? — Гошка повернулся к рыжебородому, переступив с ноги на ногу. — Мне, может, нет нужды садиться! И я, может, совсем наоборот, петь буду! Хочешь? «Ре-евела буря...»
— Замолчи, говорят!
— А ты не указывай!
— Нехорошо, паря, — раздался старческий голос. — Просят тебя.
Слышно было, как Зубков опять повернулся.
— Да я, папаша, о чем толкую...
— Выкинуть на дождичек, там бы потолковал, — предложил бас.
— Это кого выкинуть? — возмутился Зубков. — Меня? А ну выходи, померяемся...
— Да будет тебе. Разошелся, — послышались голоса.
— Нет, пусть выходит! Выходи, говорю!
Делать было нечего. Антонина протянула руку и притронулась к Гошкиному локтю — он маячил перед ней на фоне синего, часто освещаемого молниями окна — и мягко сказала:
— Угомонись, Гоша...
И парень мгновенно замолк, словно сник, обернулся на голос, стал лихорадочно чиркать спичкой.
Вот и вся твоя сокрытость, Антонина! Обратила ты на себя сама внимание, и увидит тебя сейчас Лукьяныч, признает Гошка Зубков!
— Антонина Григорьевна! Вы? Значит, едете?
Он спросил и смутился, а она поняла, что ее история со Степаном многих в поселке и леспромхозе волнует, если даже Гошка не сумел удержаться от возгласа: «Значит, едете?..»
— А я за дружком сюда, дружок приехать сверху хотел, да пароход не везет, — заговорил Гошка шустро, стараясь скрыть смущение. — А вы, Антонина Григорьевна, про меня ничего... Я ведь так. Сейчас назад пойду...
— Куда же ночью-то через лес. Утра дождись.
— Нет! — замотал головой, ухмыляясь, Гошка. — Утром мне администрация смотр назначила! Ничего, пойду. Мы ведь к лесу привычные, сами знаете. А тут я с папашей побеседовал, а больше ничего. Ну, ехать вам благополучно, коли так. И вам, папаша. И тебе, бородач! Не поминай лихом...
Шурша плащом, он выбрался на дождь, в черноту ночи, которая безраздельно захватила и небо и землю и встретила Гошку Зубкова словно еще более стремительным дождевым потоком.
— Промокнет, — вздохнула в углу мать больного ребенка, и каждый представил себе, как зашагает сейчас по темной дороге в глубину бора отчаянный парень, низко надвинув на лоб соломенную шляпу и подняв воротник дождевика.
А дождь лил и лил, не переставая. Земля захлебывалась, насыщенная до предела, а небо низвергало на нее все новые потоки, и казалось, что вокруг уже ничего нет, кроме воды, — ни земли, ни берега, поросшего соснами, ни бревенчатых домиков на берегу. Только вода и вода. Ветер и вода. Она шелестела, булькала и струилась сверху, с боков, снизу. И дебаркадер утопал в сплошном водяном царстве, все время покачиваясь и дрожа, будто охваченный ознобом.
Молнии блистали теперь в отдалении, и гром доносился глухо, а дождь все лил и лил, монотонно стуча по крыше, по палубе, и сквозь мутную его завесу за окном расплывчато маячил в море, расплющенный струями по стек-

полочки вторую лампу, встряхнула, проверяя, есть ли керосин, подала Антонине.

— Стекло полотенцем оберни, — раздался мужской голос из занавешенного простыней угла. — А то захолодит.

Антонина передала лампу бородатому.

— Нам бы еще воды. С собой. Мальчик больной. И если от жара что-нибудь. Бредит.

— Сейчас, сейчас! — заторопилась женщина.

— Воду в бутылке лучше, — опять посоветовал невидимый мужчина из-за простыни. — Нести удобнѐй.

— Да, да... А вот порошочки. Возьмите.

Ветер рвался и завывал с прежней силой, но дождь совсем перестал, прояснились черные дали и сверкал на воде, словно умытый, четкий огонек бакена, а далеко-далеко, у черты горизонта, замелькали еще какие-то яркие, переливчатые огни.

— Пароход! — воскликнула Антонина.

Бородатый и тенорок остановились. Мешаясь с шумом волн и завыванием ветра, донесся равномерный стрекот.

— Нет, — качнул головой бородатый. — На самоходку смахивает.

И пока дошли до дебаркадера, не спуская глаз с приближающихся огней, выяснилось, что это и вправду не пароход, а самоходная баржа. Усилился ее стрекочущий стук, и проползла она черным телом по темной воде мимо одинокого бакена. Значит, не зря он покачивался тут даже в ненастье, маленький, но всесильный...

А на что надеяться Антонине? Отыщет в городе чужой дом. Откроет ей незнакомая женщина, взглянет враждебно:

— Презирать тебя мало!

Так сказала сегодня подруга Ольга. Так скажет завтра Гошка Зубков, и все в поселке и в леспромхозе, и все эти люди, с которыми Антонина встретилась здесь, на пристани... И они скажут так, если узнают, зачем она едет в город...

Зато рядом будет Степан!.. Только, может, и он опять закричит, уходя по улице, а она побежит вслед за ним, униженная, чуть не плача, умоляя остаться?

— Что с вами, Антонина Григорьевна? — раздался над ухом участливый голос, и она ощутила, как осторожно за плечи ее поддержали сильные руки.

— Ничего.

Она сделала твердый шаг, руки отпустили ее.

А у самой двери на дебаркадере она обернулась:

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

Бородатый смущенно заулыбался:

— Так ведь этот-то, в шляпе... называл вас.

— Ах, да...

Она открыла дверь.

Лампу зажгли и подняли повыше, прикрепив на гвозде, вбитом в стенку. И когда ее маслянистый свет растекся по комнатке, закричал продолжающий бредить мальчик:

— Пожар, мама, пожар!

Антонина передала женщине бутылку с водой и порошки, и мать затормошила больного:

— Выпей, Коленька...

Он жадно пил с закрытыми глазами, и голова у него моталась, словно плохо привязанная.

— Положить надо, — сказала Антонина и коснулась плеча дремлющей толстой тетки. — Перейдите, хозяюшка, на мое место.

И все как-то враз завозились, перемещаясь, освобождая побольше места для больного ребенка.

Мальчика уложили, укрыли кем-то поданной телогрейкой.

Мужчины в углу зашуршали бумагой, чиркнула спичка, разнесся запах табачного дымка.

— Курить на волю идите! — крикнула Антонина.

— Да ну! — протянул один из курильщиков.

— Что ну? — переспросил бородатый. — Сказано — на волю!

— Айда-те, ребята! — Курильщики высыпали гурьбой.

Антонина пощупала лоб мальчика — он пылал. Из полуоткрытых губ вырывался хрип. Антонина смочила тряпку, сделала компресс.

— Может, еще воды принести? — тихонько спросила у Антонины сидевшая теперь недалеко от нее кудрявая девушка.

лу, огонек бакена. Кому мог указывать путь в такую ненастную ночь этот огонек?

Антонине представился Гошка Зубков, идущий по темному лесу: «Мы привычные, знаете сами!».

Да, она знала их, этих людей, привычных и к зною и к холоду, не любящих громких слов, но умеющих на совесть работать. Всех их объединяет нелегкая профессия, и они ценят друг в друге отвагу и взаимную выручку. Недаром поддержали они Антонину, когда она выступила на собрании против бригадира. Зазнавшийся самодур вздумал править судьбами этих людей, но хоть и слывет бузотером Гошка Зубков, он тоже умеет на славу рубить лес, и никому не позволено унижать его рабочее достоинство! Бригадир грозил Антонине расправой, но она не испугалась угроз, резала правду-матку в глаза, и за эту смелость теперь ее уважают суровые лесорубы.

— Летят, мама! Стрелы летят...

— Бредит, кажись, — определил чей-то женский голос.

— Пить, мама...

— Нет больше воды, сынок.

— Пить дай!

Зашевелились, просыпаясь, задремавшие. Зачиркали спичками мужчины. Вспыхнули в разных уголках желтые светлячки, потрепыхались и погасли. Снова все погрузилось во тьму.

— Летят, мама, летят! Из луков стреляют!

— О господи, свет бы, что ли...

Шумел за стенкой нескончаемый ливень...

— Что же вы сидите, мужчины! — не выдержала Антонина. — Лампу хотя бы достали!

— Где достанешь? — лениво откликнулся бас.

Тенорок возразил:

— У дежурной, поди, есть.

— От лампы легче не станет, — опять изрек бас.

Антонина вскочила и решительно шагнула к двери. Уже на палубе, под дождем и ветром, она услышала, как негодующе зашумели в комнатке женщины и еще раз хлопнула дверь, потом еще — кто-то выскочил наружу, метнулся следом за Антониной. Ветер рвал одежду, хлюпая, заливала ноги вода.

— Здесь, кажись, — проговорил, догнав Антонину, мужчина, и она узнала в нем рыжебородого. Он вырос перед ней в фуражке, в брензентовой куртке и показал на дверь:

— Стучите!

— В окошко лучше, — вдруг пропел сзади тенорок, и задребезжало стекло — застучал в него обладатель тенорка, низенький человек в телогрейке и кепчонке блином.

С крыши дебаркадера водопадом лилась вода, а трое молча стояли, мокли и ждали у закрытой двери. Наконец изнутри донесся шум, отодвинулся засов, дверь приоткрылась, и в черной щели, еще более черной, чем ночь вокруг, забелело старушечье лицо.

— Кого надоть?

— Лампу давай! — вступил в чужое жилище рыжебородый.

Старуха в долгополой ночной рубахе, словно привидение в саване, отступила, начав от испуга заикаться:

— К-к-какую лампу?

— Люди сидят в темноте. Засветить надо.

— Нет лампы! — уже сердито, приглядываясь к пришедшим, ответила старуха. — За кыросином поехали, кыросина нет.

— А вода есть? — спросила Антонина.

— Какая еще вода? Нешто воды мало? Вон ее сколько...

— Кипяченая. Больному.

— Нет кипяченой.

— Того нет, другого! — рассердился тенорок. — Тоже хозяева.

— А ты кто? — набросилась на него старуха. — Ученый шибко?

— Хватит шуметь, — остановил бородатый. — Вы за порядком тут следить приставлены. А ты...

— Что, что я? — перебила старуха. — Я не шкипер. Шкипер за кыросином уехал, а я матрос!

Бородатый усмехнулся:

— Ладно, коли матрос. У кого еще спросить-то можно?

Старуха путано объяснила, и вскоре Антонина, а за ней бородатый и тенорок, преодолевая напор ветра с дождем, шагали по берегу к темным избушкам, почти невидимым сейчас на фоне высокого и тоже темного бора. Шлепая сзади, тенорок ругался:

— Вот разъязви его! Посажают такого, керосина вовремя не припасет, а тоже при месте человек считается...

За плетнем брехнула собака, и черной громадой выдался из темноты бревенчатый угол. Бородатый постучал в окошко. И опять молча стояли, ожидая отклика изнутри избы и слушая, как совсем рядом глухо гудит бор. Дождь ослабел, но стаи тяжелых капель срывались с мохнатых веток и со стуком обрушивались на крышу и на головы людей. Антонина вдруг почувствовала, что на плечи ее легла брезентовая куртка бородатого.

— Не надо, — отказалась было она, но тут их впустили в дом.

Молодая женщина с зажженной лампой в руке, узнав, в чем дело, достала с кухонной

А остроносая старушка, обращаясь почему-то не к матери, а тоже к Антонине, сказала:

— Пальтишко-то поправь ему... Загнулось, режет шею, поди.

— Развидняется,— заметил кто-то.

Антонина глянула в окно и увидела, что густая чернота за ним действительно разбавилась мутной серостью и побледнел на поверхности моря огонек бакена. Удары ветра о дебаркадер сделались реже и мягче. Мальчик затих. Антонина присела у него в ногах. Мать не спускала с сына испуганных глаз.

Протрещала еще одна самоходка. Антонина смотрела, как медленно проплывает она по заметно светлеющей за окном воде.

Недавно еще казалось, что вокруг дебаркадера нет ничего живого — только ночь, и вода, и бешеный ветер, разнузданная стихия. А теперь мирно горит лампа. И уже светает. И не слышно дождя. Плывут самоходные баржи. И досматривают у леса в избушках предутренние сны добрые люди...

— Идет! Идет, пароход идет!

Антонина открыла глаза. Где-то на палубе кричал вихрастый парнишка. Стало уже совсем светло, привернут фитиль в лампе, голубеет небо, черным поплавком прыгает на волнах бакен, просвеченный еще не погашенным и бесполезным сейчас огоньком. И в комнате нет многих: ни тенорка, ни бородатого с трубкой, ни тети Дуси с парнишкой. Засуетились, заволновались и остальные, отыскивая под скамейками тюки, корзины...

— Встань, Коленька, встань, сыночек,— наклоняясь к самому лицу мальчика, начала уговаривать мать.

Густым, утробным гудком возвестил о своем приближении пароход. Он подошел, шипя и посвистывая, вплотную к дебаркадеру, стукнувшись об него, и в комнате опять потемнело, пахнуло горячим дыханием машинного отделения, и сразу откуда-то сверху послышались новые, незнакомые голоса.

— Встань, Коленька...

Но он не мог ни встать, ни приподнять головы.

— Давайте поможем,— предложила Антонина девушкам.

— Правда, мамаша, мы отнесем.

— Только осторожнее,— забеспокоилась мать, когда они начали брать мальчика на руки.

Но едва двинулись к выходу, как появился, протискиваясь через массу людей с вещами, рыжебородый, а за ним шла очкастая женщина в халате и двое матросов с носилками.

— Вот,— сказал рыжебородый,— врач с парохода.

И сразу ушел. Исчезли и девушки, а мальчика положили на носилки, и мать побежала за матросами, но вернулась.

— Совсем обеспамятовала... А вещи-то...

— Вы идите,— сказала Антонина.— Я принесу.

Женщина опять побежала за матросами.

Антонина нагнулась, чтобы взять ее чемодан, и увидела Лукьяныча: держа в руке свой баульчик, старик стоял на середине комнаты, словно ждал Антонину. Она посмотрела в его умные, внимательные глаза, а он, помолчав, сказал негромко:

— Вот так-то, девонька... Не жалей малое, не потеряешь большое...

И, качнув головой, пошел. А она осталась на месте. Она не сразу поняла, что он хотел сказать, только почувствовала — сказал он так неспроста, а словно оценил ее по-своему, осудив за что-то дурное, подсказав хорошее.

— Что же вы здесь еще? Опоздаете! — крикнул прибежавший за оставленным тючком тети-Дусин парнишка.

Все эти люди, которых на время соединила ненастная ночь, сядут сейчас на пароход, и поедут в город, и там разбредутся по своим делам, и едва ли потом встретятся вместе, даже если вернутся сюда... Антонине почему-то стало от этого грустно, как будто очень уж уютно было сидеть всю ночь в маленькой ожидалке, теснясь в духоте под грохот мощной, по-сибирски шквальной грозы!

Матросы уже убирали трап.

Антонина вступила на пароход последней, поставила к стенке чемодан и, крикнув: «Женщине с больным мальчиком передайте!» — бросилась назад. Пришлось прыгать над пропастью-щелью, в которой плескалась взбаламученная вода, и ухватиться за чей-то локоть.

— Сумасшедшая! — рассердились сбоку.

С парохода донесся растерянный голос:

— Антонина Григорьевна! Что же вы? Я вам место занял!

У борта стоял рыжебородый.

Но она лишь помахала ему в ответ.

А потом повернулась, сошла с дебаркадера на мокрый песок, поднялась на крутой косогор, высокое небо, очищенное ночной бурей, распахнулось над ее головой, и пошла она по дороге прочь от пристани, и под верную свою защиту принял ее прохладный пахучий бор, косо разграфленный золотистыми нитями теплого утреннего солнца...

Новосибирск.

Из блокнота писателя

«ЛИШНИЕ РУКИ» АВСТРАЛИИ

Фрэнк ХАРДИ

Лгут все те, кто нам внушает
Из корыстных побуждений,
Что нужда здесь —
чужестранка,
Что не знаем нищеты мы...

Генри Лоусон
«Лики улицы».

Безработных, по официальной статистике, насчитывалось в Австралии в июне этого года более ста пятнадцати тысяч душ. В Новом Южном Уэльсе, где я живу, — до сорока тысяч. Но статистика холодна и безжизненна. Она не раскрывает многообразия жизненных драм, которые таятся в столбцах ее цифр. Она не показывает отчаяния людей, лишившихся права на полезный труд. Не передает мучительного страха за завтрашний день, которым отравлен воздух наших городов и который подкрадывается исподтишка к тысячам и тысячам новых рабочих семей.

Я провел много часов в очередях безработных, выстраивавшихся перед так называемыми «центрами социальной службы»[1], побывал в долговых судах, в ночлежных домах, у кухонь, где раздавали «суп милосердия», ходил по притихшим ночным улицам окраин Сиднея. То, что я увидел, невольно сопоставлялось в моей памяти с картинами опустошительных бедствий, которые принес кризис тридцатых годов.

Вместе со мной был мой старый друг Эдди Мэхер, сиднейский коммунист. За неделю июля мы смогли подробно побеседовать более чем с пятьюдесятью безработными, задавали им вопросы, узнавали печальную историю каждого. Одни были без заработка «всего» три-четыре недели, другие по четыре-пять месяцев, а кое-кто и подольше. Все без исключения неустанно, с упорством отчаяния ищут работу, обивают пороги «центров социальной службы», сотнями собираются до рассвета у ворот заводов, где вывешено требование на нескольких подсобных рабочих. Мы видели людей, выезжавших отсюда, из Сиднея, в Мельбурн или Брисбейн в бесплодной надежде как-то устроиться там. Попадались нам в очередях и люди, приехавшие издалека за этим же в Сидней, застрявшие здесь без гроша в кармане, лишенные возможности вернуться домой...

Ночь... Нижний конец Ливерпул-стрит у огромных товарных складов пристани Дарлинг... По обе стороны высоких железных ворот тротуар усеян телами спящих людей. Многие приходят сюда заранее, как только спустятся на город сумерки. Раскладывают на холодном асфальте газету, укладываются, укрываются старыми одеялами или мешковиной. К ночи людей все прибавляется; позднее всех приходят те, у которых нет ни одеяла, ни мешка, ни даже иногда пиджака или куртки.

На что они надеются? Чего ждут здесь, сбившись в кучу, как овцы в степи? О чем думают в холод, под резким ветром, гуляющим по пустынной улице? Их надежда — случайная временная работа: грузить и разгружать на пристани автомашины, которые начнут прибывать с утра. Если посчастливится, можно проработать день за три австралийских фунта. Разумеется, на пустой желудок...

Сколько раз приходилось мне читать в прессе капиталистов циничные рассуждения о том, что «безработица — удел людей опустившихся», что таких людей «нельзя принимать всерьез», ибо они «не желают работать»! Некая дама, по имени Патриция Джиффни, недавно на страницах «Сидней сан» дала следующее «психологическое объяснение» безработице: «Какое-то тончайшее внутреннее чувство говорит мне, что

значительная часть нынешней безработицы объясняется отказами от работы, если не предложено оплаты, которая существует только во время бума».

Снова и снова, когда я сталкиваюсь с этой бесчеловечной ложью, в моих ушах звучат строки Генри Лоусона:

О рабы золотого мешка! У вас
задрожат колени
И сердце от страха будет
стучать молотком,
Когда призовут вас на суд
и спросят ответа:
Кто улицу вверг в такие
страданья и горе!..

Разумеется, безработица в первую очередь бьет по неквалифицированным рабочим, по батракам, строителям, дорожным рабочим. Но мы с Эдди Мэхером досыта наговорились в эти дни и с людьми высокой квалификации — паровозным машинистом, складским упаковщиком, крановщиками, прессовщиками. И нам сказали в «центре социальной службы», что процент обученных рабочих среди их клиентуры растет.

Среди наших собеседников было много эмигрантов из самых неожиданных стран. Мы разговаривали с ливанцем, двумя югославами, греками и только что прибывшими в Австралию англичанами. Юноша Поль Фарелл — у него еще пока есть оплаченная комната на Мэрриквилл-роуд — всего пять месяцев как приехал из Англии. Его специальность — складской упаковщик. Но теперь он готов взяться за любую, самую тяжелую и невыгодную работу.

— Мне говорили: Австралия — страна широчайших возможностей. Что же, это были сказки для малых ребят? Я здорово влопался, приехав сюда. Питание очень дорого, квартира стоит бешеных денег. И... нет работы!

Оба югослава сказали в один голос, что уехали бы назад хоть сегодня, но в кармане у них ни пенса.

Однажды мы зашли в «центр», обслуживающий район Бэнкстауна. Это были «тихие часы», но там уже ждало одиннадцать человек, все моложе двадцати одного года, — восемь юношей, три девушки. Молодежи в общем числе безработных принадлежит «почетный» процент.

На некоторых из этих юнцов были костюмы, претендующие на сверхоригинальность; это были так называемые «боджи» — австралийский вариант стиляг. У одного на спине потертой кожаной куртки был намалеван яркой краской дракон. Но на лицах ни следа юношеской живости и веселья; их сменило угрюмое ожидание, страх. В общем, это была типичная для Австралии категория молодежи: она рано, еще подростками, покидает школу, уходит на первую попавшуюся работу, если только удастся ее достать. Мы разговорились с двумя парнями; эти вообще не видали никакой работы, а прямо со школьной скамьи очутились у окошка бэнкстаунского «центра».

Можно ли описать мучения, на которые обречены безработные? Редко кто из них в день потери работы может сказать себе: «Как-нибудь протяну, кое-что припасено на черный день». У подавляющего большинства никаких сбережений. А недельное пособие для одиночки-взрослого составляет 3 фунта 5 шиллингов, для подростка — 1 фунт 17 шиллингов 6 пенсов, максимум для семейного — 6 фунтов 2 шиллинга 6 пенсов. Чтобы понять, насколько ничтожно это пособие, приведем пример. Мы беседовали в «центре» с женщиной, квалифицированной работницей пластмассового производства, в возрасте сорока одного года. Без работы пять месяцев. Еженедельное ее пособие, как одинокой, — 3 фунта 5 шиллингов, но из этой суммы она платит за квартиру... 2 фунта в неделю! А бедняге Полю Фареллу, о котором говорилось выше, квартира обходится в целых 3 фунта. Основная масса безработных очень скоро перекочевывает в дешевые меблированные комнаты, в ночлежки — там плата все-таки «умереннее»: 2—3 шиллинга за койку в ночь. Но многие проводят ночи прямо на улице, в пустых грузовиках на рынках, на скамьях в парках, на платформах железнодорожных станций.

Да! Так «отдыхают» по ночам в моей стране сотни и сотни людей от изнурительно тяжелого труда, состоящего... в поисках работы! А капиталистическая пресса молчала об этом до того самого дня, пока олдермен Т. С. Фостер[2] не выпустил кота из мешка, предложив, чтобы подвалы здания муниципалитета оставлялись на ночь открытыми для людей, у которых нет крова над головой...

Никого или почти никого из этих людей нельзя назвать правонарушителями. Но полицейские крытые машины то и дело шныряют по ночным таборам спящих измученных людей, и к утру тюрьмы бывают переполнены. Многие из наших собеседников уже сидели «за бродяжничество». Некоторые не избежали рукоприкладства в полицейских участках. Мы встретили одного безработного, которого избивали, заставляя «признаться» в соучастии в каком-то не раскрытом полицией преступлении.

Семейным, конечно, приходится много тяжелее, чем одиночкам. Я встретил, например, одного человека, выходившего вместе с двумя десятками других из дверей бэнкстаунского «центра». На нем был костюм модного покроя, правда, давно не глаженный, дорогие серые ботинки. Он сказал, что у него двое детей, ему грозит выселение из дома. Рассказывая все это, он смотрел мутным, невидящим взглядом куда-то в пространство.

Последним вопросом, который я задал этому человеку, был следующий:

— Как вы думаете, в чем причина безработицы?

Разговор с нами и без того взволновал его. Рассказывая о своих бедствиях, он едва удерживался от слез.

— В чем причина? Не знаю. Нет у меня ключа, чтобы открыть эту причину, — сказал он. — Меньше денег стало у предпринимателей, что ли? Нет, не пойму, не знаю...

У входа в другой «центр», в Сэррей-Хиллс, мы разговорились с группой явных одиночек: это

[1] Бюро по регистрации безработных и выдаче вспомоществований.

[2] Советник сиднейского муниципалитета.

легко было увидеть по их внешности.

— Как же вы все-таки ухитряетесь прокормиться?

— Я ем раз в день, — ответил один из них. — Здесь недалеко есть кафе, там дают обед за шесть шиллингов три пенса. Это все. А когда пособия не хватает на всю неделю, приходится пропустить один-два обеда.

Другой добавил:

— Я иногда сплю целый день — вот и экономия на обед.

Честные, трудолюбивые люди, умелые рабочие питаются кое-как, один раз в день... И это в стране, прослывшей на весь мир богатой и процветающей! Вот она, «западная демократия», вот он, «народный капитализм»...

Не всякий безработный придет за жалкой подачкой, уготованной ему буржуазной благотворительностью. Но все же очередь лю-

дей, стоящих за миской супа у благотворительной кухни на Янгстрит, бывает никак не меньше полумили в длину.

Есть одна забота у безработного, которая, пожалуй, мучительнее других: долги. Как назойливые комары, наседают на этих и без того обездоленных людей самые разнообразные кредиторы. Особенно неистовствуют «хайр-пэрчез» — компании, финансирующие продажу товаров в рассрочку. В этом отношении австралийский безработный наших дней, пожалуй, еще в худших тисках, чем его товарищ по несчастью в начале тридцатых годов. К началу того кризиса долги и обязательства не столь отягощали бюджет рабочей семьи, как теперь. Продажа в кредит была у нас еще в новинку, дома мало кто покупал, квартирная плата была намного ниже. Я живо помню, как мой отец впервые стал тогда безработным. У нас вскоре отключили электричество и газ, но взамен шли в ход керосинки и свечи. Хозяйка дома не очень прижимала нас: не так-то легко было найти других жильцов. В общем, можно было некоторое время держаться.

А теперь... Нет рабочего, который не задолжал бы этим акулам из «хайр-пэрчез». Квартирная плата на случай безработицы превращается буквально в петлю на шее.

Мы спрашивали многих безработных: как они относятся к проекту моратория на долги безработных, внесенному в парламент (это был чисто декларативный шаг, не давший практических результатов).

— Да, я поддерживаю мораторий,— сказал Джон Кларк из Дульвич-Хилла.— Особенно на задолженность за квартиру и за предметы первой необходимости, приобретенные в рассрочку.

Но стоило только появиться в газетах слову «мораторий», как

Буржуазный миф о „полной занятости" оказался зловещей издевкой — рабочий класс постоянно страдает от массовой безработицы, от неуверенности в завтрашнем дне.

Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза.

акулы из «хайр-пэрчез» стали действовать. Лейбористские власти в Новом Южном Уэльсе очень быстро удовлетворились «заверением» этих компаний, что они «проявят терпение» и дадут людям «собраться с силами», чтобы погасить свою задолженность.

Газета «Сидней морнинг геральд», крупная владелица акций указанных фирм, немедленно устремилась на поддержку своих компаньонов.

«Мораторий — ничем не оправдываемая мера, — цинично доказывала газета. — Лица, приобретающие товары в рассрочку, всегда вправе сами расторгнуть заключенные контракты и освободить себя от уплат, раз уж они стали безработными...»

«Освободить себя от уплат!..» Какое лицемерие! Человек, напрягая все силы, оплатил уже половину стоимости мебели, и теперь он должен вернуть ее без всякой компенсации. Вернуть акулам, которые и без того жирели годами на ростовщических процентах, удерживаемых с покупателей. Право, Шейлоку впору перевернуться в могиле...

«Заверения» компаний, разумеется, оказались чистейшей ложью. Началась вакханалия «восстановления права собственности» компаний. Среди наших собеседников-безработных было много таких, кто уже пострадал от этого «восстановления» или кому оно угрожало в ближайшее время. Окружной суд на Ливерпул-стрит и все районные суды предместий превратились в простых «агентов-сборщиков» в пользу компаний. А те не довольствуются «восстановлением своих прав»: им еще нужен шейлоковский кусок мяса из тела безработного до и после «восстановления». Они устраивают охоту на людей, тащат их в суд, загоняют их в тюрьмы...

Мы провели два дня — понедельник и четверг — в одном из районных судов, где обычно разбираются дела воров, проституток, пьяниц. Теперь подавляющее большинство дел — это иски к безработным. Домовладельцы требуют выселения. Фирмы по продаже в рассрочку требуют возвра-

щения вещей, по которым просрочена очередная оплата. За один только понедельник фирма «Индастриэл эксептэнс лимитед» просила наложить арест на имущество тридцати двух семей безработных. Но это был «тихий» день. В четверг таких дел прошло в суде пятьдесят семь! По подавляющему большинству из них суд автоматически удовлетворяет претензии фирмы.

— Чем можно оправдать ваш отказ от оплаты купленного вами? — сурово спрашивает судья очередного ответчика.

— Я потерял работу, — отвечает он, беспомощно разводя руками.

— Но вы не оспариваете размеров вашей задолженности?

— Нет, конечно. Но я предложил вносить по пять фунтов в месяц. Это все, что я могу сейчас платить...

Юркий адвокат фирмы «Индастриэл эксептэнс» перебивает ответчика:

— Фирма не может пойти на это. С января он сделал всего только два взноса.

Судья штампует решение: «Восстановить право собственности фирмы на не оплаченный в срок товар».

Недавно газета «Геральд» с невинным видом задавала вопрос: «Где доказательство того, что происходят массовые выселения за невзнос квартирной платы?»

Доказательства почтенный печатный орган может при желании найти, побывав в любом суде на сиднейской окраине. В понедельник суд утвердил пять выселений семей безработных из частных домовладений и семнадцать — из домов военного ведомства[1]. В среду это число было еще выше. И это только в одном суде...

Мы с Эдди Мэхером решили выяснить, многие ли из безработных отдают себе отчет в том, что привело их к такому ужасному положению. Я уже упоминал об одном, который сказал, что у него «нет ключа» для ответа на этот вопрос. Большинство молодых отвечало нам примерно так же.

Многие кажутся сбитыми с толку газетной пропагандой, робко говорят, что, мол, вся беда в «кредитной ставке». Видимо, они имеют в виду ханжеские воздыхания предпринимателей насчет «ухудшения условий банковского кредита»... Те, что постарше, особенно кто помнит тридцатые годы, рассуждают более вразумительно.

— Я никогда не был силен в политике,— сказал нам в Бэнкстауне один рабочий-строитель. — Не часто читаю газеты. Но вот пишут: в безработице повинны приезжие из других стран. Нет, это неверно! Виноваты наши здешние политики. Им не очень-то много дела до нас...

Он помолчал и добавил:

— Вот премьер-министр выступал по телевидению, много слов наговорил. А откуда нам взять деньги на жизнь, так и не сказал.

Джим Харрис из Сэррей-Хиллс вполне ясно представляет себе природу капиталистических кризисов и безработицы и не поддается газетной лжи:

— Они говорят: это спад, а не кризис. А какая разница для нашего брата? Не мы создаем безработицу, а хозяева, их жадность. Им даже выгодно, если у ворот стоит сотня-другая таких вот, как я... Пишут, будто дела поправятся. А за счет чего? Разве что опять войну начнут...

Вступая в беседу с безработными, мы сразу же говорили им, что мы члены Коммунистической партии. Ни разу это не вызвало проявления хотя бы маленькой враждебности, даже настороженности, скрытности, нежелания идти на откровенный разговор. Люди воспринимали наш приход к ним как нечто естественное. Многие говорили, что знают коммунистов как людей, которые защищают интересы простого человека. Откровенность начинается с того, что собеседник изливал перед нами всю горечь утраченных иллюзий:

— Они говорят, что Австралия — богатая страна. Самая богатая в мире. А вот посмотрю я на себя и вижу, что Австралия — мачеха для нашего брата...

Потом разговор неизбежно переходил к тому, что же делать. Безработные не прямо спрашивали нас об этом, но было видно, что они ждут совета и заранее ценят его. Все, без малейшего исключения, отвечали решительным «да» на мой вопрос: «Как вы считаете: каждый человек имеет право на труд?» И когда я говорил, что трудящиеся Советского Союза прочно завоевали себе это право и оно гарантируется Советской Конституцией, собеседники наши встречали это теплым одобрением.

Значит, надо бороться за это право — таков был вывод. Понимают ли это наши австралийские безработные? Да, безусловно, в большинстве понимают и хотят бороться.

— Почему бы нам не устроить

[1] Дома, продававшиеся солдатам, вернувшимся со службы.

демонстрацию, как те ребята, в Мельбурне? — горячо говорил Поль Фарелл. — Да тут любой пойдет. Мы хотим драться за свои права. Только некому сказать нам, как это делается...

Другие говорили, что надо всей массой двинуться к резиденции премьера и потребовать, чтобы участь безработных была облегчена.

Чувствовалось, насколько эти выбитые из колеи, обездоленные люди нуждаются в руководстве. Когда в разговоре упоминались коммунисты, лица оживлялись, люди утвердительно качали головами, решительные жесты крепких рук словно говорили о жажде действия. Кое-кто замечал при этом: «Хорошо, если бы почин взяли на себя коммунисты — их ведь тоже немало среди безработных...».

* * *

Все эти дни мы вдыхали атмосферу горести, тоски, гнева и возмущения, в которой живут люди, у которых капитализм отнял главное в жизни — работу. «Полная занятость» — эта циничная утопия идейных приказчиков капитала—неосуществима нигде: ни в Австралии, ни в какой-либо другой стране «свободного Запада». Капитализм рождает массовую безработицу и тайно радуется ей. Она облегчает ему его дьявольскую задачу — выжимать соки из работающих.

Огромная армия людей, ставших «ненужными», — неотъемлемая часть рабочего класса. И ни один коммунист, достойный этого имени, ни один участник рабочего

движения, ни один профсоюзный прогрессивный общественный деятель не может спать спокойно, если он не ответил на молчаливый призыв о помощи, который читается в глазах этих мужчин с бессильно повисшими руками, измученных заботами матерей, детей, лишенных радостей детства.

Социальная система капитализма по самой природе своей — источник неслыханных страданий и нужды для миллионов людей. Эта система должна уйти в прошлое, уйти как можно скорее.

Передовые силы нашего австралийского рабочего движения не мирятся с бедствием безработицы. Они борются.

Сейчас, когда я пишу эти строки, рабочие в Канберре готовятся к демонстрации под лозунгом, объединившим две великие цели нынешней борьбы трудящихся: «Мир и право на труд». Почин принадлежит группе профсоюза моряков, но его поддержали руководители всех профсоюзных организаций — правые, левые, придерживающиеся «средней» линии. Разумеется, такое единство наверху стало возможным только под мощным напором масс.

Три тысячи строительных рабочих спустились с лесов и прошли по улицам Мельбурна до здания парламента и предъявили там свои требования. Решительно выступили безработные иммигранты из Европы, живущие в лагерях Бенегилла: они штурмовали полицейские участки, забрасывали камнями биржу труда, настойчиво требуя работу.

У нас, в Новом Южном Уэльсе, движение разрастается. Транспортные рабочие уже добились повышения зарплаты после долгой забастовки, которая отличалась исключительным упорством и единством стачечников. В Сиднее предсказывают стачку рабочих электростанций.

Докеры, вожаком которых был до недавней безвременной кончины легендарный Большой Джим Хили, всегда показывают пример мужества в стачечной борьбе.

Последний мой разговор с Джимом был все о том же — о его братьях-докерах, об их нуждах и о том, за что и как предстоит бороться.

— Мы созовем на большие митинги рядовых членов нашего союза, — мечтал Джим, — мы наметим вместе цели борьбы и лучшие, эффективные ее методы. Надо дать отпор «трудовому законодательству», которое направлено против рабочих.

Дружно борются моряки против реакционного закона Фостера, вооружившего арбитражные суды по трудовым делам «правом» налагать штрафы и применять другие меры давления на профсоюзы, отстаивающие интересы рабочих.

Труднее всего приходится шахтерам: их жестоко бьет кризис в угольной промышленности. Но они высоко держат знамя борьбы за сокращение рабочей недели без уменьшения заработной платы.

За много лет в Австралии не было такого размаха рабочей борьбы. Послевоенный кризис капитализма сказывался в Австралии по ряду причин довольно медленно: Австралия долго служила «демпинговой зоной» для капиталов США, Англии и других стран. Но австралийский капитализм не может больше играть роль «экономического буфера». Теперь пелена кризиса все плотнее окутывает Австралию.

Австралийское рабочее движение стоит перед серьезными боями за кровные интересы трудящихся.

В АДРЕС «Москва, „Огонек"»

Северная пленница

Мне очень хотелось поймать белую сову, но это никак не удавалось. Дело в том, что белая сова видит и в дневное время. Только на четвертый год своего пребывания на Крайнем Севере мне посчастливилось поймать птицу. Она была кем-то ранена.

Сова изорвала мои меховые рукавицы и сильно поранила руки, прежде чем удалось ее схватить. Спустя месяц она привыкла ко мне: у нее исчезли отчужденность и неприязнь, пищу она стала брать свободно из незащищенных рук.

Вы видите на снимке эту изумительную птицу.

Н. КРАСЮКОВ

Москва.

ЛЕСНАЯ АКТРИСА

Однажды, спрятавшись от дождя под кудрявой елкой, я заметил промокшего маленького зверька. Это был бельчонок. Он замер на месте, видимо, не зная, убежать или не убежать. Прицепив к концу удочки кепку, я накрыл ею бельчонка.

Через несколько месяцев белочка выросла. Она бегала по потолку, прыгала, но ничего не роняла, не разбивала. Как-то придя домой, я не нашел белочку. Сосед рассказал, что видел черного зверька, бегающего по крыше моего дома. Тут я сообразил, что бельчонок ушел через дымоход.

Осенью, собирая грибы, я пришел к озеру, где весной встретился с бельчонком. Манок был при мне, можно было начать перекличку с птицами. Однако первой мне ответила цоканьем белка. Она прыгнула на толстый сук и начала рассматривать меня. Потом белка стала резвиться, прыгать, кувыркаться на еловой лапе, цокать, играть своим хвостом, словно она была обрадована встречей со своим старым другом.

Я положил на пень кусочек сахару и отошел в сторону. Белка быстро спустилась вниз, схватила сахар и залезла на ветку. И представление продолжалось. Белка вертелась в воздухе, ловко цепляясь за ветви, прыгала вниз, потом молниеносно взлетала вверх. Она выделывала гимнастические упражнения, управляя в полете пушистым хвостом.

Много раз смотрел я выступления лесной актрисы, думал: а не моя ли это белочка? Но так и не узнал.

Ф. СМИРНОВ

Ленинград.

На операционном столе — тигр

Два года назад Амур поступил к нам, в Калининградский зоопарк. У зверя в пасти была небольшая незажившая ранка. Тогда решили, что это след отлова в уссурийской тайге или транспортировки. Ранка то закрывалась, то вновь появлялась, но, казалось, не беспокоила Амура. Когда же она открылась на этот раз, стало ясно, что без операции не обойтись. Но как подступиться к «пациенту»?

Пришлось поместить его в обычную транспортную клетку, у которой боковые стенки глухие, а передняя и задняя решетчатые. Когда Амура в нее заманили, клетку перегородили вдоль толстыми дубовыми досками так, что он оказался зажатым в тесном пространстве. Во время этой процедуры мы получили наглядное представление о его силе и ловкости. Амур схватил конец пятисантиметровой дубовой доски, и его огромные клыки вошли в нее так легко, как зубы человека входят в хлеб.

Наконец врачу зоопарка Марии Павловне Томской удалось ввести тигру снотворное, но организм Амура, даже ослабленный, оказался настолько могуч, что от пятикратной человеческой дозы он только впал в полузабытье.

Оперировать Амура взялись главный стоматолог Калининградской области Элла Михайловна Мельц и хирург областной больницы Анатолий Иванович Пирогов. Наконец их необычный пациент был подготовлен к операции: уложен на спину, передние и задние лапы привязаны к решеткам клетки, голова надежно закреплена. Сделано местное обезболивание, и операция началась.

Диагноз ясен: от кариоза клыка начался остеомиелит челюсти, проевший ее насквозь. Больной зуб был совершенно полын, осталась одна эмаль. И вот он удален, раны вычищены, наложены швы. Операция длилась больше трех часов. Сейчас Амур чувствует себя хорошо.

Л. ВЕРШИНИН,
директор
Калининградского
зоопарка

Человек солнечной стороны

Н. ХРАБРОВА

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Как это начиналось?

А очень просто. Василий Кавун родился здесь, на этой земле.

Когда он научился бегать, она согревала ему ноги теплой пылью деревенских дорог.

Когда он научился смотреть, она щедро открыла ему свой прекрасный, озаренный солнцем лик. Он всегда видел ее близко, рядом с собой — то черную, как антрацит, то зеленую, то позолоченную августом, каждой травинкой впитавшую цвет солнца.

В шелесте пшеничных колосьев он слышал ее шепот и дыхание.

Он полюбил ее, землю своего детства, и сумел стать верным ей и благодарным.

— А ну, поворачивайся, сынку, покажись да расскажи, как шагает вперед наша наука,— совсем как Тарас Бульба, допытывал Василия отец, агроном Михаил Корнеевич Кавун, когда сын приезжал домой, на каникулы, из Уманского сельскохозяйственного института.

О Михаиле Корнеевиче не написано книг. Был он агрономом, а каким был, можно судить по детям: их было семеро в семье, и пятеро стали агрономами.

Когда учились, думали: вот бы быть такими, как отец!

— А ну, поворачивайся, сынку, да рассказывай, как шагает вперед агрономия,— требовал Михаил Корнеевич и долго, придирчиво слушал рассказ Василия да разглядывал зачетную книжку. И, убедившись, что хорошо шагает агрономия и хорошо учится сын, припечатывал коротко:

— Ладно. Пусть теперь голова отдыхает, а руки учатся.

И руки учились. Учились все лето и к осени покрывались жесткими желтыми мозолями. За любую колхозную справу могли взяться крепкие руки этого высокого, красивого, зеленоглазого парня. Надо было косить вручную: время было послевоенное, машин не хватало, — и он косил с колхозниками от последней звезды до первой. Бывают среди косцов такие колдовские деды, что весь колхоз бегает к ним косы направлять, от них научился Василий этому, теперь уж старинному, искусству. И скирдоправы такие есть, что если поставили скирду, то после самой гнилой зимы, в самую сырую весну солома будет сухой, золотой и духовитой, как в день уборки, — от них Василий научился тянуть скирду. Был на уборке шофером, трактористом, комбайнером. Столярничать и слесарничать от отца научился, а лучше всего — шить и чинить сапоги. Осенью, провожая сына в институт и сжимая его огрубевшую руку, отец говорил мягко:

— За мозоли не обижайся. Без них земли не поймешь и не научишься людям сочувствовать. Без них тебя, книгочея, засмеют колхозники на поле.

А он дождаться не мог этих дней, когда можно было снова сесть за книги. С интересом, близким к волнению, принимал агрономию: батюшки-светы, какая сложная жизнь вот у этой самой обычной травинки! И сколько у человека возможностей изменить жизнь травы, и вид травы, и сущность травы. Он хотел стать ученым. Селекционером. Открывателем нового в древнем зеленом мире растений. После института собирался поехать в Киев, в аспирантуру. И сам же не позволил себе так поступить: к этому времени брат и две сестренки тоже захотели стать агрономами, надо было помочь им.

И вот она, земля, снова рядом, близко. Но какая земля! От ее вида болит сердце, и тревога, как плохой советчик, по ночам заставляет вскакивать с постели. Со стыдом вспоминается колхозное собрание, на котором «избрали» его председателем расшатавшейся артели,— это была другая артель, не та, где он вырос. Избрали в поле, потому что в правление просто никто не пришел. Избрали кто с равнодушием, кто с ядовитыми насмешками, потому что колхозники давно ничего не получали на трудодень, и гораздо больше, чем в председателя, только сошедшего со студенческой скамьи, верили в свои приусадебные участки. А поля? Можно было подумать, что в этой невеселой Веселовке люди сделали «важное открытие» и решили вместо пшеницы и кукурузы выращивать лебеду да осот.

Он пробовал рассердиться на колхозников и не мог: он же видел, как люди сами страдали от своей беды. Он разговаривал с женщинами в поле и со стариками, потерявшими силу рук и горевавшими о земле. И сделал единственно правильное: отовсюду, откуда мог, наскреб хлеба и денег и рассчитался с колхозниками. И только потом занялся очисткой семян, севооборотами, организацией труда.

Борьба была трудной, потому что не только сорняки одолели колхозные поля: в колхозе засела шайка расхитителей и пьяниц. Он, наверное, никогда в жизни не забудет тот жаркий день, пыльную молотьбу. В поле не привезли воды. А один из руководителей колхоза, пьяный спозаранку, высунувшись из машины, бранил колхозниц за плохую работу. Василий Михайлович ненавидит пьяниц и не дает им пощады.

Конечно, не достало бы силы двадцатитрехлетнему юноше одному справиться со всеми бедами, облепившими Веселовку. Да вот колхозники, почувствовав в нем справедливость и неподкупность, сразу встали за него стеной. Два года спустя после прихода Кавуна загремел по району маленький веселовский колхоз высокими надоями, хорошими урожаями, стойкой оплатой трудодня. А на четвертый год райком партии рекомендовал Василия Михайловича председателем в самое большое хозяйство района — в колхоз имени Сталина, что в Шляховой.

Когда-то здесь проходил широкий чумацкий шлях. Опаленные солнцем чумаки сворачивали в балку усталых широкорогих волов. Люди и животные жадно приникали к прозрачной холодной воде степных криничек. Селились у воды люди, и стало тут большое село — Шляховая.

Жара, жара... Утро только что наступило, а жара уже вытолкала прохладу из густых садов Шляховой и обжигающей волной потекла по степи.

В этот ранний час в правление приходит Василий Михайлович. Приходит, как на праздник: в белом чесучовом пиджаке, со строгой складкой на брюках. В дверях посторонится, вежливо пропустит женщин вперед и не начнет разговаривать с человеком, не предложив ему сесть. В комнатах правления прохладно, окна затенены белоснежными занавесками, на крашеных полах ни соринки. Может быть, отсюда и начинается уютный порядок Шляховой — белые дома в окружении высоких георгинов и цинерарий, нарядные занавески на окнах и обычай после работы одеваться по-праздничному.

С утра в правление приходят колхозники по личным делам.

— Василий Михайлович, грошей треба для строительства.

— Василий Михайлович, будьте ласковы, дайте машину: леску привезти надо.

— Василий Михайлович, а мне бы стекла и гвоздей!

Никому нет отказа. Строится Шляховая, и меняется «классический» украинский пейзаж: уходят крохотные хатки под мохнатой соломой, вырастают большие, в четыре комнаты, дома с яркими железными и шиферными крышами.

Вот теперь, когда разошлись посетители, пора в поле!

Здесь идет молотьба. Мимо пышных сухих валов плывут комбайны, и из их рукавов сыплется в машины шуршащая струя светло-янтарных ядреных горошин.

— Знаете, что такое горох? — рассказывает Василий Михайлович.— Это высокие надои молока, это мясо, это деньги: по шестьдесят рублей с гектара. А у нас гороха больше семисот га — вот и считайте! Да не в этом главное: горох — кормилец земли! Он дает такое обогащение почвы азотом, что после него мы получаем по 32 центнера пшеницы с гектара. А сахарная свекла? В прошлом году, посеянная по гороху, она дала нам вместо 350 обычных 480 центнеров с гектара! Горох — вернейший способ подкормить истощенные почвы, и учтите: мы засеваем им пары, не пустуют сотни гектаров и досыта кормится земля!

Василий Михайлович говорит о горохе ну прямо с почтением, и невольно начинаешь смотреть на это растение как на доброе и умное живое существо. А чтит Василий Михайлович горох с институтских времен и именно ради него заочно занимается в аспирантуре и готовит о нем, о горохе, кандидатскую диссертацию. Со всех концов страны пишут в Шляховую председатели и агрономы, просят поделиться опытом. Вот и сейчас в кармане у Василия Михайловича лежит письмо, только что полученное от моего старого знакомого — председателя Псковского колхоза «Россия» Дмитрия Ивановича Иванова. Ох, и не прост Дмитрий Иванович! Он сначала рассказывает, что «почвы у него бедноваты, доходы — миллионные, хозяйство многоотраслевое, все есть, а вот семян гороха нет, и купить негде. Так не откажите в любезности, Василий Михайлович, выслать нам пять тонн гороха».

— Пошлете ему?

— Да как же ему не послать, если он умница и все понимает! Непременно пошлю.

Доплывают комбайны до зеленой стены и поворачивают. Тут начинается кукуруза. В полтора человеческих роста, с пышными султанчиками соцветий, с огромными початками, еще плотно запеленатыми в зеленые листья. Шумит, как тайга.

— Тайга, говорите? Что вы! — смеется Василий Михайлович.— Всего полторы тысячи гектаров

А вот еще полторы тысячи гектаров золотой стерни. Здесь была пшеница. Она скошена и обмолочена, от нее остались в поле только могучие, как бастионы, скирды соломы. А зерно — по тридцать два центнера с гектара! — уже покоится в колхозных закромах и в закромах государства.

Огромное поле подсолнуха миллионами золотых круглых глаз настороженно наблюдает за солнцем. На тысяче гектаров кудрявится изумрудная ботва сахарной свеклы, и под ее листьями увесистые бураки набираются соков. Вдруг Василий Михайлович наклоняется, выдергивает из земли травину и швыряет ее на дорогу.

— Chenopodium album,— говорит он,— а по-русски — лебеда. Ей сейчас вовсе тут не место!

Глубоко сидит в нем ученый, и латинские названия растений помнятся ему так, будто он только что сдал экзамен по латыни. А что касается сорняков, то пойди поищи, не очень-то найдешь их на восьми тысячах гектаров колхозных полей.

Да, есть чему поучиться у Василия Кавуна!

За четыре года он помог колхозу удвоить неделимый фонд.

Как это было? Обо всем не расскажешь. Но с гречихой, например, было так: чтобы она лучше опылялась, Василий Михайлович распорядился вывезти на гречишное поле всю колхозную пасеку — по семь-восемь ульев на гектар (агротехника рекомендует по два). И урожай гречихи сразу подпрыгнул до 26 центнеров с гектара. Это можно назвать агротехническим экспериментом. А можно — как в искусстве — творческим поиском.

Чехов писал о людях, выбирающих теневую сторону. Так им спокойнее, удобнее, так легче жить. Солнечную сторону жизни выбрал Василий Кавун! Выбрал потому, что все, что на этой стороне: любовь к людям, к жизни, к знаниям и труду,— все у него в душе.

...Уходит на запад горячее степное солнце. И люди уходят с полей.

Пора и Василию Михайловичу в правление: там его уже ждут. По дороге он тихонько мурлычет песню, у него хорошее настроение: уж очень хороши поля, для него они красивее всего на земле!

Бухгалтерия — центр колхозного учета, и, конечно, В. М. Кавун часто заходит сюда.

Шляховая.

Колхозный скот в летнем лагере.

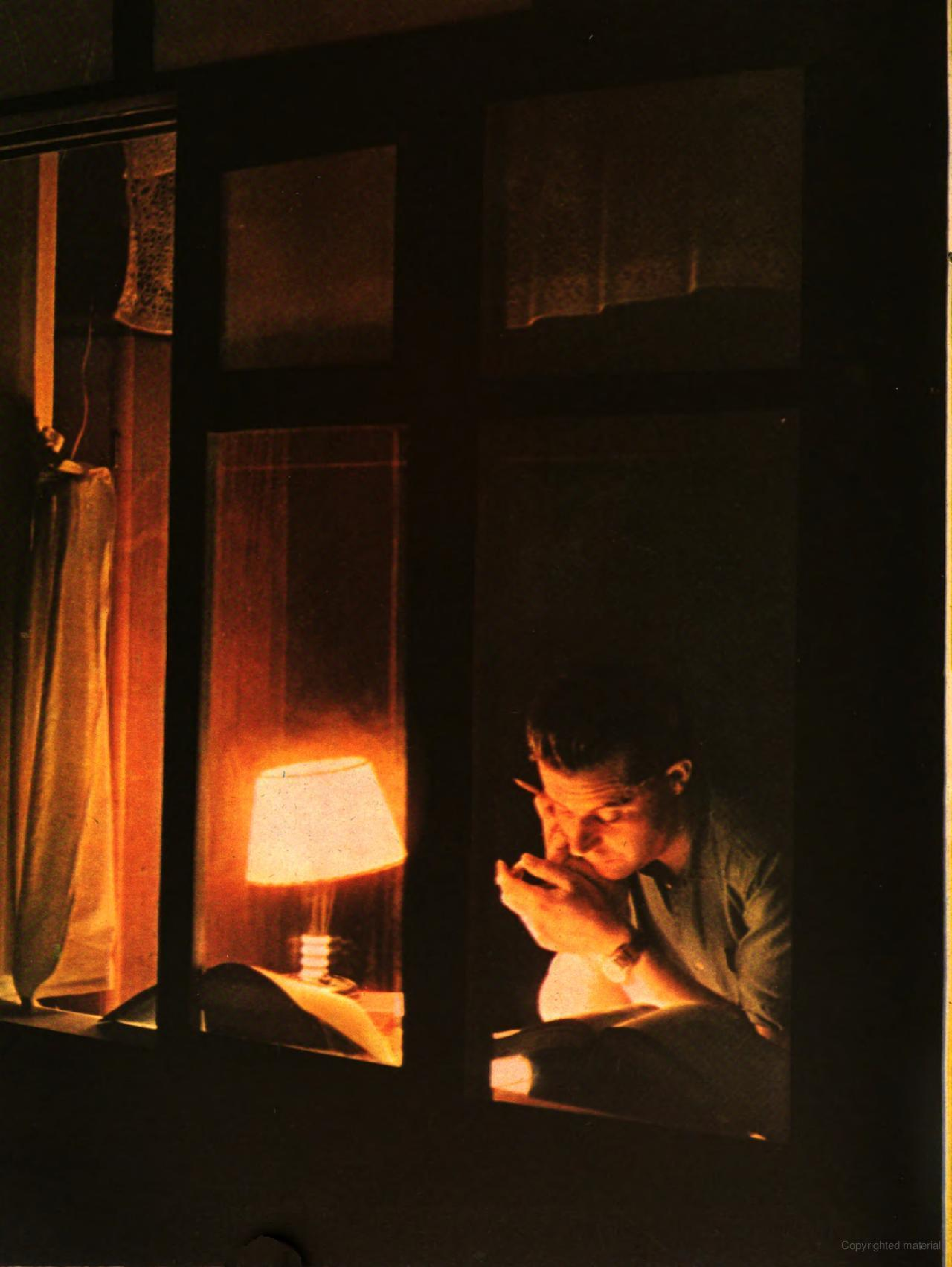
Гречиха — слава колхоза, источник его больших доходов.

Разговор председателя с трактористами.

Цветы и свиньи...

На обороте:
Ночами, когда в колхозе затихает жизнь, Василий Михайлович работает над кандидатской диссертацией.

Константин **ВАНШЕНКИН**

Вдаль смотреть счастливыми глазами

ЧАС «ПИК»

Мир тонет в гомоне и лязге.
Во все углы проник бензин.
Грудной заходится в коляске,
Один, у входа в магазин.

Плывут машины, как в тумане,
Едва не трутся борт к борту.
Регулировщик —
весь вниманье —
В стеклянной будке на посту.

Играют девочки в скакалки,
Все позабыв среди забав.
Хохочут две провинциалки,
Чуть под колеса не попав.

Визжат, минуя повороты,
Трамваи, как в кошмарном сне...
И человек идет с работы,
Блаженно щурясь в тишине.

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

Ритма жизни не нарушая,
Возле выхода из метро
Встала очередь небольшая
К будке справочного бюро.

Получают вдали от дома
За минуту, за полчаса
Учреждений или знакомых
Телефоны и адреса

Москвичи и провинциалы.
А один — до чего уныл! —
Помнит только инициалы,
Имя-отчество позабыл.

Ей, должно быть, такого жалко,
Но хранит неприступный вид
Узаконенная гадалка,
Что в своем теремке сидит.

Перелистывает страницы
И внезапно на тех, кто ждет,
Как поднимет она ресницы —
Синим пламенем обожжет.

Перед нею столицы атлас,
Где найдется всегда ответ...
Но кому-то не нужен адрес,
Нужно: любят его иль нет.

...На груди у гадалки брошка,
На мизинчике перстенек.
И стоит у ее окошка,
Как приклеенный, паренек.

Проявляет вовсю смекалку,
Ждет, пока отойдет народ,
И расспрашивает гадалку:
Как зовут ее? Где живет?..

ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИЙ

И ночь прошла. И означало это,
Что кризис, безусловно, миновал.
Сестра устало щурилась от света.
И спал он, как сраженный наповал.

Он спал и спал, не требуя побудки,
Одним лишь этим душу веселя.
На столике стояли незабудки
В стакане тонком из-под киселя.

Дежурная склонилась к изголовью,
Подушку взбила спящему сама.
Он ровно спал, касаясь правой бровью
Неясного больничного клейма.

Он спал порою утренней весенней,
В лучах прямых от маковки до пят,
Тем долгим сном, каким без сновидений
Больные, выздоравливая, спят.

* * *

Окончилась ночная смена,
И наступила в мире тишь.
Руками обхватив колено,
Ты в пыльном кузове сидишь.

И едешь вдаль спиной к кабинке,
Качаясь мерно и дремля,
По самой дальней по глубинке,
А по бокам бежит земля.

И видят люди, пролетая
В машине встречной с ветерком,
Как грудь обтянута крутая
Чуть полинялым свитерком,

Как по лицу проходят тени
Ветвей, зеленых от весны,
Как бел платок, и на колене
Как пальцы переплетены.

ЖЕНЫ

Есть жены, что всю жизнь, как дети:
Они капризны и милы,
Они живут на белом свете,
Цветя от каждой похвалы.

И, открывая утром глазки,
Почти беспомощно глядят.
Наивным требованьем ласки
И счастья светится их взгляд.

Они любимые, родные,
Хоть к нам добры не всякий раз...
И жены есть совсем иные,
Те — словно матери для нас.

Дела, дела до самой ночи,
Все близко ей в твоей судьбе.
А открывает утром очи,
И в них — забота о тебе.

...Но четкой грани все же нету:
С тех пор, как стала ты женой,
Поочередно то и это
В тебе является одной.

* * *

В закатный час, среди туманов розовых,
Или когда рассвет дождливый хмур,
Рыбалка — увлечение философов,
Охота — для мятущихся натур.

А взять туристов. Чащами да топями,
Преодолев препятствий целый ряд,
За выходной полсотни верст протопали,
И славно отдохнули, говорят.

А вот болельщик — где-то у экватора
Или в тайге — внезапно входит в раж,
Поймав чуть слышный голос комментатора,
Вкушает о футболе репортаж.

Но есть другое: как тисками схваченный,
Когда тебе всю душу обожжет,
Над главным — над поэмой, над задачею —
Просиживаешь ночи напролет,
Не придавая времени значения...
Тебя знобит. Работается всласть!

Приятны в человеке увлечения,
Когда помимо есть еще и страсть.

* * *

Смотрим мы зелеными глазами
В зелень вод.
Смотрим голубыми-голубыми
В небосвод.

Серыми — на серую, литую
Смотрим сталь.
Теми, что даны нам от природы,
Смотрим вдаль.

И пока не станет перед взором
Вдруг темно,
Вдаль смотреть счастливыми глазами
Нам дано.

Рисунки В. Орлова.

Гига Бетанели — О. Мегвинет-Ухуцеси.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Хороший человек дед Кола и мудрый. Уж что скажет — тому и быть, а тут вот ошибся, да еще как!

Многие односельчане сокрушенно вздыхали, наблюдая нескончаемые проделки Гиги Бетанели — предводителя местных сорванцов, главного опустошителя фруктовых садов.

— Как наша деревня никогда не станет городом, так он — человеком,— сказал тогда о Гиге дед Кола,— сказал, словно вслух произнес мысли соседей.

Но такое уж наше время, что не только там, где была маленькая деревушка, но даже на пустом месте вырастают большие города, а люди?.. Когда кругом хорошие, добрые люди, они всегда протянут руку помощи тому, кто в ней нуждается, и помогут мальчишке вырасти и стать настоящим человеком.

Вот о таких хороших советских людях и рассказывает созданный грузинскими кинематографистами фильм «Добрые люди».

В небольшой выжженной солнцем деревушке Руставн в годы Отечественной войны знакомимся мы с заводилой местных мальчишек Гигой Бетанели. Весть о гибели отца на фронте и романтическое стремление к подвигу уводят мальчика из родных мест. Возвращается он в Грузию через одиннадцать лет уже инженером. Возвращается, и на месте села застает новый город Рустави... Красивые большие дома. Там, где его босоногая команда протаптывала тропки, лежат широкие магистрали, а мост... Висячий мост, который так лихо раскачивали мальчишки, стоило только взойти на него девочкам,— мост тоже теперь другой: фундаментальный, красивый.

Но воспоминания детства всегда кажутся прекрасными, и любая возникающая в памяти деталь становится значительной, когда возвращается человек на родину после долгой отлучки. Так случилось и с Бетанели.

В доме Тамаза — товарища, с которым Гигу сдружила не одна проведенная вместе над проектом ночь, он встречает Нану — подругу своего детства. Трогательные воспоминания овладевают ими, и кажется, нахлынувшее чувство непреодолимо, но Нана — жена Тамаза...

Эмоционально и взволнованно, без дидактики и лицемерия ведут свой рассказ создатели фильма о высоком нравственном облике советских людей. В сценарии Г. Мдивани нет противопоставлений хорошим людям плохих, в нем нет отрицательных персонажей, там действуют только добрые люди. И тем не менее в фильме есть напряжение, есть борьба. Борьба эта идет в душе человека. Режиссер Ш. Манагадзе, оператор Ф. Высоцкий и актеры вслед за автором сосредоточили свое внимание на психологии героев, раскрытии их внутреннего мира. Они немногословны. Люди на экране мало говорят, но думают и действуют. Поэтому победа дружбы, воли, человеческого достоинства в каждом из героев воспринимается не как морализирующий финал, а как закономерность нашей советской действительности, в которой доброе начало всегда побеждает.

И ошибся дед Кола... Гига Бетанели стал настоящим человеком и по заслугам занял свое место в новом городе Рустави.

И. ВЕРШИНИНА

ЧЕТЫРЕ БИОГРАФИИ РАЗНОЙ ДЛИНЫ

Цели и свершения

...необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций...

Программа, принятая на VIII съезде партии.

О. КНОРРИНГ
Фото автора.

В моей записной книжке биографии нескольких людей, разных по возрасту и по положению. Все они татары. И мне кажется, что их судьбы характерны для представителей любой национальности, входящей в великую семью народов нашей Родины.

Сын волжского крючника

В небольшой, заставленной сложной аппаратурой комнате Химико-технологического института Казанского филиала Академии наук СССР оживленно спорят два человека. Один из них еще молод, другой лет шестидесяти. Это научный сотрудник Юрий Федорович Гатилов и его руководитель Гильм Хайревич Камай. Полное перечисление званий, титулов и заслуг Камая займет много строчек. Он профессор, доктор химических наук, заслуженный деятель наук РСФСР, лауреат Сталинской премии, делегат XXI съезда КПСС, член различных обществ, автор свыше двухсот научных трудов.

— Так, значит, хотите узнать, как «дошел я до жизни такой»? — улыбается он.— Что ж, начнем по порядку.

Родился я на Волге, в селении Старые Тетюши — это недалеко от устья Камы. Отец — неграмотный грузчик — уже и тогда понимал силу образования: попросил муллу назвать меня Гильм, то есть «знание». Мулла сначала согласился, но потом схитрил и добавил от себя окончание Утдин. Получилось имя Гильмутдин, что по-русски означает «знание и религия». Ну, потом уж я сам, поскольку в бога не верил, отбросил навязанную муллой приставку и стал просто Гильмом.

Восемь лет мне было, когда умер отец. Последние его слова были обращены ко мне.

«Учись, сын»,— сказал он мне перед смертью.

Но как учиться? Мать работала водоносом и стирала белье. Заработка едва хватало, чтобы прокормиться. Домик у нас, правда, был свой. Крошечный. Вместо кроватей — нары. О постелях даже не мечтали.

Нанялся я к ломовому извозчику погонщиком лошадей. Возили с пристаней грузы.

Пристань-то, собственно, и была моей первой школой. А названия пароходов — моим первым букварем. Первое слово, которое мне удалось сложить, было «фортуна» — так назывался один из волжских пароходов. Что это слово значит, я не знал, но, помню, оно производило на меня большое впечатление. Вскоре я уже легко читал такие слова, как «Кавказ и Меркурий», «Мстислав Удалой»... Зарабатывал, конечно, гроши.

Хотелось читать, но книг не было. Покупал на свои заработки лубочные издания и песенники. Учил наизусть стихи и читал их мальчишкам. Однажды меня за таким занятием и застала русская учительница Антонина Михайловна Малыгина. Я декламировал «Бородино» Лермонтова и так увлекся, что не заметил ее. Она велела мне приходить к ней и стала помогать учиться. Иногда, если меня пускал хозяин, ходил в школу, но это бывало редко, так как он считал учение баловством. Ну, а когда мне стукнуло лет пятнадцать, я нанялся на стройку железнодорожного моста в Симбирске. Возил землю на тачке. Накопил денег — девять рублей — и по совету Антонины Михайловны отправился в Казань поступать в татарскую учительскую школу. Здесь у меня чуть было все прахом не пошло. Из-за муллы. Русский язык и арифметику я сдал на пятерку. А по вероучению провалился с треском, так как в бога не верил и никогда корана не изучал. Мулла рассвирепел и закатил мне двойку. И хотя потом, пожалев сироту, меня все-таки приняли, но в число пяти учеников, обучающихся за казенный счет, я не попал. Нужны были круглые пятерки.

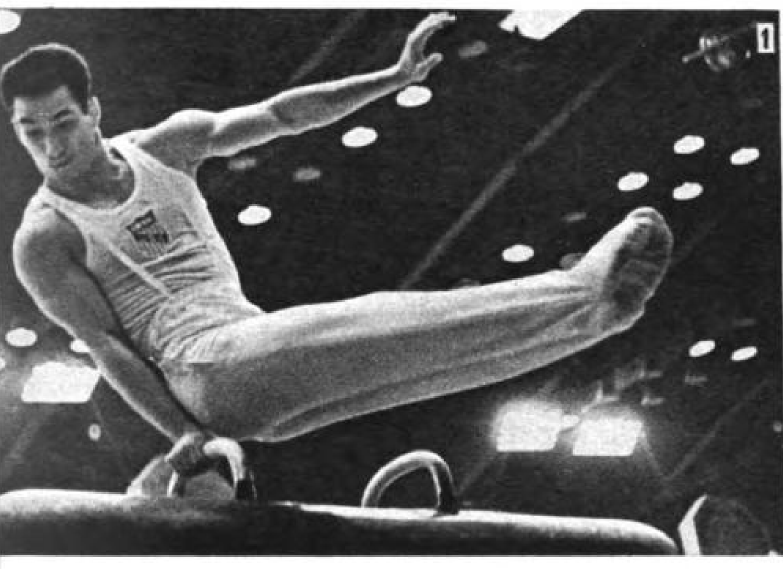
Все же я не унывал и решил учиться, пока есть деньги. Однако на девять рублей долго не проживешь. И скоро я с голодухи заболел куриной слепотой. Пришлось вернуться на пристань в Старые Тетюши.

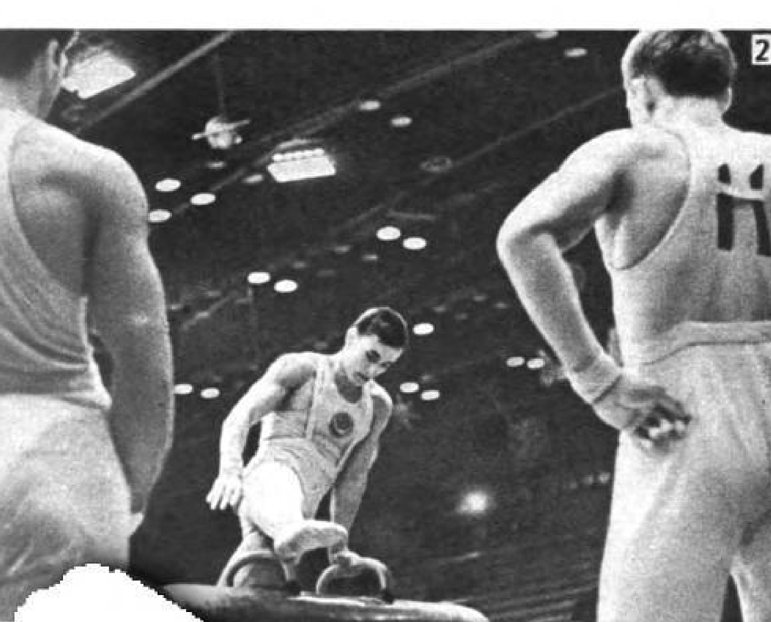
Не знаю, что бы было со мной дальше, если бы не революция. Вскоре же после Октября я вновь поехал в Казань, где учили уже бесплатно.

И тут меня, как щепку из тихой заводи, жизнь вытянула на самую быстрину. Познакомился с большевиками. Вступил в комсомол. А в 1920 году меня приняли в партию.

Затем армия. Был агитатором-пропагандистом Политуправления Красной Армии. Служил в отрядах ЧОН. Боролся с бандитами в Сибири и на Алтае. Был в Москве. Два раза посчастливилось видеть Ленина. Один раз на улице, а в другой раз по гостевому билету слушал его выступление на Десятом съезде партии.

Снова Сибирь. Там я повстречался с Емельяном Ярославским,

Победители матча СССР — США по гимнастике получили памятные медали, но главный приз, врученный гостям, представлял для них еще большую ценность: американские гимнасты увозят за океан ценнейший опыт, полученный ими после встречи с лучшими гимнастами мира — спортсменами СССР.

Гимнастика в США до недавнего времени не пользовалась популярностью, но после XVII Олимпийских игр, после выступления в США в начале этого года советских гимнастов мастерство американских спортсменов стало быстро расти. Ответный визит гимнастов США в СССР был для них важным этапом в подготовке к XVIII Олимпийским играм в Токио.

Надо отдать должное молодым американским спортсменам: так же как и японские гимнасты. они используют каждую новую встречу с нашими мастерами для учебы. Гимнасты США и на сей раз в Москве не сидели сложа руки; они или выступали сами, или же внимательно наблюдали за своими соперниками и фиксировали на кинопленке выступления таких корифеев, как Лариса Латынина, Полина Астахова, Павел Столбов, Альберт Азарян.

Два дня на арене Дворца спорта шел матч двух команд, и надо сказать, что если в многоборье наши гости еще не могут претендовать на успех, то после выступлений на отдельных снарядах они не раз занимали места на постаменте почета.

Лучший результат в многоборье у женщин показали Лариса Латынина и Полина Астахова. У мужчин победу одержал Павел Столбов.

ГЛАВНЫЙ ПРИЗ—

1. Армандо Вега выступает на коне.

2. Молодой советский гимнаст Ю. Сабиров нашел свое место в строю лучших гимнастов СССР.

3. Джуди Клаузер и Мэриель Гросфельд не сидят сложа руки...

4. Соскок с перекладины Валерия Кердемелиди.

5. Космонавт-2 Герой Советского Союза Г. С. Титов с интересом следил за борьбой у гимнастических снарядов.

6. Американские гимнасты внимательно следят за выступлением своих искусных соперников.

7. Три гимнастки показали одинаковый результат в прыжках: американка Б. Мэйкок, М. Николаева и Л. Латынина.

Фото А. БОЧИНИНА.

он мне сказал: «Слушай, Камай, у тебя же есть какое-то образование, тебе надо учиться дальше. Нам очень нужны свои специалисты».

И вот я студент Томского государственного университета. Учусь и по старой памяти подрабатываю грузчиком на Томи. В университете на меня обратил внимание профессор Борис Владимирович Тронов. Он и привил мне вкус к химии. Когда я кончил, он предложил мне остаться у него аспирантом.

Обком партии Татарии, узнав о том, что в Томске работает татарин, затребовал меня в Казанский университет. Здесь мне снова повезло. Я стал аспирантом и учеником профессора, ныне академика, А. Е. Арбузова. Через некоторое время меня послали для усовершенствования в Германию к известному химику профессору Мейзенгемеру.

Ну, а дальше?

Дальше все было просто. Работал доцентом, потом мне присвоили звание профессора. Защитил докторскую диссертацию, получил Сталинскую премию. Ну и так далее...

Всегда вспоминаю добрым словом своих русских учителей: Малыгину, Тронова, Арбузова. Многое в жизни сделали они для меня. А теперь, как говорится, долг платежом красен. У меня у самого ученики — русские.

Девочка из глухой деревни

Вместе с заместителем председателя горисполкома Казани Марией Валеевной Замовой едем по городу. Она должна побывать на строительстве школы и решить судьбу детского дома в новом микрорайоне. По дороге Мария Валеевна рассказывает о себе...

Родилась она в глухой татарской деревне Оренбургской губернии. Царили там нищета, грязь, трахома. Детей в семье было семеро, четверо умерли маленькими. В одиннадцать лет Мария Валеевна осиротела. Отдали ее «в люди» к русским, к машинисту электростанции в Абдулине, старому коммунисту Георгию Тимофеевичу Кузнецову. Дядя Горя заменил татарской девочке родителей. Ему она обязана окончанием семилетки. Потом Кузнецов отправил Машу в Куйбышев к своему родственнику, железнодорожному машинисту, тоже старому большевику, Шадрину. Там поступила девушка в энергетический техникум. Окончила его, пошла работать на завод. Вышла замуж за бывшего детдомовца. Он имел уже высшее образование и преподавал в школе. Марии Валеевне тоже очень захотелось получить высшее образование, и она поступила на вечернее отделение инженерно-строительного института. Затем молодая семья переехала в Казань.

В войну Мария Валеевна работала на заводе начальником цеха, главным инженером, была секретарем парткома. Потом работала в горкоме партии, одновременно была председателем Верховного Совета ТАССР, с 1958 года — в горисполкоме. Муж — директор школы.

— Молодежи теперь учиться хорошо,— говорит М. В. Замова.— В одной Казани у нас одиннадцать вузов, пятнадцать техникумов и сто сорок восемь школ. Да, я еще забыла сказать,— добавляет она,— все это время мы с мужем непрерывно учились. Я окончила еще и Заочную высшую партийную школу. Ну, как вам нравится биография женщины-татарки?

Одна биография на четверых

Вечером за кулисами Татарского государственного театра оперы и балета имени Мусы Джалиля я познакомился с четырьмя молодыми татарскими артистами — заслуженным артистом РСФСР и ТАССР А. З. Аббасовым, Ф. Т. Тимировой, А. Ш. Зайнуллиным и заслуженным артистом ТАССР Вали-Галкиным. Каждый из них в отдельности рассказал мне свою историю. Но когда я перечитал записи, то увидел, что фактически это одна и та же биография, только написанная в четырех экземплярах. Все они учились в школе, работали на производстве, участвовали в самодеятельности, а затем были направлены в консерваторию, по окончании которой были приняты в театр. Вся разница заключалась только в том, что Аббасов и Вали-Галкин учились в московской консерватории, а Тимирова и Зайнуллин окончили свою, казанскую.

Всего три слова

Что же касается веселой пионерки Гали Курамшиной, с которой мы встретились в пионерском лагере, то ее биография укладывается пока всего в три слова: ясли, детсад, школа...

4

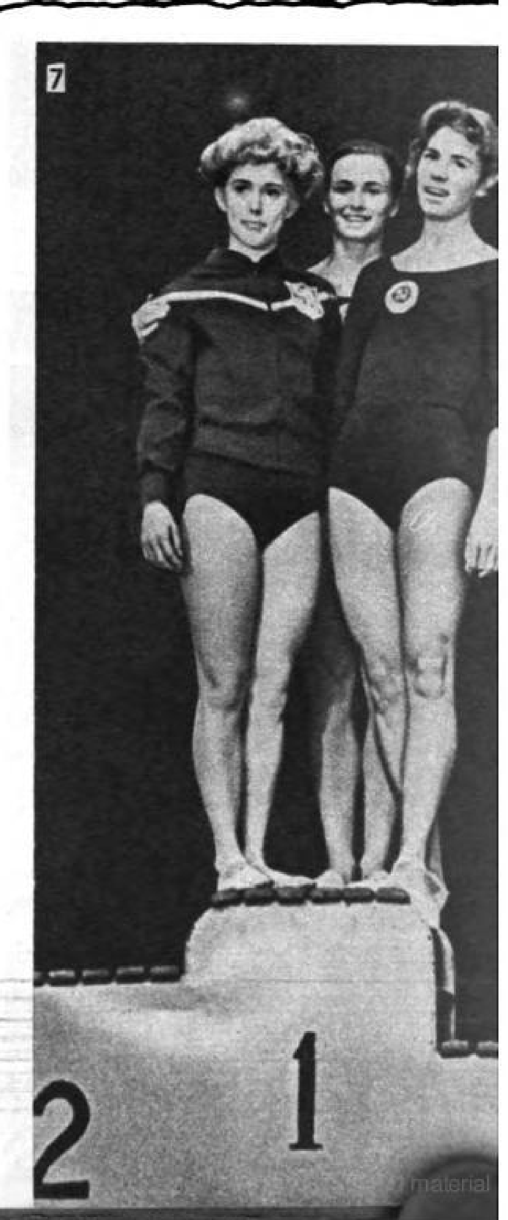

5

МАСТЕРСТВО

6

7

СТАНЦИЯ ИСКУССТ

В. БЕЛЕЦКАЯ

Для обеспечения устойчивых, высоких, неуклонно увеличивающихся урожаев, освобождения сельского хозяйства от вредных воздействий стихийных сил природы, в особенности от засухи... во всех районах страны внедрить... научно обоснованные системы земледелия...

Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза.

Суховей по заказу

— Дайте суховей, — негромко говорит темноволосый молодой человек.

Его помощница нажимает кнопку — и на зеленые побеги сахарной свеклы обрушивается бешеный ветер.

В суховейной камере горшки с растениями стоят на вращающемся круге. А из специального прибора, напоминающего репродуктор, рвутся наружу струи раскаленного сухого воздуха...

Невольно я делаю движение, чтобы остановить этот безжалостный ураган, помочь погибающим растениям.

— Тут суховей остановить легко,— говорит Юрий Георгиевич Молотковский, молодой ученый, проводящий опыт.— Нажал кнопку — и все. А вот когда суховеи кидаются на колхозные поля в Заволжье или на Кубани, когда горячий ветер мешает с песком еще не окрепшие стебельки хлопчатника в Средней Азии, там кнопку не нажмешь. Поэтому мы и работаем над созданием растений, не боящихся ни засухи, ни суховеев, ни других стихийных бедствий.

Он продолжает внимательно наблюдать за стрелками приборов: температура 45°, влажность 25%, скорость ветра 10 метров в секунду.

Едва успевают выключить суховейную установку, как Молотковский вбегает в жару и духоту камеры. Через минуту он выносит оттуда растения.

— Смотрите!

Три погибли. Их листья покрылись ржавыми пятнами ожогов. Но два других живы! Что же дало им силу противостоять засухе?

Давайте заглянем в сложную микроскопическую лабораторию растения. Что губит его?

«Недостаток влаги»,— утверждало большинство ученых. Кандидат биологических наук Ю. Г. Молотковский обратил внимание на другую причину — перегрев.

Под влиянием высокой температуры в растениях начинается быстрый распад белка. Сначала он разлагается на различные аминокислоты, а потом образуется яд — аммиак, который и убивает растение.

Но почему же тогда одни растения лучше переносят жару, а другие хуже? Оказывается, жароустойчивые породы обладают более сильным дыханием.

«Значит, для того, чтобы сделать растение более выносливым, надо помочь ему восстановить нарушенное дыхание, найти какой-то активизатор»,— думал молодой исследователь.

И он нашел его — цинк.

— Растения, которые уцелели во время опыта, были обработаны слабым раствором сернокислого цинка,— говорит Молотковский и смотрит на листики сахарной свеклы, как на друзей, оправдавших доверие, не подкачавших в трудную минуту.

— Проверял я свои опыты в поле, — продолжает рассказывать Юрий Георгиевич, — на засушливых землях колхозов Заволжья и в совхозе в жаркой Киргизии. Везде прибавка урожая сахарной свеклы по сравнению с контрольными участками была на 37—40 процентов...

— А дополнительные расходы на такую обработку?

— В том-то и дело, что почти никаких. Все равно посевы опыляют различными химическими препаратами против насекомых-вредителей. Добавить к ним в определенной пропорции цинк, примерно 120—200 граммов на гектар, — и все. Стоит это копеек 50—70, и растениям хватает на два самых жарких месяца. Цинк также помогает переносить засуху картофелю, томатам, подсолнечнику...

Юрий Георгиевич Молотковский принадлежит уже к третьему поколению ученых, откликнувшихся на призыв К. А. Тимирязева спасать урожаи от жары, засухи, суховеев. Тогда все были потрясены страшными голодовками, которые принесла России засуха. Ужасы голода остались далеко позади, но и теперь борьба за высокие урожаи, не зависящие от стихийных бедствий, продолжается. И сегодня советские ученые, работающие в этой области, посвящают свои открытия XXII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Жизнь при 253 градусах холода

— Если бы несколько лет назад мне сказали, что жизнь может существовать при 253 градусах мороза, я бы не поверил, честное слово, — рассказывает член-корреспондент Академии наук СССР Иван Иванович Туманов.— А если бы кто стал утверждать, что такую низкую температуру могут переносить не бактерии, а высокоорганизованные растения да еще после этого цвести и плодоносить, я бы решил, что имею дело не с ученым, а с неисправимым фантастом...

Признаюсь, мне и сейчас рассказ Туманова кажется почти фантастическим, хотя я твердо знаю, что говорит он это на основании многих экспериментов.

— Сплошь и рядом, — продолжает Иван Иванович, — мы даже не представляем, сколько скрытых резервов заложено в каждом растении. Это для нас тайна за семью печатями.

Уже около тридцати пяти лет занимается И. И. Туманов важнейшей проблемой сельскохозяйственной науки — морозоустойчивостью растений.

Почему растения вымерзают?

Обратимся за показаниями к микроскопу.

Когда растение подвергается резкому воздействию холода, в протоплазме клеток образуется переохлажденная вода, которая быстро замерзает, превращаясь в кристаллики, и как бы разрывает в клетке протоплазму.

Член-корреспондент Академии наук СССР И. И. Туманов и его сотрудники доказали удивительную вещь. Если растение приучать к постепенно возрастающему холоду, закаливать его, то оно может выдержать крайне низкие температуры. Дело в том, что в результате закалки вода успевает выйти из клеток, и образование льда происходит только в межклетниках. Клетки как бы сжимаются, утрамбовываются, и это дает возможность растениям переносить очень сильные морозы.

Иван Иванович Туманов провел поистине фантастический опыт. Куст черной смородины он заморозил до 253 градусов! Потом постепенно оттаял и посадил в землю.

«Выживет ли она? Даст ли новые побеги? Будет ли плодоносить?» — даже постановка этих вопросов казалась невероятной.

На много недель вся лаборатория, казалось, затаила дыхание. Время мчалось, подгоняемое нетерпением ученых. Вот куст принялся, зазеленел, дал первые плоды... И по мере того как опыт переходил из одной стадии к другой, исчезали сомнения в удаче эксперимента.

Виноваты бактерии

Уже давно физиологов всего мира волнует вопрос: почему некоторые породы растений гибнут не только от больших холодов, но даже при самом незначительном похолодании?

Кандидат биологических наук Леонид Александрович Незговоров, работающий на станции искусственного климата, поставил очень простой и в то же время убедительный опыт.

Он посадил огурцы в два со-

НА СНИМКАХ:
Ю. Г. Молотковский внимательно следит за стрелками приборов.

Член-корреспондент АН СССР И. И. Туманов продолжает наблюдение за «космическим» кустом смородины.

«Колесо жизни» — так называют ученые лаборатории изолированных тканей этот прибор. Сейчас над ним работает аспирант Кантонского ботанического института Китайской Академии наук, проходящий практику в Советском Союзе, Хуан Хун-шу.

ВЕННОГО КЛИМАТА

Фото О. Кнорринга.

вершенно одинаковых ящика с землей. Только землю в одном из ящиков предварительно простерилизовал. Подождал, чтобы огурцы взошли, и поставил их в камеру «ранней весны», то есть с температурой в 5—6 градусов тепла.

Прошло некоторое время. Огурцы в простерилизованной почве продолжали нормально расти, а в другом — чуть показавшиеся над землей нежные ростки подвяли, стали болеть и вскоре совсем погибли.

Незговоров тщательно исследовал погибшие растения. И что же? На корешках он нашел грибок из рода питиумов.

— Посмотрите, как выглядит таинственный враг.

Леонид Александрович протягивает мне плоскую прозрачную коробочку, наполненную белой, как вата, плесенью.

Этот-то грибок и набрасывается на ослабленные холодом корни огурцов, вырабатывает яд, который и губит растение.

...Уже созданы и применены во многих колхозах химические препараты, которые убивают в почве вредные для растений бактерии, но оставляют полезные.

Открытие ученых позволит намного раньше производить сев. Особенно это важно для засушливых областей, где ранней весной в земле еще сохраняется влага и прорастающее растение может ее использовать. Ведь подобные грибки угрожают не только огурцам и хлопчатнику, но многим другим теплолюбивым растениям.

Четверть века в пробирке

Лет пятьдесят назад ученым удался изумительный опыт. Если кусочек ткани животного или человека изолировать от организма и поместить на плазму крови в искусственную среду, то ткань продолжает жить.

И самое главное, ее клетки, словно потеряв контроль за своим ростом, начинают усиленно делиться.

«А нельзя ли использовать этот метод для изучения растений?» — задумались ученые.

Сейчас на станции искусственного климата выращивание какого-либо одного органа растения стало почти обычным делом.

...В операционной все блещет чистотой. Сверкают бактерицидные лампы, которые стерилизуют помещение. Операцию проводит кандидат биологических наук Александр Михайлович Смирнов. Пациент, ждущий хирургического вмешательства,— корень люцерны. Он, правда, совершенно здоров, но операцию ему придется перенести во имя науки. Его отделят от растения, поместят в пробирку с раствором, и он будет продолжать расти и питаться без почвы, без света, без микроорганизмов, без наземной части самого растения.

Это кажется почти невероятным, но в лаборатории А. М. Смирнов показывает мне крошечную колбочку, в которой корень люцерны живет уже 1 400 дней.

Сейчас в этой же лаборатории ведутся наблюдения над культурой ткани моркови. История ее так необычна, что ее стоит рассказать.

...В 1937 году французский ученый Готре поселил в пробирку крошечный кусочек моркови. Проходили дни, недели, месяцы, годы, но ткань продолжала жить, дышать, питаться, расти.

Много французских ученых благодаря опыту Готре получили возможность изучать принцип деления клеток и другие физиологические процессы, протекающие в ткани.

Во всем мире у ученых есть замечательное правило: помогать друг другу, делиться своими открытиями.

Так, изолированная ткань моркови попала к польским исследователям, а оттуда эстафета была передана ученым Советского Союза...

Какие же исследования можно проводить, основываясь на новом методе?

— Изолировав корень и поместив его в пробирку,— говорит Александр Михайлович,— мы получили «подопытного», который открывает нам буквально неограниченную возможность экспериментов. На нем можно проверять действие химических удобрений, ростовых веществ, микроэлементов, устойчивость корневой системы различных растений к засолению почв...

Корень представляет собой фабрику, где происходит синтез многих сложнейших веществ. Тут можно найти витамины, алкалоиды, различные антибиотики и другие «лекарства», еще не вырабатываемые нашей химической промышленностью.

Научные сотрудники станции искусственного климата А. М. Смирнов и А. Н. Павлов поставили сейчас еще один интересный эксперимент.

Все животноводы знают, какой ценный, дешевый и питательный продукт кукуруза. Но кормить животных только одним кукурузным силосом не рекомендуется: в белке кукурузы не хватает двух важных аминокислот.

Вот ученые и решили восполнить этот недостаток. Они срезали еще неразвившийся зародыш растения и перенесли его в искусственную среду, где есть все условия для образования в зародыше недостающих аминокислот.

— Конечно,— говорит А. М. Смирнов,— было бы наивно предполагать, что сразу все изменится. Но внешняя среда неуклонно кладет отпечаток на растение. Может быть, нам и удастся создать новый сорт кукурузы, белок которой будет полноценным.

Советский Союз — Индия

Не все знают, что растения, как и люди, тоже поддаются воспитанию. Особенно они восприимчивы, если можно так сказать, в самом раннем детстве. Вот почему-то профессор П. А. Генкель начинает приучать растения переносить стихийные бедствия — засуху и суховей — с самого молодого возраста, с семени.

Павел Александрович проводит такой опыт. Он дает семенам набухнуть, а потом их подсушивает при температуре около 20°. Так, едва проклюнувшиеся семена сразу встречаются с засухой...

Но они не погибают. Оказывается, в обезвоженных семенах происходит глубокая внутренняя перестройка: повышается обмен веществ, становится более вязкой и эластичной протоплазма. Увеличивается всхожесть семян, а главное, выросшим растениям делается не страшна ни засуха, ни суховей.

Открытие ученого шагнуло уже на поля нашей страны и даже за ее пределы. В Чугуевском совхозе Ставрополья получены неплохие результаты: после высушивания семян проса урожай повысился на 5 центнеров с гектара, а ячменя — на 3. В Мичуринске же урожай томатов увеличился почти в 2 раза. В этом году по методу Генкеля в Чехословакии посеяли сахарную свеклу, в Болгарии и Китае — пшеницу, в Индии — рис.

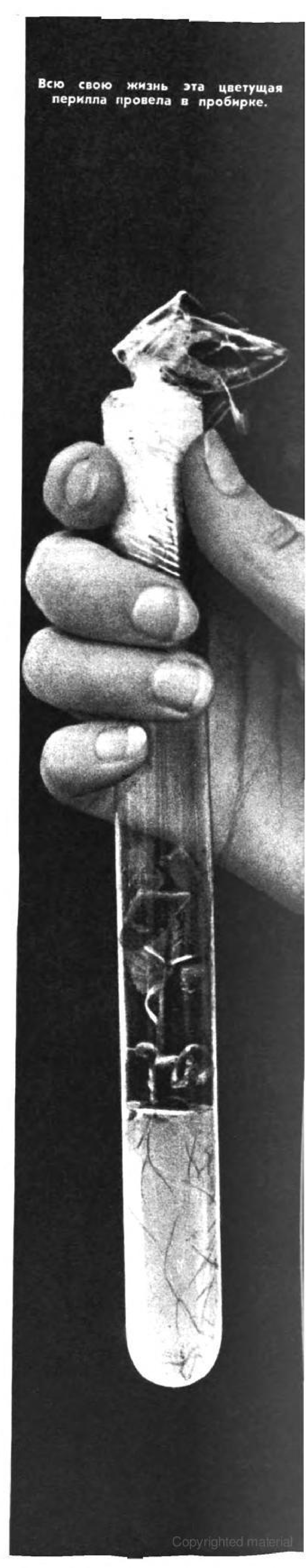
— Но самое интересное то,— говорит П. А. Генкель,— что благоприобретенное свойство растений передается по наследству. Так мы получаем новые сорта сельскохозяйственных культур, не боящиеся стихийных бедствий.

...Я рассказала лишь о немногих исследованиях, которые велись на станции искусственного климата в этот трудовой день жаркого августа.

Незаметно наступил вечер. По Ботанической улице мчались машины с уже зажженными фарами.

Но станция искусственного климата продолжала жить по своим собственным законам. Мощные автоматы «вдыхали» и «выдыхали» тонны воздуха. Воздух, проходя через легкие машин, претерпевал самые различные изменения: увлажнялся и, наоборот, высушивался, подогревался, охлаждался и разбегался по стальным жилам трубопроводов. Воздух вел себя так, как требовал этого человек, сидящий у разноцветных лампочек пульта управления. Это кандидат технических наук И. Р. Фридман перед своим уходом с работы проверял посты команды погодной станции.

Тяжелые лифты опускали растущие растения в темные камеры «глубокой ночи», а для тех растений, которым прописан длительный день вопреки всем законам природы, продолжало светить солнце — ксеноновая лампа, лучше всех других источников света заменяющая растениям наше светило.

Всю свою жизнь эта цветущая перилла провела в пробирке.

АКТЕР, ТЕАТР,

Искусство театра — это летопись нашей жизни. Отобразить в искусстве нашу жизнь — значит создать образ советского человека на каждой ступеньке его восхождения к сегодняшнему и завтрашнему дню.

...Целая эпоха гражданской войны встает вместе с образом Вирииеи. Восторг проснувшегося сознания свободного человека доносит до зрителя артистка вахтанговского театра Алексеева. И солдат революции Павел Суслов навсегда запечатлен Щукиным, так же как Любовь Яровая—Верой Пашенной.

Вспомним Братишку — Ванина, Пеклеванова — Хмелева, Кошкина — Садовского, председателя укома — Андреева... Это образы замечательных большевиков, руководителей революционной борьбы.

Начались годы индустриализации, и на сцене появились Анка — Бабанова, Инга — Глизер, Платон Кречет — Добронравов, Чеснок — Ильинский...

Все дальше и дальше идет жизнь, и мы видим на сцене Сергея Луконина — Соловьева и Огнева — Бабочкина, видим Макара Дубраву — Бучму, Буданцева, сыгранного С. Паповым, Дронова в исполнении Черкасова...

Разве назовешь все образы, вспоминая которые как бы перелистываешь страницы истории! Но перелистываешь не по учебнику, а по человеческим судьбам, исполненным трепетного дыхания жизни.

Спросим себя: какими же вехами наш театр обозначает величие сегодняшнего дня, величие эпохи построения коммунизма? Нашлись ли силы у современного актера, поднялся ли он на уровень того мастерства, которое дало возможность в свое время Щукину создать глубоко человечный образ Ленина и Боголюбову — образ ленинца Шахова? Ведь предела в мастерстве нет! Есть непрекращающиеся поиски, взлеты вдохновения, вызывающие у зрителя любовь к живому и простому, героическому и смелому человеку.

Пожалуй, впервые современный крестьянин 60-х годов, настоящий новый человек на земле, появился на сцене в образе председателя колхоза Ивана Буданцева.

Буданцев в исполнении Папова — человек огромного опыта, олицетворение народной мудрости, самородный талант. Это человек старшего поколения, которому пришлось пройти по непроторенному пути колхозного строительства, воевать против фашизма с оружием в руках и снова поднимать колхоз к жизни после войны. В нем сила и твердость руководителя, душевность и чуткость наставника, нежность семьянина, вечная пытливость одаренного, умного человека, а главное — гордость за свою советскую, новую жизнь. Буданцев, сыгранный Паповым, словно надежный правофланговый, в одном ряду с которым стоят Иван Шадрин и Павел Суслов, Саливан Чеснок, Семен Котко, Василий Теркин... Папов создает поэтический образ председателя колхоза, для него труд на земле — радость и красота жизни.

Образ, созданный Паповым на земле воронежских хлеборобов, стал типическим. В нем узнаем мы прославленных тружеников, «маяков» — Дубовецкого и Короткова, Орловского и Посмитного... Пройдут годы, а Буданцева будут помнить люди, так же как и другого председателя колхоза — Родиона Нечая. Хотя это человек уже нового поколения, новой формации. Ему по плечу огромное хозяйство с его сложной техникой и агрикультурой. Государственный деятель, человек труда и глубокой мысли: для него интересы колхоза неотделимы от интересов завода и научно-исследовательского института. Творчество — вот главная, может быть, черта в облике Нечая, каким показывает его артист Виктор Добровольский на сцене театра имени Франко в спектакле А. Корнейчука «Над Днепром».

Правдивость и красота этого сценического образа — в человеческой сложности, в преодолении жизненных противоречий. Как и Буданцев, Нечай тоже не припомаженный герой, а живой человек, с его увлечениями, силой и слабостью, с собственным мнением, с какими-то неизбежными иногда просчетами, с нескладывающейся личной жизнью. Но для него — всегда и во всем — нет превыше закона, душевного, сердечного, нравственного, чем закон партии, интересы народа.

По законам сердца, законам коммунистической морали живут и совсем молодые герои: рабочий Сергей Серегин — герой «Иркутской истории», Павлина Хуторная — стряпуха тракторной бригады... Это молодые наши современники. В их облике угадываются и революционные традиции старшего поколения и черты нового, сегодняшнего: уверенное достоинство, гордость за свою страну, за самих себя.

Сергея Серегина в спектакле Театра имени Вахтангова играет Михаил Ульянов. Играет так, что невозможно представить Сергея иным. Он скромен и прост. Присущая ему мягкость не лишает его героичности, возвышенной романтики и лиризма. Он замечательный товарищ и требовательный руководитель. И в то же время он простой, немножко неловкий, горячо и искренне влюбленный парень.

Плохо, когда современного положительного героя наделяют всем, кроме личного духовного мира. Он и план выполняет, и опыт передает, и конфликты умело разбирает, и на руководящую работу выдвигается... Но ничего в нем нет своего, яркого. Нет примет характера, горячего внутреннего увлечения. Короче, нет того, что делает человека личностью.

Ульянова не забудешь потому, что он создает не просто типичную для нашего времени личность,— он создает образ комму-

НА СНИМКАХ
(слева направо):

В спектакле Театра имени Евг. Вахтангова «Иркутская история» Сергея играет М. Ульянов.

Театр имени Моссовета.
Сцена из спектакля «Летом небо высокое». В центре Беркутов— Р. Плятт.

Ленинградский драматический театр имени Пушкина. Сцена из спектакля «Все остается людям».
Наталья Дмитриевна — Г. Инютина.
Академик Дронов — Н. Черкасов.

С. Папов в роли Ивана Буданцева. Спектакль Воронежского театра драмы.

Киевский украинский драматический театр имени Ивана Франко.
Сцена из спектакля «Над Днепром».
Гурий Струна — В. Дашенко.
Родион Нечай — В. Добровольский.

Сцена из спектакля Центрального театра Советской Армии «Океан».
Куклин — Д. Сагал.
Платонов — А. Попов.

Вл. ПИМЕНОВ

Фото И. Ефимова, Е. Умнова, М. Чернова и Фотохроники ТАСС.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ниста. Лучшее в Серегине как раз и есть его коммунистическая душа, его сердечное отношение ко всему на свете: и к самому себе, и к своим товарищам, и к общему делу. Но общественный долг у Сергея Серегина не отделен от личного счастья. В том-то и дело, что он — коммунист — борется и за счастье людей и за свое человеческое счастье.

Быть таким, как Сергей, захотят многие. Рабочая молодежь в Серегине Ульянова узнает не только о своих вожаках, но узнает что-то и о себе и при этом будет внутренне гордиться собою. Потому что быть коммунистом — это видеть всегда лучшее и быть сильным для борьбы с худшим...

...Высокая, чуть сгорбленная фигура Ростислава Плятта. Острый взгляд, сердитые, отрывистые фразы. Профессор Беркутов. Однако нетерпеливые жесты занятого человека подчеркивают не старческую раздраженность, а происходящий внутри него напряженный рабочий процесс — процесс научного творчества.

Вдруг вам покажется, что старик стал совсем нетерпимым брюзгой, лишенным человечности и вовсе оторванным от жизни. Но это совсем не так! Подождите, он постепенно раскроется перед вами как человек самый передовой, самый интересный, самый симпатичный. При том же он ничего общего не имеет с теми чудаковатыми учеными, которых уже немало ходило по нашей сцене.

Беркутов — Плятт продолжает замечательную традицию, начатую в советском театре образом Полежаева, но создает свою самобытную индивидуальность, свой характер. Пусть этот характер формировался в прошлом и ему свойственны поэтому и неустойчивость, и индивидуализм, замкнутость открывателя. Но он впитал в себя и новое. Ему присуще понятие о науке как о народном достоянии! Во имя народа и творит ученый. В Театре имени Моссовета появился запоминающийся образ старика с молодой душой, героя-современника.

...Не удивительно, что ученым за последние годы на сцене «везет». В такую эпоху мы живем, когда советские ученые преобразуют мир, помогают своим трудом строительству коммунистического общества.

Очень хорош Николай Черкасов в образе академика Дронова в спектакле «Все остается людям».

Черкасов, играя Дронова в Ленинградском театре имени Пушкина, увидел черты своего героя больше в жизни, чем в пьесе. Ученый Дронов пришел в науку из жизни, его формировала для науки революция. Он участник гражданской войны, рабфаковец, общественный деятель и продолжатель великих начинаний русских ученых... Уже по тому, как обращается академик Дронов с окружающими его людьми, по сохранившимся на всю жизнь ухваткам простого человека, по непосредственности суждений виден современный нам герой. Он интересно продолжает линию Платона Кречета, человека, пришедшего в науку через огромный опыт жизни и практики.

Герой Черкасова хорошо понимает всю сложность жизни. Он продолжает дело жизни, им же самим добытой в боях, продолжает так, чтобы память героев, сложивших свои головы за родину и революцию, была прославлена сегодня, в наши замечательные шестидесятые годы.

Дронов отдает людям не только свои знания и открытия: он отдает им сердце, воспитывая свою смену — надежных продолжателей науки. Он внимательно вглядывается в каждого из своих учеников; в одних он видит свою надежду, свое будущее, в других — конъюнктурщиков. Лучшим он передает свое сокровенное, от случайных людей же отворачивается. Он презирает их.

В трактовке Черкасова самая смерть Дронова как бы символизирует неумирающую мысль ученого: ученики берут эстафету из рук учителя. Дронов — наш современник, человек больших страстей и высокой ответственности перед народом, таким и остается на все будущие годы, блестяще запечатленный талантом Черкасова.

И вот еще один герой современности. Он стоит на капитанском мостике боевого корабля, большой, с виду суровый человек. Он ведет свой корабль в океан. Там, за океаном, другие страны. И он, советский человек, должен быть для всех таким, чтобы в нем люди всюду видели, любили и уважали его страну.

Капитан Платонов в «Океане» — молодой капитан: ему 30 лет. Это зрелый и умный командир.

Талантливый артист А. Попов создал в спектакле, идущем на сцене Театра Советской Армии, образ человека сильного характера, но приглядитесь к нему: Платонов поэт в душе!.. В каждом деле есть своя поэзия, и, может быть, больше, чем где бы то ни было, она есть в морской службе. Для Попова — Платонова море — безграничный источник чувств, оно и друг и недруг, с ним всегда надо быть начеку. С морем сладят только люди, сильные духом, с крепкими нервами, — значит, надо воспитывать таких людей. В море надо быть не только смелым, но и решительным, надо уметь брать на себя ответственность во всех случаях жизни.

Законы товарищества на советском корабле нерушимы. Капитан, как старший, должен уметь направлять волю и чувства своих подчиненных на высокое и великое дело служения Родине. И если не быть таким, — может быть, даже излишне твердым, каким иногда кажется Платонов, — то слабые и неустойчивые души не найдут себе опоры: они не получат примера стойкости, которая для моряка закон — и государственный, и нравственный, и сердечный.

Платонов, какого показывает Попов, — человек крупного масштаба, высокообразованный офицер, коммунист. Честь советского человека — высшее мерило его поведения. Он суров, но его все любят, он требователен, но никто не обижается на него, резок, но все чувствуют справедливость его слов...

Можно было бы назвать еще ряд актеров, с большим мастерством сыгравших роли в спектаклях о наших современниках. Иногда, с восхищением вспоминая сценические образы, созданные, скажем, в двадцатые и тридцатые годы, мы подчас не замечаем художественных актерских достоинств современных актерских работ. Но взгляните на образы современников, и вы почувствуете, какие крупные художественные обобщения создает сегодняшнее театральное искусство, которое вместе со всем народом подводит итоги своей работы перед XXII съездом партии.

На нашей советской сцене есть такие крупные герои современности, прототипы которых будут делегатами и гостями съезда.

В образах, созданных актерами, мы узнаем живых людей, чьими силами, чьим опытом возведена основа для перехода нашей страны в высшую фазу развития общества — коммунизм.

Новый театральный сезон будет еще богаче по успехам, еще ярче по образам современников, чем сезон прошедший, ибо он будет проходить в год великого съезда.

НАЧАЛО ЖИЗНИ

Эти девушки начали самостоятельную трудовую жизнь, когда был построен гобеленовый цех Дарницкого шелкового комбината. Они пришли сюда из 29-й киевской школы.

— А помнишь, как мы и смотреть-то на станок боялись? — спрашивает Нина Людвиченко (на снимке слева) свою подругу Ларису Данько.

— Как же не помнить,— смеется Лариса.

Теперь над прошлыми страхами можно и посмеяться. По производительности труда Лариса уже выполнила семилетку. Только на 1967 год планировалось изготовлять за смену по 1,8 метра ткани на таком станке, а она уже сейчас в честь XXII съезда партии изготовляет иногда по 2,1 метра!

ВОКРУГ НАС

Лариса Данько разработала собственный метод обслуживания станков и внесла другие новшества в производство. Ее выступление на «вечере новаторов» запомнилось многим.

Б. БАБАНОВА
Фото автора.

СТРОИТ КОМБАЙН

На юго-западе Ташкента раскинулся новый жилой массив — Чиланзар. Это такое место, где можно увидеть, как строят дома из кирпича, как их собирают из крупных железобетонных панелей. Словом, мирное сосуществование двух совершенно различных методов. Новый, разумеется, постепенно вытесняет старину. Но как бы они ни были различны, их все же роднит одно: и кирпич и панели везут на стройку издалека, с заводов.

А есть и совершенно новый путь в домостроении. Мы в гостях у архитектора И. А. Мерпорта, который руководит сектором жилища в Ташкентском институте по строительству Академии строительства и архитектуры СССР. На столе у Мерпорта модель необычного сооружения. Что это?

Вообразите такую картину: по ровной площадке, медленно перебирая гигантскими лапами, движется фантастический агрегат. Позади себя он оставляет готовые четырехэтажные дома. Это домостроительный шагающий комбайн. Состоит он из пяти секций. В четырех из них получают монолитную часть будущего здания. На комбайне этот элемент дома — весит он до 43 тонн — лежит плашмя. По рольгангу его подают на поворотное устройство. Команда с пульта управления — и поворотный механизм медленно ставит монолит «на попа» — на фундамент.

Дом растет быстро. На изготовление и установку одного элемента уходит семь часов. За год комбайн даст около тридцати многоквартирных домов — 35—40 тысяч квадратных метров жилья. Этот метод, никогда доселе не применявшийся в строительстве, сулит огромные выгоды.

Проект самодвижущегося завода, который изготовляет сборные элементы и тут же монтирует их, создали архитекторы В. Коломенский, В. Махмудов, Г. Урманова, инженеры Я. Арадовский, Р. Тер-Осипянц, В. Ржевский. Все работы велись на общественных началах, в свободное время. Возглавлял группу энтузиастов И. Мерпорт.

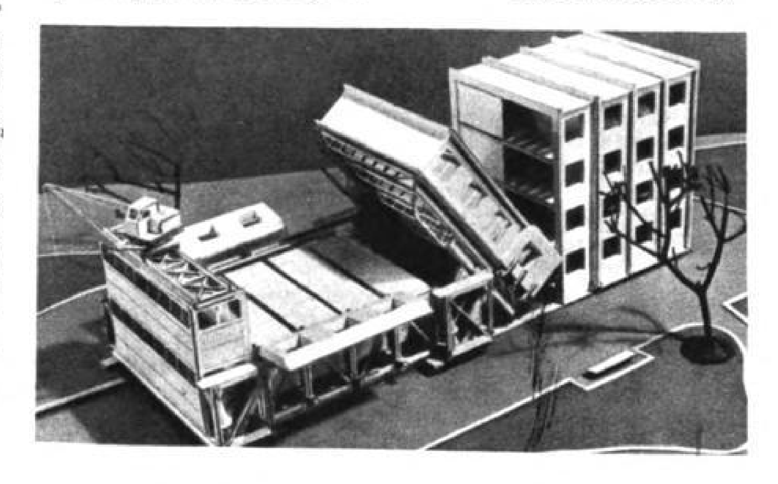
Уже получены первые оценки проекта от специалистов. Вот мнение члена-корреспондента Академии строительства и архитектуры СССР М. С. Булатова: «Это настоящая революция в строительстве».

Когда же новая фабрика квартир начнет действовать? Это зависит от организаций, которые должны рассмотреть и утвердить проект ташкентских инженеров и архитекторов. Во всяком случае, совнархозу Узбекской ССР вполне под силу создать подобное сооружение.

Л. ТОПОРКОВ,
А. АУЛОВ

Так вскоре будут строиться дома.

Фото М. Харькова.

НА АРАГВИНСКОЙ И НА МЯЭКАЛДА

Улочка Мяэкалда, тихая, очень красивая, втиснулась между склоном холма и аллеей старого парка и спряталась так, что не каждый таллинец сразу сумеет найти ее. Здесь вокруг каждого дома маленькие сады. Зелени так много, что все знакомые Карин Венде с завистью говорят ей:

— Ты живешь совсем как в деревне!

— Конечно,— откликается Карин,— воздух, тишина, парк! И вот еще что.— И тут Карин распахивает дверь на балкон.

А на балконе тоже сад. Главные «куртины» его — в большом, облицованном керамикой ящике. На дне ящика земля, которую Карин смешивает по всем правилам садоводческого искусства. На земле лежат камушки, принесенные с берега Финского залива, что плещется совсем недалеко за окнами, и привезенные издалека — с крымского золотого пляжа, из Китая, с берегов озера Балатон, из каменистых ущелий Кавказа. Путешествия — страсть Карин, и отовсюду она привозит декоративные мхи, альпийские цветы. В горшках, высоких и низких, круглых и плоских, зеленеют причудливые кактусы. Одни колючи, как ежи, другие прямы, как свечи, третьи похожи на утыканные иглами лепешки, а четвертые вырываются из горшков каскадом тоненьких стебельков. Высокая сочная агава на балконе Карин чувствует себя нисколько не хуже, чем под солнцем Мексики. Среди пятидесяти разных видов растений тут есть и настоящее чудо природы: в керамической ванночке собирается зацвести... камень, покрытый мелкими листьями. Камень этот вывезен из «страны чудес» — из Китая, и мудреного названия его не знает даже искушенная в цветоводстве Карин.

— Здесь я живу много лет,— рассказывает Карин,— но развести сад на балконе мне и в голову не приходило: ведь кругом так много садов! Но однажды в Грузии, в Мцхете, я побывала на Арагвинской улице в маленьком саду М. А. Мамулашвили. Это очень красивый сад, и тогда-то я тоже решила развести цветы у себя дома.

Карин Венде знают многие таллинцы: она заведует магазином художественных изделий на улице Виру. В этом магазине с большим вкусом украшены витрины, полки, и здесь всегда цветы: то одно, то другое растение переезжает с балкона Карин на окна магазина.

Н. СЕРГЕЕВА

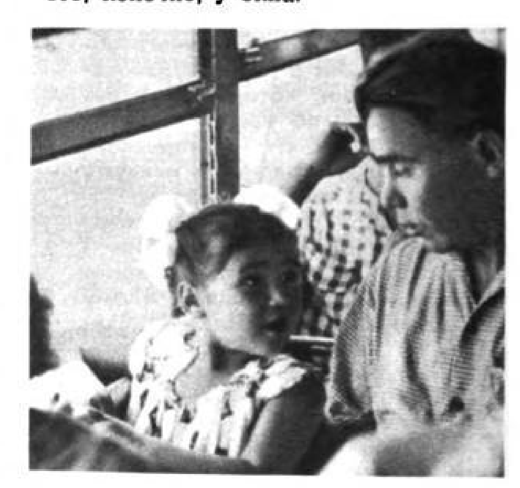
Это Алия Манасбаева — маленькая жительница Алма-Аты.

Живет на свете девочка

Каждое утро ей нужно не опоздать в детский сад. И, как нарочно, светофор загорается красным светом.

После работы папа обещал погулять с Алией по городу. Лучшее место, конечно, у окна.

Чтобы покататься на карусели, надо постоять в очереди. Время идет долго-долго...

— Меня зовут Алия, мне 6 лет.

Вот он, фонтан!

Фото Д. Ухтомского.

Артур МИЛЛЕР

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

НЕПРИКАЯННЫЕ

Глава одиннадцатая

Небо озарено первыми лучами рассвета. В кузове грузовика Пирс перекачивает бензин из бочки в самолет. Гвидо стоит на крыле самолета. Он держит шланг и время от времени заглядывает в бак.

Гай идет к занесенному песком холмику. Он нагибается, находит там что-то и тянет: это брезент, под которым лежит десяток автомобильных шин. Гвидо кричит с крыла самолета, подняв руку и заглядывая в бак:

— Довольно, хватит!

Гай зовет Пирса:

— Давай сюда, Пирс! Подсоби!

Пирс соскакивает с грузовика, садится за руль и задним ходом подводит машину к груде шин. Гвидо слезает с крыла самолета, достает из открытой кабины дробовой пистолет и заряжает его патронами из жестяной коробки.

Розалин скатывает и увязывает постели; заметив в руках у Гвидо пистолет, она на секунду замирает, потом продолжает прерванную работу. К ней подходит собака. Розалин ей улыбается, с некоторой робостью протягивает руку и гладит ее.

— Она больше не кусается, Гай! — радостно кричит она.

Тем временем Гай с помощью Пирса поднимает шины в кузов грузовика. Улыбаясь, он поворачивается к ней.

— По утрам вообще все выглядит по-другому.

— Опять этот проклятый автомобильный бензин! Ладно, давай еще!

Новый рывок. Мотор дымит, кашляет и вдруг с неожиданной решимостью начинает реветь. Гвидо пристегивается ремнями, кладет пистолет на колени и, помахав рукой, выруливает на старт. Самолет удаляется, набирает скорость, отрывается от земли. Вон он делает разворот, возвращается, с ревом проносится над головами оставшихся и уходит по направлению к горам. Они провожают его глазами.

Струя выхлопного газа заставила всех троих зажмуриться. Первым трогается с места Гай; на миг его глаза останавливаются на Пирсе и Розалин. Они чувствуют на себе его взгляд. Без всякой причины им кажется, что он от них отдалился; Гай улыбается.

Гай. Ну, поехали.

Он поворачивается и идет к грузовику, Пирс и Розалин следуют за ним.

Гвидо поднимает на лоб очки и смотрит вверх, в ясное синее небо. Губы его шевелятся, будто в молитве. Снова опустив очки, он смотрит вниз. Вот под самолетом пронесся горный хребет. Резко вырисовываются контуры отвесных склонов и глубоких, безлюдных, полузатянутых тенью ущелий; там и сям — травянистые лужайки. Глазам открывается скрытый, таинственный мир. Самолет летит над самым хребтом, сворачивая в ущелья, летчик внимательно разглядывает их через открытый борт кабины.

Вдруг он резко поворачивает голову, мгновенно берет на себя рукоятку, и самолет круто взмывает вверх. Гвидо кладет машину в крен и делает разворот; машину потряхивает в воздушных ямах. Он смотрит на приборы и правой рукой хватает пистолет. Взглянув по сторонам, чтобы сориентироваться, он отжимает рукоятку вперед и идет в пике.

— Наверно, правительственная. Можно сказать, ничья. Давай-ка, Пирс, снимем бочку.

Гай идет к машине, вскакивает в кузов и начинает отвязывать бочку с бензином. Стоя рядом на земле, Пирс помогает сдвинуть бочку к самому краю машины. Гай прыгает на землю, они сгружают бочку и откатывают ее в сторону. Розалин смотрит, как они работают, потом подходит и заглядывает в кабину. На полу ее дрожит собака. Розалин опасливо протягивает к ней руку.

Гай подходит к одной из шин, вынимает лассо, свернутое кольцом, крутит его над головой и делает пробный бросок.

Видя, что он занят своим делом, Пирс идет к кабине и тоже в нее заглядывает. Розалин прижалась лицом к морде собаки. Потом она протягивает руку к зеркалу водителя, повертывает его, чтобы поглядеться, замечает Пирса и улыбается.

Он предостерегающе замечает:

— Я бы вел себя с Гаем поосторожнее. Пока мы здесь, в горах.

Рядом с ним вырастает Гай.

— Мне нужен бинокль.

Пирс отходит в сторону. Гай протискивается в кабину, почти не глядя на Розалин. Она стряхивает пыль с волос, смотрясь в зеркало водителя. Он шарит за сиденьем и вытаскивает большой бинокль в футляре. Теперь он глядит на нее, улыбается, но в глазах у него все еще неуверенность, он вынимает бинокль из футляра и подносит к глазам. Пирс наблюдает за ним. Гай долго вглядывается в горный проход.

Розалин делает шаг к Гаю и спрашивает с наигранной веселостью:

— Что ты там видишь?

Гай кладет бинокль на одну из шин в кузове.

— Лезь наверх, устраивайся поудобнее.

— У меня все готово, Гай! — кричит из самолета Гвидо.

Он вынимает рваную куртку военного летчика; сквозь дырки в коже торчат клочья овечьей шерсти. Гвидо идет к одному крылу самолета, Гай — к другому, и они отвязывают машину. Пирс освобождает хвост. Розалин подходит и смотрит, Пирс становится рядом. Гай и Гвидо идут к кабине.

Гай. Куда его повернуть?

Гвидо смотрит на облака, поднимая ладонь, чтобы определить направление ветра.

— Вон туда, — показывает он.

Гай идет к хвосту, берется за него и разворачивает самолет против ветра. Потом он обходит самолет и останавливается у пропеллера. Гвидо собирается залезть в кабину.

Розалин хочет разрядить все еще напряженную атмосферу; она весело кричит Гвидо:

— Ну и куртка! Не продувает?

Гвидо. Эту штуку я надевал во время боевых вылетов. Не отдам и за сто долларов... ни одна пуля ее не берет...— Под общий смех он садится в кабину и говорит Розалин: — Хорошо, что ты решила остаться с нами. Век не увидишь ничего подобного.

Розалин. Смотри, будь осторожнее!

Гвидо молча благодарит ее за теплое слово.

— Готово, дружище, крути-верти! Винт! Гай оглядывается, не помешает ли ему что-нибудь отскочить, когда винт придет в движение, потом берется за лопасть и крутит пропеллер. Гвидо надвигает на глаза защитные очки.

Гвидо. Винт! Больше темперамента! — Все смеются. Гай ставит пропеллер в горизонтальное положение и делает рывок вниз, но мотор не заводится.— Еще разок! Да с молитвой!

Гай старательно берется за пропеллер, делает рывок. Мотор чихает и тут же глохнет.

Табун быстро приближается. Животные пускаются вскачь вдоль стены ущелья. Гвидо выравнивает самолет, и он с ревом проносится над лошадьми, почти касаясь стен ущелья крыльями. Гвидо берет ручку на себя, и машина поднимается; пролетая над стадом, он опускает дуло пистолета и стреляет. Услышав выстрел, кони мчатся еще быстрее. Гвидо переводит дух, он ощущает каждой жилкой дрожь набирающей скорость машины. Вздохнув всей грудью, он летит ввысь, круто разворачивает самолет и, поравнявшись с табуном, снова пикирует вниз.

Подпрыгивая на кочках, грузовик едет по поросшей полынью степи; но вот он миновал черту, где кончается всякая растительность и начинается дно доисторического озера. Впереди белеет глинистая, совершенно голая, плоская, как стол, белая поверхность. Машина останавливается возле небольшого пригорка у самого края высохшего озера.

Из кабины вылезает Пирс; он оглядывается по сторонам. За ним появляется Розалин. С другой стороны машины подходит Гай; они смотрят на высохшее озеро. Стоит мертвая тишина. В воздухе ни ветерка.

Розалин. Это... как во сне.

Обрамленное горными отрогами, высохшее озеро растянулось миль на двадцать пять в ширину, а в длину у него, кажется, нет ни конца, ни края. На его гладкой поверхности не видно ни камушка, ни травинки, лишь раскаленный воздух дрожит и переливается над ним. Вдали белая гладь сверкает, как лед.

Пирс. Я как-то видел луну на картинке. Выглядит, совсем как это озеро.

Гай. Он пригонит лошадей из того ущелья.

Розалин и Пирс смотрят на горный проход, открывающийся в какой-нибудь миле отсюда.

— А чья это земля?

Придется немного подождать.

Он ее подсаживает. Она забирается в кузов. Он поднимается за ней и садится на груду шин, положенных одна на другую; ноги его свисают наружу, туловище ушло вовнутрь по самые подмышки.

Гай. Садись, как я. Очень удобно.

Она следует его примеру. В кузов поднимается Пирс.

Розалин. В самом деле, удобно. Попробуй, Пирс.

Пирс устраивается, как они. Все трое молчат. Гай снова подносит к глазам бинокль.

— Ты отлично выглядишь сегодня, золотко,— поворачивается он к Розалин.— Может, съездим сегодня в Рено, потанцуем? Ладно?

— Ладно.

— Мне бы надо было захватить твой зонтик, да я позабыл.

— Ничего. Сегодня не слишком печет.

Чувствуя его тревогу, она протягивает руку и касается его колена. Потом, отняв руку, смотрит на высохшее озеро.

Гай молча изучает ее профиль. Он отлично чувствует, что она стала к нему холоднее. Повернувшись, он смотрит на Пирса, который сидит по другую сторону. Тот не сводит взгляда с горного прохода, явно поглощенный своими мыслями.

С минуту Гай смотрит прямо перед собой невидящим взглядом, потом говорит Розалин:

— Вчера вечером забыл тебе кое-что сказать.— Она сразу настораживается.— Ковбои часто пасут там, на горных пастбищах, коров, и, когда им попадаются мустанги, они просто подстреливают их и оставляют на съедение стервятникам. Мустанги-то ведь поедают лучшую траву.

Она кивает, но он чувствует, что ему не удалось побороть ее отчужденность, и обращается к Пирсу:

— Ты ведь тоже это знаешь, Пирс?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 31—35.

— А? Да, конечно, знаю.
— Отчего же ты молчишь?
— Я же говорю.
Гай поднимает бинокль.
— Это просто дикие лошади; бродят тут, как неприкаянные, вот и все, золотко.— Он разглядывает в бинокль ущелье. Опустив бинокль, снова поворачивается к Розалин с потеплевшими от воспоминаний глазами.— Эх, поглядела бы ты на эти места в былое время! — Он протягивает руку к ущелью.— Они тучей мчались из этих ущелий — табуны по триста, четыреста, пятьсот голов. А мы строили здесь огромный загон и гнали их прямо туда. Ну и красивые же попадались животные! Чудных мы тогда объезжали верховых лошадей!
На мгновение перед ней возникают картины прошлого.
— Вот, наверно, было замечательно!
— Лучшей жизни и не придумаешь.
— Жаль, что меня здесь не было... тогда.
Пирс. По-моему, я что-то слышу.
Гай. Что?
Пирс. Тук, тук, тук, тук...
Гай. Это мои часы.
Розалин. Ну и тишина здесь! Слышно, как полынь растет.— Она усмехается.
Гай устраивается поудобнее и с шумом вздыхает:
— Да-а!
Откидывается назад и закрывает глаза. У Пирса и Розалин пробуждается против него какое-то безотчетное чувство. Они обмениваются взглядом: и он и она смотрят сейчас на Гая одними глазами.
Пирс. По-моему, я что-то слышу!
Гай прислушивается. Смотрит в бинокль, ничего не видит и снова его откладывает.
Гай. Что?
Пирс. Вроде мотор стучит.
Они прислушиваются.
Гай. Где?
Пирс, махнув ладонью в сторону горного прохода.— Где-то там!
Гай, прислушавшись.— Слишком рано. Он еще не мог попасть в ущелье.
Розалин. Подождите.— Она прислушивается.— Я тоже слышу!
Гай напрягает слух. Он ничего не слышит, и это его раздражает.
— Ничего подобного... У вас просто кровь в ушах стучит.
Розалин. Тс-с...
Гай следит за ней. Пирс тоже напрягает слух.
Гай. Слух у меня всегда был, дай бог всякому, так что нечего вам...
Пирс вдруг указывает вдаль; выбравшись из своего углубления, он примостился на краю верхней шины.
— А это не он?
Все трое смотрят в далекое небо. Стараясь разглядеть самолет, Розалин и Гай тоже выкарабкиваются и усаживаются повыше, на края шин.
Розалин вдруг кричит, протянув руку:
— Вижу! Там! Гай, смотри!
Самолюбие Гая уязвлено, он всматривается в горизонт, потом нехотя подносит бинокль к глазам. Гай видит горы; из ущелья вылетает самолет, даже в бинокль он выглядит совсем крошечным. Гай опускает бинокль и моргает.
— Никогда еще ему не удавалось так быстро обернуться. Я бы увидел, да не ждал, что он так скоро появится.
Пирс. Я заметил, как блеснуло на солнце крыло. Блеснуло, как молния.
Гай готов удовлетвориться этим извинением.
Издалека доносится выстрел.
Розалин. Что это?
Гай. Он стреляет.
Розалин, как завороженная, со все возрастающим страхом смотрит на ущелье. Пирс встревоженно поглядывает то на нее, то на горы. Солнце начинает припекать, и лица у них покрываются испариной.
Гай. Я сиживал здесь по два-три часа, прежде чем он появлялся. Вот почему я его не сразу и заметил.— Все же он одобрительно кивает Пирсу.— Но глаза у тебя, дружище, завидные.— Он снова берется за бинокль. Молчание. Они смотрят на ущелье. Солнце поднимается все выше; над раскаленной почвой повисло марево, оно дрожит вокруг, как поверхность прозрачного озера. Вдруг Гай выпрямляется.— Вот они. Одна... две... три... четыре... пять... шесть. Наверно, Гвидо повернет сейчас за остальными.
Пирс. Дай-ка взглянуть.
Гай передает Пирсу бинокль.
— Остальных еще не видно?
— Нет. Их всего шесть. И жеребенок.
Розалин вздрагивает; она меняет положение руки, чтобы дать какой-то выход нервному напряжению.
Даже не глядя на Розалин, Гай чувствует ее волнение и переспрашивает Пирса:
— Ты уверен?
— Да. Совсем молоденький, с весны.
Не сводя глаз с ущелья, Гай спиной чувствует, как замерла Розалин.
Пирс продолжает глядеть в бинокль.
— Ну да, жеребенок.— Он опускает бинокль и смотрит Гаю в лицо. Голосом, в котором еще нет прямого осуждения, но слышится вопрос: что теперь делать? — он решительно заявляет: — Это жеребенок, Гай.
Гай встревожен, он, не глядя, берет у Пирса бинокль. Пирс снова поворачивается к ущелью. Розалин так внимательно изучает профиль Гая, будто ее представление о нем меняется с каждой минутой. Гай опускает бинокль, поворачивается и смотрит ей прямо в глаза.
— Может, взглянешь? — Он не хочет подчиниться ее приговору.
Он протягивает ей бинокль. Она колеблется, потом подносит его к глазам. Находит табун; лошади скачут, вытянувшись в цепочку; позади всех жеребенок, его морда почти касается хвоста матери. На них снова пикирует самолет, они вскидывают головы и скачут еще быстрее. Изображение в бинокле дрожит — это дрожат руки Розалин; вот оно беспорядочно мелькает, а потом его уже нет совсем — ее руки бессильно упали. Она сидит, как слепая.
Гай встает и снова подносит к глазам бинокль. Она протирает глаза. Опять выстрел. Она широко открывает глаза. Пирс и Гай безотрывно глядят вдаль. Она поднимается на ноги и соскакивает с грузовика. Пирс провожает ее взглядом.
— Может, в кабине не так жарко,— чуть слышно произносит Розалин. Она забирается в кабину.
Гай и Пирс остаются в кузове, они снова садятся на шины. Гаю достаточно одного взгляда, чтобы заметить смятение Пирса.
— Ничего. Успокоится.
Пирс и не пытается отвечать. Перед ним неожиданно встал выбор, к которому он совсем не подготовлен. Движения у них обоих становятся менее напряженными.
Пирс. Ты, кажется, говорил, их пятнадцать. А тут всего шесть.
— Наверно, несколько штук отбилось. Это бывает.
— Стоит ли мараться из-за шести?
— Шесть так шесть. Лучше, чем гнуть спину ради жалованья, а? — Пирс не отвечает.— Я спрашиваю, лучше, чем гнуть спину ради жалованья, а?
— Что угодно лучше, чем гнуть спину,— не очень уверенно отвечает Пирс, разглядывая свои подошвы.
Они сидят молча. Гай закидывает ногу на ногу.
— Знаешь что, Пирс? Мы их тут почти совсем истребили, но если хочешь зашибить настоящие деньги, есть одно место милях в ста к северо-востоку — гора Сайбон. В те места я еще ни разу не забирался: чертовски трудно их оттуда выкуривать. Иначе как верхом туда не попадешь. Зато, я думаю, на Сайбоне осталось еще голов пятьсот. А то и больше.— Пирс молча уставился на ущелье.— Вот это уже деньги. Ты бы мог купить породистый скот, даже грузовичок. Вот бы пофорсил на родео!
Пирс не может смотреть ему в глаза.
— Не знаю, Гай,— отвечает он каким-то притихшим голосом.— По правде говоря, и насчет родео тоже теперь уж не знаю.
— Ну, дружище, вижу, у тебя спина сама гнется, ищет хозяина.
— Эх, и до чего же обидно, что мой старик помер! Такой фермы, как наша, ты, ей-богу, не видывал!
— Слушай, парень, когда тебе надоест себя жалеть, придется браться за настоящее мужское дело. А таких дел в Америке не так уж много осталось.
Бешеное рычание собаки и крик Розалин заставляют обоих вскочить на ноги. Они спрыгивают с грузовика; испуганно пятясь, из кабины появляется Розалин. Гай бросается к кабине: оскалив зубы, рычит на сиденье собака.
Розалин. Она так дрожала, вот я и...
Гай протягивает руку в кабину и выбрасывает оттуда собаку. Поджав хвост, она ползет к нему на брюхе. Он шарит за сиденьем, вытаскивает веревку и привязывает собаку за ошейник к бамперу. Собака заползает под машину и укладывается в тень. Гай подходит к дрожащей Розалин, обнимает ее рукой за плечи.
Розалин умоляюще смотрит ему в лицо, чтобы он как-то успокоил собаку.
— Она до смерти напугана, Гай!
— Ну что ж, бывает, что и собаку приходится гладить против шерсти.
Его голос сливается со звуком близкого выстрела. Он поднимает голову и идет к грузовику, продолжая разговаривать с ней через плечо. В нескольких шагах от них Пирс поворачивается к приближающемуся самолету.
Гай. Ничего, золотко, потерпи маленько!
Гай достает из-под сиденья два железных костыля и кувалду с короткой рукояткой. Он бросает быстрый взгляд на самолет, который снова пикирует. Самолет совсем близко; уже можно различить вмятины на крыльях. Лошади мчатся во всю прыть по степи, кое-где поросшей полынью, приближаясь к обнаженному белому дну высохшего озера.
Гай, весь поглощенный делом, проходит мимо Пирса, который не сводит глаз с Розалин. Ее взгляд прикован к скачущим лошадям.
— Помоги-ка, Пирс.
Взгляд Пирса стал каким-то задумчивым, как бы обращенным в себя, но он послушно следует за Гаем; тот передает ему костыль. Пирс придерживает костыль, Гай заколачивает его в землю и привязывает к нему веревку; отсчитав несколько шагов, он вбивает в землю второй костыль и тоже привязывает к нему веревку.
Гай подходит к грузовику и бросает кувалду в кузов за кабину. Секунду он смотрит на Розалин. Она по-прежнему не сводит с лошадей широко раскрытых глаз. Гай опять проходит мимо, отвязывает собаку, ведет ее к одному из костылей и привязывает там. Некоторое время все трое стоят молча, наблюдая за самолетом и лошадьми,— те достигли высохшего озера и, перепуганные непривычным, раскаленным воздухом, нависшим над глинистой гладью, бросаются направо и налево врассыпную. Две из них повернули обратно в горы, и луч надежды вспыхнул на лице Розалин.
Самолет ложится на крыло, делает крутую свечку, снова пикирует вниз, прямо на лошадей, проходит в каком-нибудь ярде над их головами. Гвидо удается заставить лошадей повернуть, и вот уже, снова собравшись в табун, они скачут по дну озера. Самолет тоже летит над высохшим озером, но уже больше не набирает высоты для нового пике.
Гай берет Розалин за руку и хочет отвести ее в кабину грузовика, но она упирается.
— А ну, скорей, золотко, лезь!
Она не успевает ответить, а он уже поднял ее в кабину и захлопнул дверцу. Торопливо просовывает голову в окно, поворачивает к себе ее лицо и целует в губы.
— Увидишь сейчас настоящую охоту! — Весь охваченный радостным возбуждением, он прыгает в кузов. Пирс все еще стоит в нерешительности на земле.— Давай сюда, Пирс! Поглядим-ка, на что ты способен!
Пирс слышит властную ноту в голосе Гая и видит, что тот победил: Розалин покорно сидит в кабине. Пирс прыгает в кузов.
Самолет опускается на высохшее озеро и выруливает к грузовику. Лошади бегут теперь мелкой рысью, они еще так далеко, что кажутся точками на горизонте, игрой воображения.
Пока подруливает самолет, Гай подает Пирсу конец парусинового ремня; другой его конец пристегнут к углу кабины. Пирс пропускает ремень у себя за спиной и пристегивает его к своему углу кабины; теперь они оба прицепились — хоть и не особенно надежно —

к кабине и не могут свалиться назад. Гай поворачивается к куче шин у себя за спиной и вынимает из верхней шины свернутое лассо. То же самое делает Пирс. Оба сучат свои лассо, ухватив их чуть пониже петли, и раскручивают их, пока они не висят свободно у них в руках.

Самолет подруливает и останавливается с выключенным мотором между обоими вбитыми в землю костылями. Гвидо выскакивает из кабины, бросается к одному костылю, потом к другому и привязывает веревки к стойкам самолета. Собака рычит на него, он от нее отмахивается. Разгоряченный, с поднятыми на лоб летными очками, он подбегает к грузовику и садится за руль. Даже не взглянув на Розалин, он повертывает ключ, запускает мотор, дает газ и несется вовсю по высохшему озеру.

— Теперь держись крепко, будут крутые повороты!

Розалин заражается общим волнением; она хватается за доску приборов. У самого ее лица — выцветшая нашивка военно-воздушных сил на плече Гвидо.

Впереди за стеклом, куда ни глянь, высохшее озеро. В миле от них быстро увеличиваются два черных пятна. Вот уже можно разглядеть очертания двух лошадей: насторожив уши, они стоят, глядя на приближающуюся машину.

Розалин смотрит на Гвидо. Летные очки у него все еще на лбу, теперь он мысленно рассчитывает каждое свое движение. На нее горячей волной нахлынул ужас, и она снова глядит вперед, еще крепче вцепившись в доску приборов. Перед ними, теперь уже в какой-нибудь сотне ярдов, несутся вскачь обе лошади; бока у них раздуваются, ноздри расширены. Гвидо направляет машину на мелькающие задние копыта лошадей. Кони круто сворачивают... Резкий поворот машины... Опасный крен... Гвидо жмет одновременно на тормоза и педали. Лошади скачут по прямой, между ними появился просвет, и Гвидо ведет машину прямо в него; расстояние между лошадьми быстро увеличивается, и Гвидо прибавляет газ. Теперь с каждой стороны машины по лошади, они мчатся вровень с окнами кабины.

Розалин смотрит на коня, который бежит в каком-нибудь ярде от ее лица. Она могла бы дотянуться рукой до его морды. Это не очень крупный рыжий жеребец, он весь лоснится от пота. Она слышит его свистящее дыхание, слышит, как мягко стучат по твердому дну высохшего озера его неподкованные копыта. Жеребец напрягает последние силы, в его расширенных, невидящих зрачках — смертельный страх. Внезапно сзади на уши ему падает петля и косо на них повисает.

В кузове грузовика Пирс потряхивает арканом, чтобы петля опустилась жеребцу на шею.

Гвидо, который не видит Пирса, кричит ему через голову Розалин с азартом, похожим на бешенство:

— Лови его, лови! Кидай, Пирс!

В тот же миг Розалин видит за головой Гвидо другую лошадь — петля ровно ложится ей на шею.

— Молодец, Гай! — кричит в окно Гвидо.

Позади, в кузове, Гай и Пирс жмурятся от ветра, который рвет на них поля шляп и рубашки. Гай, заарканив свою лошадь, отпускает веревку, лошадь сворачивает влево, прочь от грузовика. Веревка натягивается до предела и вдруг выдергивает тяжелую шину из кузова грузовика. Тяжесть волочащейся по земле шины стягивает петлю и душит лошадь, она взвивается на дыбы и замирает как вкопанная.

Машина не сбавляет хода. Пирс, успевший смотать лассо, крутит его над головой и бросает снова. На этот раз петля падает жеребцу на шею. Свернув вправо, он вырывает шину из кучи за спиной у Пирса.

— Так его! — радостно кричит Гай.

Пирс отвечает благодарным взглядом. Гай протягивает руку и, смеясь, хлопает его по плечу. Неожиданно они опять заодно.

Гвидо делает крутой поворот; Розалин видит в окно, как останавливает жеребца волочащаяся шина. Вот он повернулся с опущенной головой к шине, вот он встал на дыбы и бьет в воздухе копытами. Но машина уже мчится в другую сторону.

Розалин кричит, повернувшись к Гвидо:

— А вы их не задушите?

Гвидо. Мы сейчас вернемся.

Машина спешит к трем быстро увеличивающимся точкам; теперь можно различить трех лошадей, они резко сворачивают и бегут прочь. И тут люди в машине замечают четвертое животное: жеребенка, которого до сих пор заслоняла матка. Он бежит, уткнув морду в длинный пышный хвост кобылы.

Перевесившись через борта грузовика, Гай и Пирс крутят над головой арканы. В ушах у них все громче и громче звучит топот копыт. Тело Гая сливается с движениями машины, руки ловко управляют веревкой, придавая ей форму и жизнь, в глазах его охотничий пыл.

Пирс почти поравнялся с большой кобылой и ее жеребенком, он держит наготове лассо. Вдруг из окна кабины высовывается голова Розалин, она смотрит на него с мольбой. Рядом с ней на расстоянии вытянутой руки скачет жеребенок. Ужас и страдание на ее ли-

ПАХНЕТ ТЛЕНОМ И СКУКОЙ...

Читая комментарии определенной части буржуазной прессы к проекту Программы КПСС, я невольно подумал об аукционе. О самом настоящем аукционе, где пахнет пылью, где старые вещи говорят о банкротстве их хозяев, где аукционист под стук молотка старается набить цену на потрескавшийся семейный портрет или гнутую клетку для канарейки.

Разница лишь та, что на аукционе, о котором я хочу рассказать сейчас, торгуют не подержанными вещами, а старыми антисоветскими высказываниями. Они знали лучшие дни, эти заржавленные клеветнические булавки, шпильки и занозы, густо смазанные ядом ненависти к Советскому Союзу. Тогда самая дикая клевета находила покупателей. Это было поистине золотое время для западных «специалистов» по России. Как шли тогда рассказы о коллективизации жен на Урале, о медведях, бодро шагающих по пустынным улицам Москвы, о кровожадных людоедах-комиссарах, поедающих томных аристократок!..

Но теперь не те времена. Кто поверит в саги о бурых медведях в дни советских космических ракет? Кто поверит, что Гагарина приковывали цепью к ракете?

Вот почему на аукционе антисоветской клеветы царит уныние. Продающие этот неходовой товар не слишком надеются, что кто-нибудь его возьмет, а покупающие не знают, для чего тратят деньги. Но те, кто сидит не в зале, а в конторах монополий, платят. А раз платят, торговля идет.

— Продается комментарий к проекту Программы КПСС. Комментарий компактный и очень старый. Состоит он из одного слова: «Утопия». Им пользовались еще наши деды, говоря о первых русских пятилетках...

В зале зевают. Какой газетчик, съевший зубы на антисоветской клевете, рискнет напечатать на полосах газеты такой старомодный комментарий, распространяющий запах нафталина? Так и остается Франс Пресс со своим утопическим предложением продать слово «утопия» в качестве комментария к Программе КПСС.

— Леди и джентльмены, — продолжает аукционист, — вашему вниманию предлагается весьма оригинальное соображение относительно того, что русские запускают ракеты, а отдельные квартиры есть в России еще не у всех. Что квартиры есть еще не у всех, видно хотя бы из того, что скоро в России они будут у всех...

Представитель газеты «Нью-Йорк таймс» в нерешительности почесывает затылок. Но ничего не поделаешь. Надо же как-то побрюзжать по поводу проекта Программы, и скрепя сердце «Нью-Йорк таймс» покупает примитивную антисоветскую колючку.

Аукционист долго копается в мешке, чихая от поднятой пыли. Наконец вытаскивает крошечный заплесневелый комментарий. Откашлявшись, он предлагает его присутствующим.

— Продается отличный, поражающий своей простотой комментарий. Вещь, конечно, не новая, слегка побита молью, но все же пригодная к употреблению. Комментарий легок в обращении, не нуждается в объяснениях и фактах. Говоря о проекте Программы КПСС, следует просто заявить: «Неоригинально». Кому нужна «неоригинальность»?

Прельстившись дешевизной и простотой «неоригинальности», ее приобретает английская газета «Дейли телеграф». Заворачивая комментарий в старую газету, представитель «Дейли телеграф» ворчит:

— Пусть кто побогаче доказывает, что проект плох. Нам бы лишь от других не отстать...

На лице аукциониста появляется благоговейное выражение, как будто он держит в руках произведение искусства:

— Господа, перед вами блестящая мысль. Подойдите поближе, полюбуйтесь. Она еще вполне в приличном состоянии: «Сытый желудок может привести к тому, что у русского народа появятся опасные идеи». Разве это не товар? Отлично сказано.

— Какие такие идеи? — спрашивают из зала.

— Откуда я знаю, — отвечает аукционист, — я не русский.

— Может быть, опасные идеи русских заключаются в том, что они решат перегнать США еще на несколько лет раньше? — не унимается скептик в зале.

— Леди и джентльмены, у нас аукцион, русская пропаганда здесь неуместна. Товар у нас старый, проверенный. Зачем же усложнять себе жизнь... Итак, «опасные идеи у русских». Раз, два...

«Куда ни шло!..» — Лондонская газета «Дейли мейл» покупает «опасные идеи».

Аукционист устал. Устали и покупатели. Видимо, для того, чтобы внести оживление, громко зачитывается еще один комментарий: «Русские собираются вводить бесплатное питание на предприятиях. Но капитализм уже...».

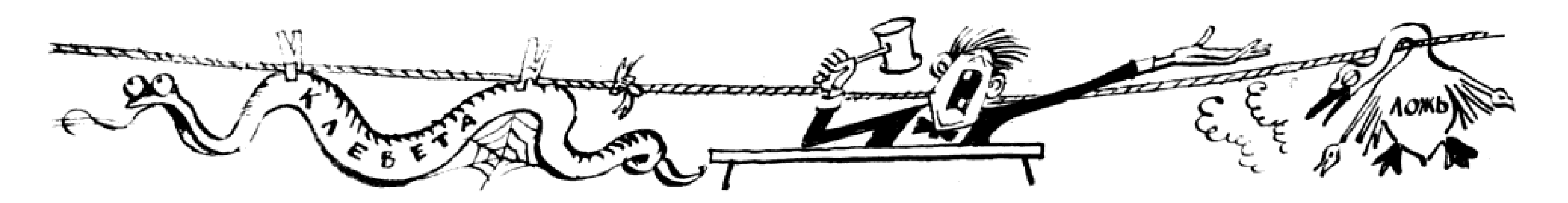
В зале слышится смех.

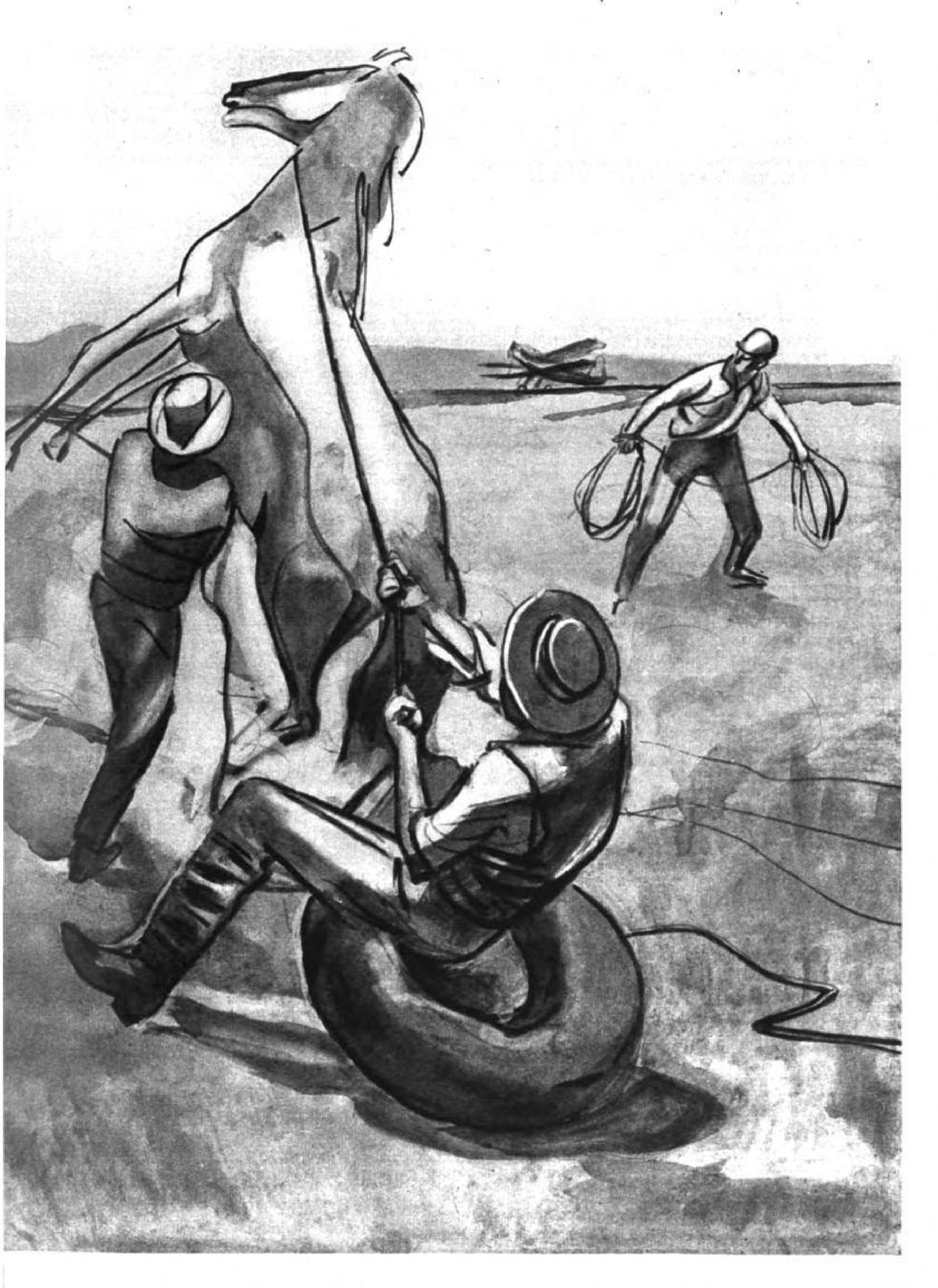
Кто-то замечает, что в США уже введено бесплатное питание. Безработные, простояв в очереди часок-другой, могут получить тарелку супа. Где уж Советскому Союзу тягаться с таким «достижением». У него даже и безработных-то нет...

В Англии ценят юмор. Покупает политический обозреватель агентства Рейтер Джон Эрл...

Аукцион продолжается. На стол выкладывается очередная порция старой антисоветской клеветы. Летит по залу пыль и моль. Пахнет тленом и скукой...

З. ЮРЬЕВ,
обозреватель АПН

це останавливают Пирса. Но Гай уже кричит наперекор ветру:

— Лови ее!

Гай бросает аркан со своего борта машины, Пирс — со своего. Аркан Пирса ложится кобыле на шею, она кидается вправо, за ней — жеребенок. Пирс видит, как тяжелая шина с каждым шагом замедляет бег кобылы; жеребенок бежит с ней сейчас морда в морду.

Единственная оставшаяся на свободе лошадь рысью несется к заросшему кустарником краю высохшего озера, под защиту ближних холмов. Гвидо видит это и нагоняет ее; в нескольких метрах от кустов Гаю удается ее заарканить. Гвидо поворачивает машину назад, предоставив лошади брыкаться и трясти гривастой шеей, которую стягивает безжалостная петля. Впереди, в отдалении, они видят жеребца. В то время как другие лошади стоят неподвижно, некоторые повесив головы, жеребец топчет веревку передними копытами, бросается на шину и пробует ухватить ее зубами.

Гвидо подводит к нему машину, искоса поглядывая на Розалин.

— Теперь мы их свяжем, чтобы они не задохнулись. А завтра утром приедем с фургоном барышника и заберем.

Розалин молча смотрит на жеребца — он все ближе и ближе,— и, когда машина останавливается рядом с ним, Гвидо так же молча выходит из кабины с веревкой в руке.

Гай и Пирс уже выпрыгнули из кузова, и Гвидо к ним присоединяется. Шагах в тридцати от животного они останавливаются и разглядывают его. Жеребец весь почернел от пота и лоснится на солнце. Гай и Гвидо расходятся в разные стороны и приближаются тихо, шаг за шагом, стараясь не двигать руками. Жеребец впервые видит людей, он бьет копытами по глинистой почве и, изогнув шею, делает скачок в сторону. Привязанная к шине веревка валит его с ног, он падает на бок, но тут же вскакивает снова. Дыхание со свистом вырывается у него из оскаленной пасти, кровь сочится из ноздри, он опускает голову и храпит. Люди продолжают приближаться, крутя свои лассо.

Розалин. А те, другие, это его кобылы?

Пирс, еще не успевший отойти от грузовика, оглядывается и видит в окошке кабины Розалин. Он кивает.

— А тот — его детеныш.

Гай. Держи-ка шину, Пирс!

Окрик заставляет Пирса кинуться к шине, которая волочится по земле за жеребцом; встав на дыбы, животное неуклюже приседает на задние ноги и отбегает, а Пирс прыгает на шину, упирается каблуками в глину и крепко хватается руками за веревку.

Жеребец повернулся к ним и с храпом ловит воздух. Люди остановились. Гай крутит над головой лассо. Жеребец кидается на Пирса, и тот отскакивает от шины. На секунду животное оказалось боком к Гаю, он бросает лассо ему под копыта, и конь на всем скаку попадает в петлю правой передней ногой. Гай дергает лассо к себе, и петля захлестывает бабку. Он обегает коня сзади, перекидывает веревку ему через спину и тащит ее на себя; правая нога коня сгибается, и копыто подтягивается к брюху. Теперь бросает лассо Гвидо, на шею коня падает новая петля. Пирс туго натягивает веревку, на которой висит шина, а Гвидо захлестывает лассо вокруг себя и приседает; теперь шею коня стягивают с противоположных направлений две петли. Они душат его. Откинувшись назад, Гай тянет изо всех сил, намотав лассо себе на руку.

Схваченное петлей, правое копыто жеребца все туже и туже прижимается к его брюху, он медленно клонится к земле и опускается на колени. Не ослабляя ни на секунду туго натянутую нейлоновую веревку и перебирая по ней руками, Гай постепенно подбирается вплотную к коню; Гвидо и Пирс всей тяжестью повисли на своих лассо; Гай поднимает ногу, упирается каблуком жеребцу в лопатку и сильным толчком валит его на правый бок. Но при падении жеребец лягает его копытом, и Гаю не удается удержать веревку в руке. Люди пускаются врассыпную, жеребец вскакивает и бросается на них неистовыми прыжками, изгибаясь всем телом, как огромная рыба, играющая на поверхности моря. Пирс вскакивает в скользящую по земле шину и зарывается каблуками в землю; рывок за шею приковывает животное к месту, оно останавливается и храпит.

На миг все застывают. Наконец Гвидо подкрадывается и поднимает с земли конец своего лассо; Гай берет свое, которое все еще стягивает бабку коня. Еще мгновение все стоят не шевелясь,— только вздымаются и опадают бока жеребца; вдруг Гай опять перебрасывает веревку ему через спину и, обежав коня с крупа, тянет и снова сгибает его правую переднюю ногу. На этот раз Гай, перебирая руками лассо, приближается к коню быстрее прежнего; в то время как Гвидо и Пирс всей тяжестью виснут на веревках, Гай внезапно дергает лассо, и конь падает на одно колено.

И тут, к общему удивлению, он медленно опускает морду, словно изъявляя покорность; кровь струится у него из ноздрей на глину, дыхание вздымает клубки белой пыли. Гай опрокидывает его ногой и, прежде чем он валится на землю, успевает накинуть лассо на левую переднюю бабку. Связав передние ноги коня, он отрезает лишний кусок веревки, осторожно подкрадывается к свободным задним ногам, обматывает их и подтягивает к передним.

Они не слышали Розалин, но она вышла из машины и что-то говорит вполголоса. Только теперь, в наступившей тишине, Пирс замечает ее присутствие и поворачивается к ней. Она улыбается, а на лице у нее одни глаза.

— Почему вы их убиваете, Гай?

Она делает несколько шагов к ним, но за спиной у них вдруг раздаются глухие удары о землю, и они оглядываются. Жеребец вырвался из пут, он молотит освободившимися задними копытами по твердой глине, бьется о нее головой. Гай бросается к шине и притягивает лошадиную морду плашмя к земле.

— Держи, Пирс!

Пирс хватает шину с веревкой. Гай бежит к Гвидо, берет у него лассо и вертит его над головой, кружа вокруг лошади. Жеребец бьет задними копытами о передние, и Гай опасается, что веревка, стягивающая передние ноги, может лопнуть. Он бросает лассо, петля захлестывает задние копыта, и Гай, подойдя к голове коня, подтягивает их вперед, но вдруг видит руки Розалин.

Она дергает за лассо, пытаясь вырвать его у Гая, а на лице у нее все та же странная улыбка.

— Ну вот, ты и победил... ты победил, Гай!
— Отойди, ведь лошадь взбесилась!
— Ах, Гай... Милый мой Гай!

Не переставая улыбаться, она подходит к нему вплотную и колотит кулаками по его руке; Гай продолжает тянуть к себе лассо... Взмах руки — она отлетает и падает.

Перед Гаем вырастает Пирс.
— Эй, ты!
Секунду они стоят лицом к лицу.
Гай. Держи шину.
— Зачем ты ее бьешь?
— Держи шину, Пирс! Не разговаривай сейчас со мной! Держи шину и лошадь!

В тишине высохшего озера они слышат, как она плачет. Все трое поворачиваются и видят, как она идет к грузовику, закрыв лицо ладонями, и горько плачет.

Подойдя к шине, Пирс тянет веревку, накинутую на шею лошади. Гай накрепко связывает вместе все четыре копыта. Пирс отходит. Мужчины стараются не смотреть в сторону грузовика. Гай закуривает. Они вытирают пот с лица. К ним доносятся рыдания Розалин. Трое мужчин и поверженное животное с трудом переводят дух. Жеребец храпит. Гвидо разглядывает его старые шрамы на лопатках и на крупе. Одно ухо обкусано.

— Ну, брат, и дал жизни этот сукин сын всем жеребцам Невады!

Пирс чувствует, что приглушенные рыдания Розалин наконец проняли Гая; тот мрачно уставился на связанное животное у своих ног.

— Видно, когда попадаешь сюда, как она, в первый раз, кажется, что нечего и огород городить из-за каких-то шести лошадей. Она ведь не знает, как все это бывало раньше.— Насмешливая, чуть горькая улыбка кривит губы Гая.— Никогда бы не подумал, но, видно, чем меньше их убиваешь, тем противнее это выглядит со стороны.

Он смотрит вдаль, и остальные понимают, что перед глазами у него возникают огромные табуны, которые когда-то тучей неслись из этих горных ущелий. Гай снова глядит вниз, на связанного жеребца. Смущенно, даже с какой-то робостью обращается он к товарищам. Сама его поза становится вдруг неловкой, какой-то ему несвойственной.

— Как вы скажете, не подарить ли нам это стадо ей?

Гвидо недоверчиво смеется, Пирс протянул было руку, чтобы с благодарностью похлопать Гая по плечу, но тут к ним сзади подошла Розалин.

Гай поворачивается к ней, встречается с ней взглядом, и слова застревают у него в горле: такая в ее глазах отчужденность, такой леденящий душу холод.

Розалин. Сколько вы за них хотите? Я заплачу.

У Гая на шее надуваются жилы. Его точно окатили холодной водой, он зло прищуривается.

— Я дам двести долларов. Хватит?
— Пошли в машину,— говорит вместо ответа Гай и проходит мимо нее.
Пирс бросается за ним.
— Гай, послушай! Ты же сам сказал, что хочешь ей их отдать!

Гай останавливается и размышляет. В глазах у него тлеет обида.

— Я и верно об этом подумывал. Но продаю я только барышникам. Они-то ведь покупают лошадей — на большее не претендуют.

Не двигаясь с места, Розалин говорит сухо, точно утверждая факт, но голос ее по-прежнему дрожит от возмущения:

— Я вовсе не хотела вас обидеть.
— Никто и не обижается. Просто мне интересно, с кем, по-твоему, ты водилась с тех пор, как мы встретились?

Он идет к машине и прыгает в кузов. Остальные молча занимают свои места: Гвидо — за рулем, Розалин — рядом с ним, Пирс — вместе с Гаем в кузове.

Окончание следует.

Перевели с английского Е. Голышева и Б. Изаков.

Любят теннис в Северодонецке

Северодонецк? До сих пор мы ничего не слышали о таком спортивном центре. Пришлось открыть Большую Советскую Энциклопедию, но там этому городу было уделено всего пятнадцать строк петита, и ни одна из этих строк не говорила о делах спортивных. Оказывается, жители Северодонецка любят теннис. С каких пор эта строгая, некогда числившаяся аристократической игра обосновалась в Донбассе, да еще в одном из самых молодых его городов? Ведь известно, что в Донбассе испокон веков уважали футбол, штангу, борьбу, а теннис пренебрежительно называли «бабским футболом». Коренные донбассовцы и слышать о нем не хотели.

Как выяснилось, теннис завезли в Северодонецк строители города и местных заводов. Среди них был начальник строительства П. Ф. Новиков, главный инженер В. А. Медер, инженер В. Ф. Куприянов и многие другие. Один из этих спортивных энтузиастов, инженер «Луганскхимстроя» Куприянов, и взялся показать нам город.

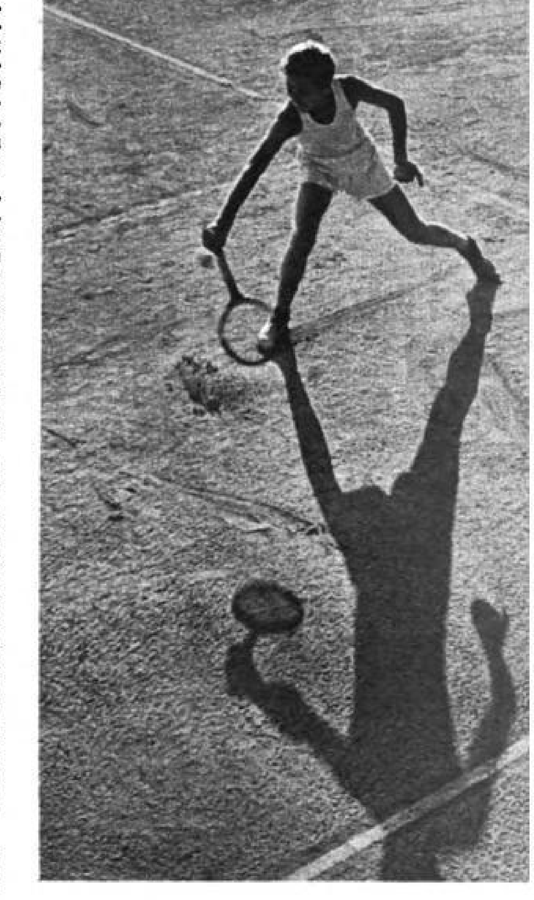
— Он построен руками молодежи,— сказал наш добровольный гид,— и нас особенно беспокоило, чтобы у съехавшейся сюда молодежи была не только крыша над головой, но и место, где она могла бы отдохнуть после работы, заниматься спортом. Мы, конечно, понимали, что осуществить это желание можно будет только тогда, когда удастся управиться с главными делами.— И Куприянов выразительным жестом показал на многоэтажные жилые дома.— Но так или иначе, еще тогда мы твердо порешили: спортивное строительство должно быть основано на общественной самодеятельности. Например, если хотим построить корты, то пусть любители тенниса из конструкторских бюро посидят вечерком и расчертят все на ватмане. Другие пусть решат, как сберечь и деньги и материалы для строительства, а третьим придется взяться за лопаты. У проектировщиков Северодонецка спорт оказался вовсе не в почете. Намечалось футбольное поле да одна волейбольная площадка. Вот и все. Конечно, можно было бы затеять переписку с Харьковом, где конструировался наш город, но разве не проще было найти подходящее место в парке и самим сделать два пробных корта, покрыв их асфальтом? Такие корты впервые испытали эстонские теннисисты, и они оказались очень удачными, ведь на них можно играть с ранней весны и до поздней осени.

Такова история спортивного Северодонецка. А теперь мы видели отлично спланированные корты, и если на одном из них вел занятия со своими питомцами старший тренер детской школы Сурен Баладжян, то на другом обстреливали различные квадраты на стенке ребята постарше, а на крайнем корте, изогнувшись, готовился к подаче солидный дядя в очках.

Девять кортов сами по себе — это не так уж много. Однако не забывайте о том, что они находятся в городке, который даже не стал еще районным центром. Не очень-то велики границы Северодонецка. В нем живет сейчас никак не больше сорока тысяч человек. Но, помимо теннисных кортов, этот молодой город располагает уже двумя стадионами и хорошо оснащенным стрелковым тиром. А не так давно вступило в строй трехэтажное здание зимнего теннисного корта, в котором проводились всесоюзные соревнования этой зимой.

Многие северодончане вечерами непременно берутся за ракетки, а в детской школе занимается 140 ребят. Трудно и поверить, что всего три года назад в Северодонецке было лишь несколько энтузиастов спорта! Теперь же сотни теннисистов, и футболистов, и борцов, и штангистов объединяет добровольное спортивное общество «Авангард». И пусть теннисная школа всего на год моложе породившего ее города, но добрая слава о ней шагнула уже далеко за пределы Донбасса. Недавно молодые северодонецкие теннисисты выступали в Ужгороде на республиканских соревнованиях, и в число сильнейших украинских теннисистов вошли северодончане Сурен Миртычан, Толя Могилкин, Алла Гедзь, Наташа Сычкова. А их собратья по настольному теннису Владимир Радько, Леонид Соловей и Гиви Шенгелая нанесли поражение украинским динамовцам.

...Мы вошли в зал, напоминающий большой ангар.

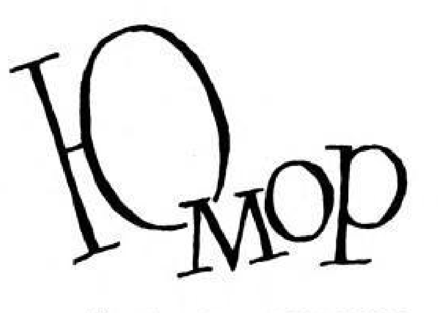
На корте Саша Муравьев.

Свет лился в проемы окон. У стенки в прохладе сидели ребятишки в ожидании своего часа. В школах были каникулы, но в спортивной теннисной школе занятия продолжались. Да, теннис — главная спортивная гордость северодончан. И так ли это уж плохо, что у них есть свой спортивный конек? Но в городе имеется и зал тяжелой атлетики, и отличный зимний бассейн, и летний бассейн на искусственном озере.

Спорт шагает в ногу с растущим донбасским городом. И пусть нет еще там мастеров и всесоюзных чемпионов, но они уже формируются, набираются сил. Скоро мы услышим о физкультурниках Северодонецка.

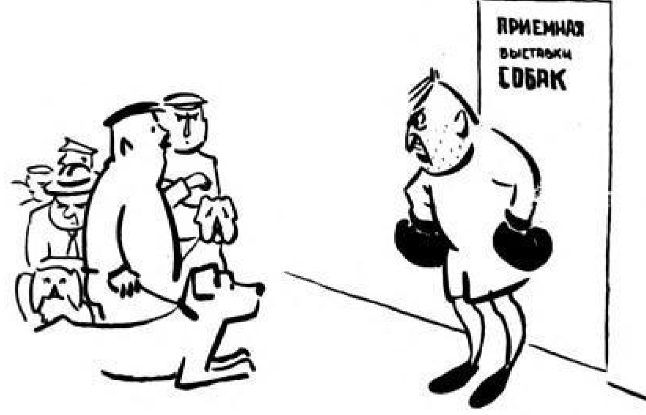
Евг. СИМОНОВ

Юмор

— У вас есть венки моего размера?
— Уже нет. Остались только крупные.

Рисунок В. Воеводина.

— Так кто здесь с собачкой породы боксер?

Рисунок В. Воеводина.

— Прочистил!

Рисунок Б. Чупрыгина.

Благовоспитанная Тома

ТРАГЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ.

Л. ЛАГИН

Действующие лица:

Наговицына Тома, ученица четвертого класса.
Наговицын Григорий Кузьмич, ее отец.
Наговицына Наталья Петровна, ее мать.
Викентий Николаевич, их сосед по квартире.
Первый гость.
Второй гость.
Третий гость.

Время действия — 30 декабря прошлого года, после обеда и позже.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Наталья Петровна (в телефонную трубку). Обязательно, Марья Ивановна, обязатель-но! Бегу! (С треском кладет трубку на рычажок.) Как клещ, пристала со своим Володечкой! Нигде от этой проклятой Машки спасу нет. Даже в учительской. Схватила меня сегодня за рукав, уволокла в уголок и давай и давай: «Володечка то! Володечка это!» А Володечка на нее нуль внимания, пуд презрения. Красивый мужчина, завуч, молодой, не сегодня-завтра могут в директора выдвинуть. А что она ему, Машка? Нуль без палочки. Он теперь всерьез увлекся Зиночкой...

Григорий Кузьмич. Это какой такой Зиночкой?

Тома. Наша новая учительница. Блондинка такая на тоненьких ножках, но собою ничего.

Григорий Кузьмич. Брысь под лавку! Рано еще тебе в такие разговоры вмешиваться! (Тома обиженно поджимает губы.)

Наталья Петровна. И он Зиночке нравится, и она такая славная, и скорее всего они еще до конца учебного года поженятся. А эта несчастная курица ни с того, ни с сего втемяшила себе в голову, будто у него к ней имеются какие-то чувства. А у самой ни кожи, ни рожи. И походочка, как у обезьяны.

Тома. Как у макаки.

Наталья Петровна. Вот именно... Постой, постой! С чего ты взяла, что как у макаки?

Тома. Здрасьте! Сама вчера говорила, что у этой нудной Машки...

Наталья Петровна (ужаснувшись). Пожалуйста, не выдумывай!

Тома. Нет, говорила, нет, говорила! Пускай папа скажет! Папа, ведь она говорила, что у этой нудной Машки?..

Григорий Кузьмич (строго). Для кого Машка, а для тебя она твоя учительница, воспитательница Марья Ивановна. Мала ты еще, от горшка три вершка, а тоже...

Тома. Человек уже в четвертом классе, а ты все свое: «Маленькая, маленькая!» Надоело!

Наталья Петровна (не удостоив вниманием педагогический порыв супруга). Ну и память у меня стала! Склероз! Только упаси тебя бог, Томочка, проболтаться Марье Ивановне насчет моих разговоров... С нею хлопот не оберешься... Вот и идешь к ней в логово выслушивать всякие гадости про бедную Ирочку... Так я и пошла. А если позвонит Ирочка...

Тома. Скажу, что ты ушла к бабушке. Она ведь знает, что бабушка захворала.

Наталья Петровна (проверяя Тому). А если позвонят от бабушки?

Тома. Ты, мамочка, не беспокойся. Уж я что-нибудь придумаю. Пока что я еще тебя, кажется, ни разу не подводила.

Наталья Петровна. Умница ты моя!

Григорий Кузьмич (со все возрастающим возмущением). Ну, знаешь ли, Наталья, ты просто не отдаешь себе отчета, чему ее учишь!

Наталья Петровна. Научи меня педагогике. Макаренко нашелся на мою голову!.. Ты и так уже превратил мою жизнь в ад своими идиотскими поучениями... Я... я... (Подозрительно шмыгает носом.)

Тома. Мамочка, миленькая, не плачь! (К отцу.) Зачем ты мучаешь мою мамочку? Небось, восьмого марта носишь ей разные подарки, а потом...

Григорий Кузьмич от возмущения не находит слов. Он дрожащими руками натягивает на себя пальто, нахлобучивает по самые уши шляпу, никак не может попасть ногой в калошу.

Наталья Петровна (с увеличенным презрением). Только, пожалуйста, Григорий Кузьмич, без сцен при ребенке! И если ты только попробуешь еще раз хлопнуть дверью, я напишу заявление в твой местком, так и знай!

Григорий Кузьмич (больше всего в жизни он боится общественных скандалов). Надо же мне сходить за елкой.

Наталья Петровна. В каком ты виде! А ну, подойди-ка поближе, я тебе поправлю шарф. Господи, дожил человек до седых волос, а сам толком шарф повязать не научился. Ходит с открытой шеей. Так ведь и простудиться недолго... Ну, не хмурься, нервный ты мой Песталоцци! (Поправляет на нем шарф и чмокает в побелевшую от негодования щеку.) Да ты не торопись, поспеешь с быками на ярмарку. До метро нам по пути.

Тома. Папочка, миленький, ты елку выбери погуще. А то ты в прошлом году такую принес, что мне перед гостями от стыда некуда было деваться.

Супруги Наговицыны уходят, демонстрируя перед их единственным соседом по квартире идеальное семейное единство. Викентий Николаевич молча пожимает плечами. Его комнатка отделена от комнат, занимаемых Наговицыными, стенкой, звукопроницаемой, как решето. Он слышал все, весь предыдущий разговор. И Наговицыны отлично понимают, что он все слышал, но вплоть до самой лестничной площадки легко и старательно разыгрывают из себя показательную чету. Сказывается многолетний опыт.

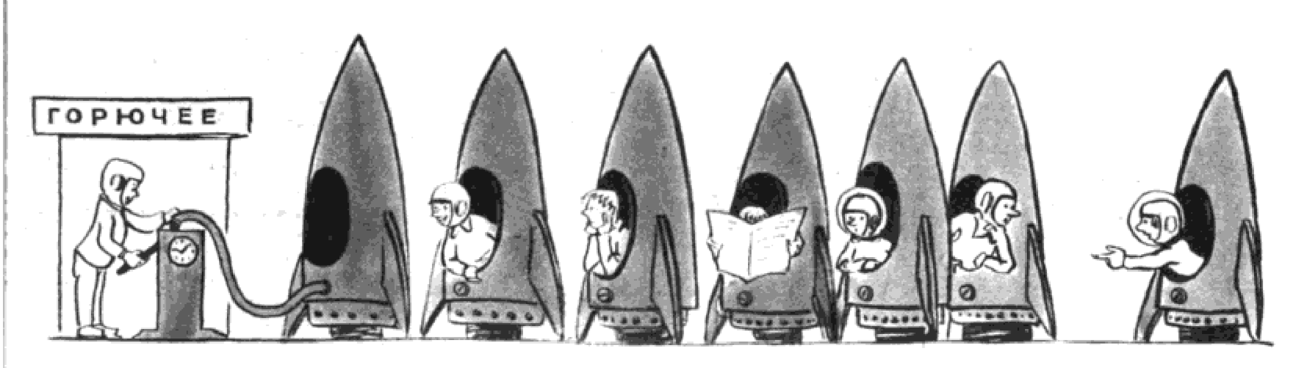
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Родители Томы еще не вернулись. За время их отсутствия Тома досыта наговорилась по телефону с подружками, у которых имеются телефоны. Потом она очень мило поболтала с двумя подружками из соседнего подъезда, которых дома не допускали к телефонам и которые по этой причине явились к Томе с визитом. Тома угостила их чаем, печеньем. Девочки попили чаю и ушли. Потом Тома вырезывала из бумаги и тряпочек всякие штучки, чтобы попрактиковаться в вырезании. Услышав скрежет ключа во входной двери и знакомые отцовские шаги, она быстро раскрыла задачник и сделала вид, будто решает задачи. Григорий Кузьмич вваливается в комнату, озябший, раскрасневшийся, с роскошной густой елкой.

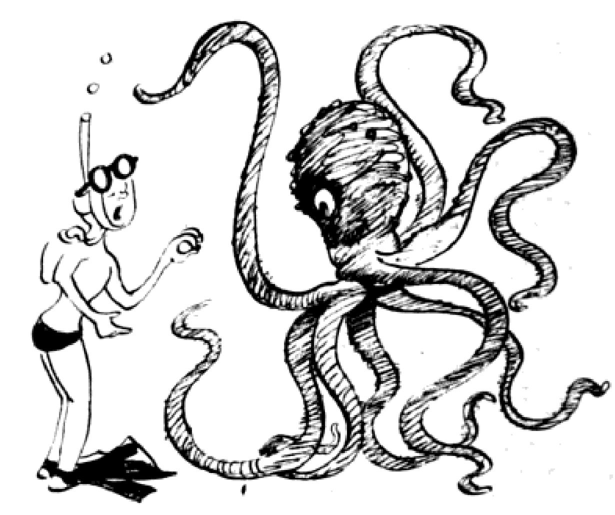
Тома (бросив снисходительный взгляд на елку). Молодец, папка! Вот видишь, когда ты не поленился, разыскал чудную елку!

Григорий Кузьмич. Ну и намусорила же ты! На столе посуда грязная, крошки... Почему ты не убрала за собой?

Тома. Значит, ты хочешь, чтобы я не выполнила задания по арифметике? Видишь, я

В недалеком будущем:
— Кто последний на заправку?
Рисунок А. Шабанова.

— Простите, вам не попадались очки?
Рисунок В. Почечуева.

— А теперь ты доволен? Кушай кашку...
Рисунок В. Воеводина.

— Я решил создать свою самую значительную миниатюру.
Рисунок К. Невлера.

занимаюсь. Разве ты не знаешь, какая у нас Марья Ивановна требовательная?

Григорий Кузьмич. У тебя сейчас каникулы.

Тома. Ах, папа, папа! Никогда нельзя откладывать задания на последнюю минуту. Ты же мне сам не раз об этом говорил.

Григорий Кузьмич. Тома, не дури! Ко мне сейчас должны прийти.

Тома. Как это с твоей стороны эгоистично! К тебе должны прийти, а я должна убирать. И вообще, если хочешь знать, я тебе не домработница.

Григорий Кузьмич. Каждый порядочный человек обязан сам убирать за собой. Понятно?

Тома. Вот вернется мама, и я ей расскажу, как ты мною помыкаешь, как домашней рабыней. Думаешь, ей это будет приятно? Ты же знаешь, какое у нее больное сердце.

Григорий Кузьмич (свирепея). Немедленно убери за собой весь мусор, слышишь?!

Тома (с шумом захлопывая задачник). Ох, господи! (Бежит на кухню за веником и совком, кое-как проводит веником по полу, набирает полный совок. Слышно, как она с силой хлопнула крышкой мусоропровода. Вернувшись, она голосом, полным негодования, говорит отцу.) Я так Марье Ивановне и скажу, что ты все время отвлекаешь от арифметики! Я в таких условиях не могу успешно выполнять домашние задания. Ты меня нервируешь! Разве ты не читал, какая у детей моего возраста хрупкая нервная система?

Григорий Кузьмич. Хоть бы постыдилась! Пионерка, одиннадцатый год!

Тома. Четыре месяца только, как минуло десять лет, а ты уже рад попрекнуть ребенка! Пеняй на себя! Теперь я уже не могу готовить арифметику... А какая я пионерка, ты не говори, если не знаешь. Спроси об этом в нашем отряде. Без меня, если хочешь знать, ни один сбор не обходится.

Григорий Кузьмич. А чашки и блюдца кто за тебя уберет?

Тома (рыдает). Я тебе не домработница!

Григорий Кузьмич. Учти, на меня твои дешевые слезы не подействуют. Ты уже достаточно взрослый человек, чтобы...

Тома (перебивает его с непередаваемым сарказмом). Сейчас ты снова начнешь говорить, что ты в мои годы уже батрачил! Так для чего же мы в таком случае делали революцию? (Поднимает свой негодующий голос до крика.) Как же после этого жить на свете?!

Григорий Кузьмич. Не ори! Викентия Николаевича стыдно! Ведь у него все слышно.

Тома. А мне что? Я маленькая, мне не стыдно! А вот если ты будешь и дальше обращаться со мной по-зверски, я такой крик подниму, что ты прямо сгоришь от стыда! И пускай все во всем подъезде слышат, как здоровый взрослый гражданин измывается над беззащитной девочкой!

Григорий Кузьмич. Ты немедленно уберешь со стола или...

Стук в дверь.

Голос Викентия Николаевича: «Григорий Кузьмич, к вам гости!»

Григорий Кузьмич (вполголоса). Вот, будь они прокляты, как некстати! (Выбегает в прихожую с хорошо разыгранными радостными восклицаниями.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тома, Григорий Кузьмич и трое гостей.

Первый гость. Ничего, что мы так поздно?

Григорий Кузьмич. Господь с вами!.. Очень, очень рад!

Тома. Папочка, я поставлю чай, хорошо? А потом уберу со стола. (Убегает на кухню, вся излучая гостеприимство и хозяйственность.)

Второй гость. Гляжу на твою дочку, Григорий Кузьмич, и завидки меня берут.

Третий гость. Я думаю, тут главное дело — мать. Великое дело, когда у ребенка мать с высшим педагогическим образованием.

Первый гость. Ну и отца, на мой взгляд, не следовало бы скидывать со счетов. С широким кругозором, общественник, волевой работник...

Третий гость (с подкупающей откровенностью). Да уж чего там скрывать, приблизишься иной раз к дверям кабинета Григория Кузьмича, и страшновато делается: заметит упущение, не помилует.

Тома (вбегает с раскрасневшимся лицом, хозяйственная, веселая и милая, как пионерка на плакате). Ну, вот, пока я здесь уберу, и чай поспеет. А ты, папка, доставай пока из холодильника все, что полагается.

Второй гость. Нехорошо в глаза хвалить, а приходится. Молодец, Томочка! Давно в пионерках?

Тома. Второй год!

Гости (хором). Оно и видно!

Из-за стены доносится грустноватый смех Викентия Николаевича.

Первый гость. Это кто там?

Григорий Кузьмич (вполголоса, стараясь, чтобы его не расслышали за стенкой). Наш сосед. Очень непосредственный человек. Любитель юмористической литературы. Лежит на кровати, читает юмористические рассказы и смеется в голос.

Третий гость. Неужели не считается с тем, что у вас все слышно?

Тома. А вы не обращайте внимания. Мы не обращаем, и вы тоже.

Смех за стеной усиливается.

Занавес.

Сценки из композиции жизнь человека.

Фото Д. Ухтомского.

ОГОНЬКОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

Всем хотелось увидеть прославленного мима Франции Марселя Марсо. И вот он приехал в «Огонек» вместе с Жоржем Сориа и артистами своей труппы. Его узнали сразу: он невысокий, худощавый, с простым, приветливым и выразительным лицом, с грациозно отточенными движениями.

Свой рассказ о всем доступном и всем понятном искусстве пантомимы — искусстве жеста, передающего человеческие чувства,— Марсель Марсо сопроводил как бы живой иллюстрацией, демонстрируя собравшимся коротенькие, очень яркие сценки из своих спектаклей.

Чрезвычайно интересно было видеть блестящую работу Марселя Марсо без грима и сценического костюма. Артист щедро раскрыл технику своего мастерства, во многом основанного, как он сам заметил, на искусстве перевоплощения, которому учил Станиславский.

Встреча прошла настолько тепло и живо, что казалось: все собравшиеся давно уже знают Марселя Марсо, давно полюбили его на редкость человечное творчество.

Читатели «Огонька» подробнее узнают о нем в одном из ближайших номеров нашего журнала.

Недавно творческий клуб «Огонька» принимал у себя и румынских артистов. К нам в гости приехали солисты гастролирующего в Советском Союзе Эстрадного оркестра румынского радио и телевидения под управлением Силе Динику.

Певцы Аида Мога, Сорина Дан, Флорин Дориан и Луиджи Ионеску пели песни румынских и советских авторов. Композитор Силе Динику познакомил собравшихся со своими произведениями.

Веселые сценки и репризы показал Ион Лучиан.

В ГОСТЯХ У АРМЕЙЦЕВ

Сотрудники и авторы журнала «Огонек» встретились с читателями воинской части.

Главный редактор А. Софронов рассказал собравшимся о работе и планах редакции.

Тепло и сердечно были приняты выступления писателей и поэтов К. Симонова, М. Матусовского, В. Федорова, В. Карбовской, члена редколлегии журнала И. Долгополова и сотрудника «Огонька» С. Егорова.

Встречу вел заместитель главного редактора Б. Иванов.

●

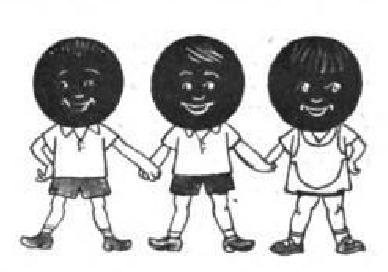

В редакции «Огонька» побывал наш африканский друг и коллега — вице-председатель Союза писателей Ганы, редактор популярного иллюстрированного журнала «Драм» («Барабан») Камерон Дуоду. Гость из Ганы рассказал о том, как живут и работают африканские литераторы, как они участвуют в решении важнейших проблем, волнующих континент.

ЖИВАЯ ГРАММАТИКА

Ф. КРИВИН

Рисунки Л. Самойлова.

Три Точки

Сошлись три Точки, разговорились.

— Как жизнь? Что нового?

— Да ничего.

— Все стоишь в конце предложения?

— В конце.

— И я в конце.

— И я...

— Как это несправедливо! — говорит Первая Точка.— О нас вспоминают лишь тогда, когда предложение уже закончено. И мы ничего не успеваем сказать.

— Да,— соглашается Вторая Точка.— Так хочется попасть в незаконченное предложение, по-настоящему выразить себя...

— Не пустят,— сомневается Первая Точка.— Посчитают ошибкой и вычеркнут. Я это дело знаю.

— А что, если нам всем вместе попробовать? — предлагает Третья Точка.— В отдельности каждая из нас, может быть, и немного значит, а втроем...

— И правда, попробуем?

— Коллектив — большая сила, это всюду написано.

— Только бы найти подходящее предложение.

Точки настораживаются и начинают внимательно следить за текстом. Это — законченное, это — законченное... Вот!

Точки бросаются в незаконченное предложение и, как ни в чем не бывало, становятся за последним словом.

Очередное Слово, которое уже готово было сорваться с пера, чтобы занять свое место в предложении, вдруг замечает Точку.

— Откуда Вы взялись? Вы здесь не стояли!

— Нет, стояла! — заявляет Третья Точка.

— Вы не могли здесь стоять!

— Не скандальте, пожалуйста! — вмешивается в разговор Вторая Точка.— Она стоит лично за мной, а вот Вас я что-то не видела.

— Но Вы здесь тоже не стояли! — возмущается Слово, болтаясь на кончике пера.

— Она не стояла?! — изумляется Первая Точка.— Придите в себя! Она же стоит за мной!

Слово видит, что Точкам этим не будет конца, и, перебирая в уме все знакомые крепкие слова, отправляется обратно в чернильницу.

А Точки стоят и посмеиваются. Три точки — это вам не одна. В предложении три точки кое-что значат!

Мягкий Знак

Мягкий Знак давно и безнадежно влюблен в букву Ш. Он ходит за ней, как тень, из слова в слово, но все напрасно. Буква Ш терпеть не может букв, от которых не добьешься ни звука.

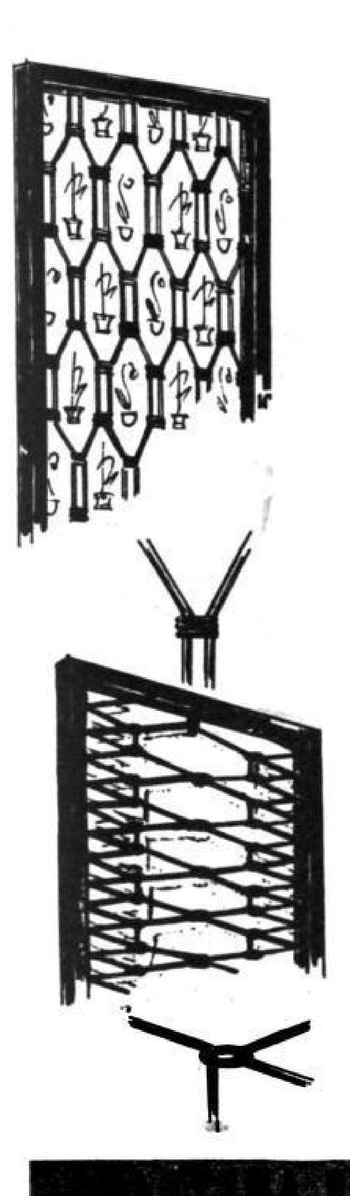
А Мягкий Знак именно таков. Он робок, застенчив, не пытается выделиться в строчке или занять в слове первое место. Он настолько тих и незаметен, что даже в контрольных диктантах нередко забывают о нем.

Другим буквам, которым приходится близко встречаться с Мягким Знаком, нравятся эти его качества. Многие из них даже сами смягчаются от его соседства.

Не смягчается только буква Ш, несмотря на все старания Мягкого Знака. Она по-прежнему тверда и так шипит, что Мягкий Знак буквально теряется. Но он ничего не может с собой поделать и всякий раз снова становится рядом с буквой Ш — в глаголе второго лица или в существительном третьего склонения.

Когда это кончится, трудно сказать. У Мягкого Знака слишком мягкий характер, и он не в силах противиться строгим законам грамматики, которая одна распоряжается всем, что написано на бумаге: от маленькой Запятой до самого Твердого Знака.

ОГОНЁК ДЛЯ ДОМА

ПОПРОБУЙТЕ СДЕЛАТЬ САМИ

Архитекторы, проектируя новые дома и заботясь об удобствах будущих жильцов, планируют в малометражных квартирах раздвижные стенки, всевозможные шкафы-перегородки...

Ну а как разделить комнату, отвести, например, детский уголок в квартире, где это не предусмотрено строительством?

Занавес не везде годится: это громоздко и отнимет много света.

Значит, ширма! Только не бесполезная, тщательно расшитая шелком и бисером ширма, которую ставили у себя наши бабушки (ставили не столько для удобства, сколько для сомнительной красоты), а легкая, портативная ширма, отвечающая требованиям современного интерьера. Она поможет разделить комнату и одновременно украсит ее.

Попробуйте сделать такую ширму сами.

Прежде всего изготовьте деревянный каркас — 3—4 рамки из тонких обструганных реек размером 150 × 60 см каждая. Вставить в эти рамки можно самый разнообразный материал. Красиво будет выглядеть высушенный и покрытый лаком камыш. Можно использовать вместо камыша ивовые прутья. Перевить их для прочности следует цветным пластмассовым шнуром. Если такого шнура не окажется в продаже, то возьмите самый обыкновенный бельевой шнур и покрасьте его в яркие цвета.

Сеткой из такого шнура можно очень красиво декорировать ткань — однотонную либо с рисунком. Хорошо для этого взять ситец, можно сатин, если вы захотите сделать ширму более плотной.

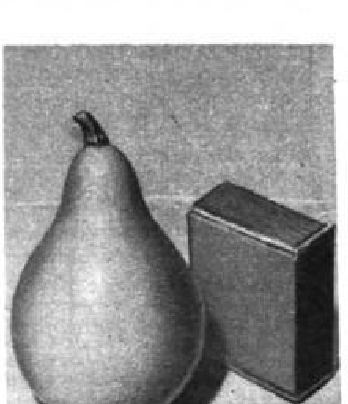
Шнур натягивается поверх ткани; при этом лучше не связывать его, а пропускать через маленькие пластмассовые цветные колечки, которые обычно продаются для штор. Узоры этой сетки, как видно на рисунках, могут быть самыми разнообразными.

Есть еще один вариант ширмы, очень изящный. Можно взять подкрашенную анилиновыми красками солому и наклеить ее в виде простого геометрического орнамента (полосы или зигзаги) на картон, который вставляется в рамку. Еще красивее будет выглядеть ширма с наклеенными на картон осенними листьями. Их только следует предварительно проутюжить, чтобы они потом не сморщились.

Хотелось бы, чтобы у вас стало уютнее с такой ширмой и чтобы она вам понравилась.

И. ГИЛЬТЕР

[illegible]

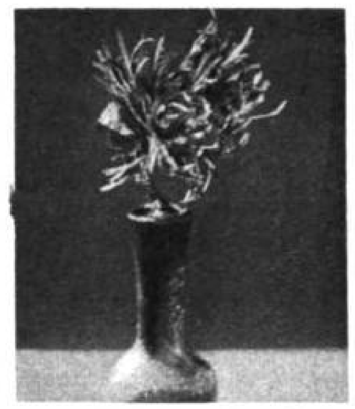
На столе у моего друга я увидел аппетитную грушу. Я невольно потянулся к ней, но друг, улыбаясь, предупредил:

— Это тыква! Ее привезли мне из села Тала, Закатальского района, Азербайджанской ССР.

Тыква эта растет у берега речки, и плоды ее долгое время находятся в воде. Когда тыква поспевает, жители собирают ее плоды.

При варке варенья маленькие тыквы накалывают иголками и кладут в кипящий сироп. Пропитанные сиропом, они становятся очень вкусными.

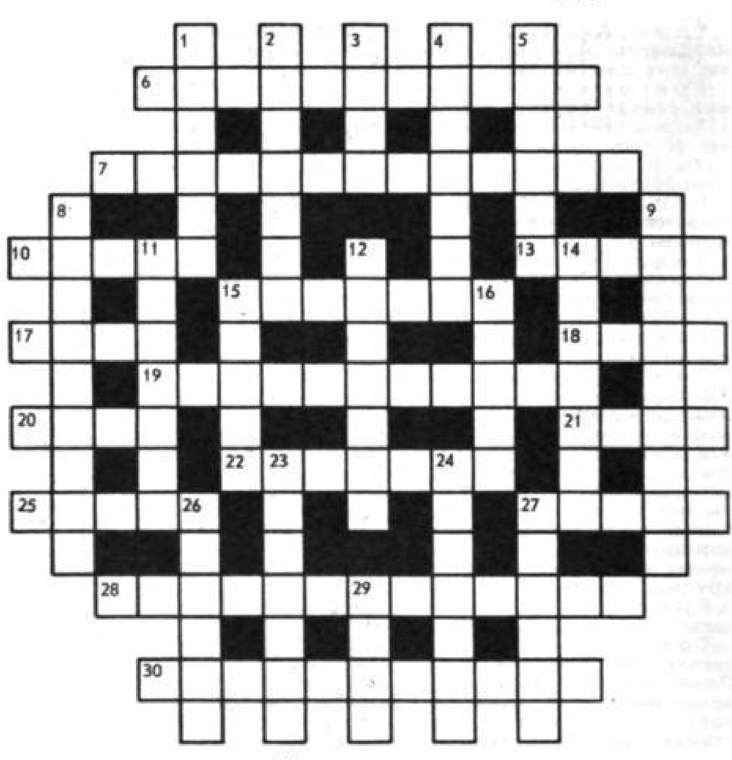
И. КАМЕНКОВИЧ

Мне удалось отлить металлическую хризантему. Она очень похожа на живую — есть даже мельчайшие прожилки на листьях.

П. ВОДИЛО

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Город в Кузбассе. 7. Наука об ископаемых организмах. 10. Тихоокеанская промысловая рыба. 13. Родоначальник литературы на узбекском языке. 15. Хищное млекопитающее семейства кошачьих. 17. Советская писательница, автор исторических романов. 18. Велодром. 19. Прибор для накопления электричества. 20. Столица союзной республики. 21. Полудрагоценный камень. 22. Роман Д. Олдриджа. 25. Произведение киноискусства. 27. Дирижер, народный артист СССР. 28. Работник школы. 30. Сельскохозяйственная машина.

По вертикали:

1. Приспособление для согревания. 2. Холодное кушанье из кваса, зелени и мяса. 3. Спутник Сатурна. 4. Приток Волги. 5. Русский физик XIX—XX веков. 8. Способность, талант. 9. Вечнозеленое дерево. 11. Угольный карандаш. 12. Генератор для зажигания рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 14. Прыжок в балетном танце. 15. Герой оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 16. Отверстие в улье. 23. Игра-пляска с песнями. 24. Керамическая облицовочная плитка. 26. Суждение, выражающее оценку. 27. Живопись красками по сырой штукатурке. 29. Газ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

1. Конотоп. 3. Гарус. 5. Арена. 7. Комсомольская. 10. Пандус. 11. Друть. 12. Латекс. 16. Парсек. 17. Корректор. 18. Спаржа. 22. Дифирамб. 23. Питомник. 24. Серенада. 25. Майолика. 29. Атлант. 30. Коллектор. 31. Рулада. 34. Привет. 35. Фураж. 36. Поляна. 39. Автоматизация. 40. Сигма. 41. Алтын. 42. Саксаул.

По вертикали:

1. Карась. 2. Пресса. 3. Глобус. 4. Сомбреро. 5. Атлетика. 6. Арагац. 8. Интерференция. 9. Перпендикуляр. 10. Парад. 13. Сурок. 14. Космодром. 15. Ионизатор. 16. Пицунда. 19. Америка. 20. Грунт. 21. Довод. 24. Салоп. 26. Анапа. 27. Клоунада. 28. Скважина. 32. Сервис. 33. Моцион. 37. Боргес. 38. Тантал.

На первой странице обложки: Василий Михайлович Кавун (см. в номере «Человек солнечной стороны»).

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Маленькие теннисистки Северодонецка (см. в номере «Любят теннис в Северодонецке»).

Фото А. Вочинина.

Уральский Левша

Маленькая посылка с далекого Урала очень удивила Михаила Ботвинника. В ней оказался миниатюрный шахматный столик. На доске размером с двухкопеечную монету стояли микроскопические фигуры: самая большая из них — король — высотой в 1,8 миллиметра.

Прислал эти выточенные из пластмассы шахматы Александр Матвеевич Сысолятин, конструктор лаборатории автоматики треста «Егоршинуголь» Свердловской области.

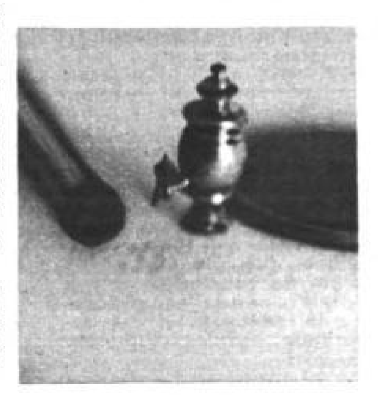
Много чудесных вещей сделал замечательный уральский умелец, например, крохотный самовар в 3,5 миллиметра; через лупу можно различить кран, конфорку и даже задвижку. В центре копеечной монеты умещается медвежонок с бочонком, который меньше спичечной головки.

Обыкновенная швейная игла. Из нее вынимается вторая, а из той — третья, совсем тонкая. Снимается ушко, и из тоненькой иголки вытягивается... велосипедная цепь, в ней 78 деталей. Разглядеть ее, разумеется, можно только в лупу.

Уральским Левшой называют А. Сысолятина местные жители. Недавно он сделал механическую блоху в натуральную величину; блоха эта прыгает как настоящая.

Фотокорреспонденту В. Серяпину удалось сфотографировать некоторые из изделий уральского Левши. На снимках они увеличены во много раз. Рядом — копеечная монета.

А. ГРИГОРЬЕВ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

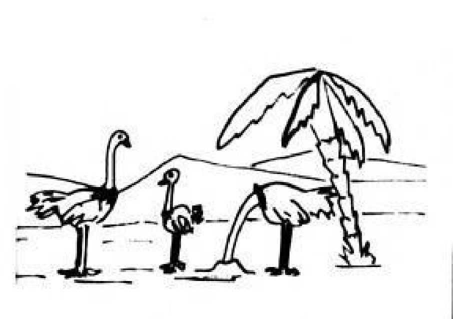
Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00319. Подписано к печати 31/VIII 1961 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1276. Заказ № 2156

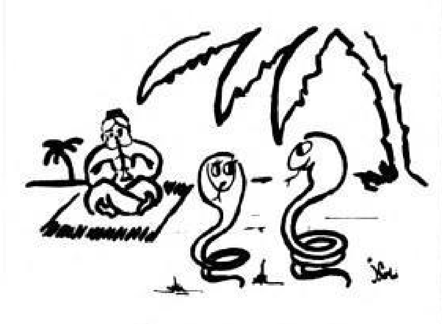
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Вы зря настаиваете: отца нет дома.

— Протяните руку.
— Которую?

— Разрешите пригласить вас на танец.

— Когда буду взрослым, буду носить длинные брюки, как мама.

Мой друг Ваня

Ион ЛУЧИАН,
артист Бухарестского театра комедии

Фото А. БОЧИНИНА.

Когда стало известно, что я поеду на гастроли в СССР, в моей жизни кое-что изменилось. Если бы я был романистом, мне, может быть, удалось бы на нескольких десятках страниц провести глубокий психологический анализ всех тех чувств, которые охватили меня. Но так как сатирикам полагается писать кратко, то я постараюсь изложить все телеграфным стилем.

Итак, я волновался, семья гордилась мною, коллеги завидовали. Это было во-первых. Во-вторых, я решил вести всю программу эстрадного оркестра румынского радио и телевидения, с которым я должен был ехать, только на русском языке. Правда, я уже знал по-русски несколько слов: «дружба», «мир», «хорошо». И я, закрывшись в кабинете, принялся за зубрежку курса русского языка. Но тут меня осадили родственники.

— И не думай возвращаться без каракулевой шубы! — услышал я.

Все вы, наверное, уже узнали по тону и по претензиям мою жену.

— Сыночек, привези мне холодильник. Там отличные холодильники!

Моя теща, как вы могли заметить, не уступает своей дочери в практичности.

Тесть хочет получить в подарок телевизор. И не обыкновенный, а цветной. Ибо, говорит он, футбольные команды все время путаются: не разберешь цвета маек. И пошло, и пошло: родственники, друзья, знакомые, коллеги! Я даже не подозревал, что у меня столько доброжелателей! Их, конечно, можно было бы всех перечислить, но, к сожалению, я пишу маленькую статью, а не составляю телефонную книгу.

Когда я увидел, какие надежды они возлагают на мою поездку, я собрал их всех и заявил:

— Товарищи, я еду с культурной миссией, а не с экономической!

Сейчас же моя теща испепелила меня взглядом:

— Он всегда был таким. Эгоист и ханжа!

Словом, не отказал в просьбе я только моему шестилетнему племяннику. Ракету бы ему. Хочет летать, как дядя Юра и дядя Герман. Помогите, пожалуйста. Не знаете, где достать детскую ракету?

После того, как отношения были выяснены, просьбы приобрели новую форму. Первым явился дедушка:

— Слушай, внучек. Как приедешь, найди моего друга Ваню и поцелуй его. Пусть знает, что мы его не забыли.

— Какого Ваню, дедушка?

— Ты что? Не знаешь Ваню? Того советского танкиста, который семнадцать лет назад, проезжая через наше село, починил мне аккордеон? Найди его и скажи, что я все время вспоминаю «Эх, дорог...». Он тогда научил меня этой песне.

Как тут отказать? И я обещал найти Ваню-танкиста.

Следующим пришел мой двоюродный брат, горняк. Показал фотокарточку: на побережье Черного моря стоят, обнявшись, двое. Высокие, загорелые, улыбаются. Один — двоюродный брат, а другой...

— Это мой друг Ваня. Найди его и передай ему фотокарточку. На память.

— Значит, это Ваня-танкист. Ты его тоже знаешь?

— Какой танкист? Горняк он. Был в Румынии и учил работать на комбайне «Донбасс». Передай от меня горняцкий привет.

Дядя Костя, председатель коллективного хозяйства, узнав, что поеду в СССР, дал мне сверток. Там была пшеница.

— Когда был на ВДНХ в 1959 году, — говорит мне дядя Костя, — был поражен увиденной там пшеницей. Применил агротехнику по советам моего друга. Покажи пшеницу и запомни, что скажет о ней Ваня.

— Горняк?

— Как же горняк может давать советы по агротехнике? Ваня — председатель колхоза на Кубани.

Итак, у меня в списке стало уже три Вани.

Мой брат, хирург, попросил узнать последние новости по хирургии сердца.

— Кого же мне спросить?

— Как кого? Моего друга Ваню. Хирурга, с которым я подружился на Бухарестском съезде врачей.

Значит, четыре Вани. Потом появились Ваня-актер, Ваня-писатель, Ваня-нефтяник...

Вам это кажется невероятным? Нет, не кажется. И мне не кажется. «Мой друг Ваня» — это не простое совпадение. Это символ. Ваня — это народ, к которому обращается другой народ — Ион или Георге.

И, представьте себе, я всех Ваней нашел! Они очень обрадовались и взяли с меня слово передать привет своим румынским друзьям. Как я их нашел? Очень просто: приобрел тут новых друзей. Как их звать? И вы еще спрашиваете! Ведь это же вы!

Цена номера 30 коп.